

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

*В О Е Н Н Ы Й
ВЕСТНИК № 9*

**ЧТО ПОГУБИЛО
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ?**

Генштаб и экономика

**Москва
Сентябрь 2002 г.**

ЧТО ПОГУБИЛО СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ?

*Генштаб и экономика***

— Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни бог войны, они стрелять не годятся.

И с этою верностью левша перекрестился и помер. Мартын-Сольский сейчас же поехал, об этом графу Чернышеву доложил, чтобы до государя довести, а граф Чернышев на него закричал:

— Знай, — говорит, — свое рвотное да слабительное, а не в свое дело не мешайся: в России на это генералы есть.

Государю так и не сказали, и чистка все продолжалась до самой Крымской кампании. В тогдашнее время как стали ружья заряжать, а пули в них и болтаются, потому что стволы кирпичом расчищены.

Тут Мартын-Сольский Чернышеву о левше и напомнил, а граф Чернышев и говорит:

— Пошел к черту, плезирная трубка, не в свое дело не мешайся, а не то я отопрюсь, что никогда от тебя об этом не слыхал, — тебе же и достанется.

Мартын-Сольский подумал: «И вправду отопрется», — так и молчал.

А доведи они левшины слова в свое время до государя, — в Крыму на войне с неприятелем совсем бы другой оборот был.

Николай Лесков. Левша

В конце 1971 г. по инициативе Министерства обороны СССР было принято специальное решение Политбюро ЦК КПСС № 229 о сосредоточении усилий всех министерств и ведомств страны по вскрытию военно-экономического потенциала (ВЭП) зарубежных стран в Главном разведывательном управлении (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Этим решением ГРУ наделялось правом ставить задачи по оценке ВЭП потенциальных противников всем государственным структурам (включая КГБ, МИД, Министерство внешней торговли, все военно-промышленные министерства и учреждения Академии наук СССР и т.д.) с тем, чтобы затем представлять свои оценки и выводы в Политбюро и правительство.

Решение Политбюро № 229 предусматривало среди прочего создание в ГРУ специального военно-экономического управления с задачей подготовки ежегодных «Сборников статистических и оценочных показателей военно-экономического потенциала» (сокращенно — сборни-

* Виталий Васильевич Шлыков — эксперт МФИТ, член Совета по внешней и оборонной политике, советник генерального директора ОАО «Объединенные машиностроительные заводы»; ранее — заместитель председателя Госкомитета РФ по оборонным вопросам.

** Продолжение. Начало см.: «Что погубило Советский Союз? Американская разведка о советских военных расходах». *Военный вестник МФИТ*, № 8, апрель 2001 г. http://svop.ru/wp-content/uploads/2018/10/VoennyVestnikMFIT_No8_CHTO-POGUBILO-USSR_-RAZVEDKA-USA.pdf

ков СОП ВЭП) основных иностранных государств (США, Китая, Японии, Великобритании, ФРГ, Франции и Италии). Кроме того, тем же решением правительству СССР предписывалось создать в составе ГРУ мощный центр по исследованию ВЭП зарубежных стран на базе одного из научно-исследовательских институтов Минобороны, в который вошли бы также все «закрытые» военно-экономические подразделения Академии Наук, включая отдел технико-экономических исследований (ОТЭИ) Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) и другие.

Немедленно после этого решения было начато и в сжатые сроки завершено формирование военно-экономического (10-го) управления ГРУ, которое уже в 1972 г. выпустило первые сборники СОП ВЭП. Укомплектование управления было значительно облегчено тем, что решение № 229 предусматривало выделение для него около ста генеральских и офицерских должностей «сверх штатной численности Вооруженных сил СССР».

Формирование военно-экономического управления было завершено в рекордно короткие сроки еще и потому, что должностные категории в нем, как и вообще в центральном аппарате Минобороны и Генштаба, были по тем временам довольно высокие (это сейчас в Минобороны несколько сот генерал-полковников, в то время как в конце Великой Отечественной войны их было всего 58). Так, у начальника управления была «вилочная» категория генерал-лейтенанта/генерал-полковника, у его заместителей — генерал-майора/генерал-лейтенанта, у начальников направлений — генерал-майора. Естественно, что на эти должности потянулись люди, стремившиеся больше к генеральским звездам, чем к познанию глубин военной экономики.

Во главе управления стал генерал Ч., пришедший в ГРУ незадолго до этого из Академии Генштаба скромным полковником и не отягощенный какими-либо познаниями в области экономики или иностранных языков. Тем не менее, он оказался человеком огромной трудоспособности и чрезвычайной требовательности, и работа закипела. Сборники СОП ВЭП пеклись как блины. За те немногие годы, что он возглавлял 10-е управление (генерал Ч. быстро пошел на повышение), был организован, начиная с 1972 г., не только выпуск сборников, заданных в решении Политбюро, но и, в дополнение к ним, сборников по военно-экономическому потенциалу стран Африки, Латинской Америки, блоку НАТО в целом, Израилю и т.д.

Первоначально ГРУ очень гордилось этими сборниками. Они действительно смотрелись впечатляюще. Не менее 200-300 страниц объемом каждый, в ярких твердых обложках апельсинового цвета (из-за этого вне стен ГРУ они были известны среди посвященных как «оранжевые сборники») с надписью «Главное разведывательное управление Генерального штаба» на обложке и грифом «Совершенно секретно».

Их престижу способствовало и то, что в соответствии с решением Политбюро № 229 сборники рассылались напрямую Генеральному секретарю ЦК КПСС и членам Политбюро, что делало их единственным периодическим документом ГРУ, в обязательном порядке адресованным в столь высокие инстанции. Остальные документы ГРУ, как организации внутриведомственной, направлялись сначала начальнику Генштаба, а затем через него министру обороны, который уже сам решал, кому направлять, а кому нет тот или иной документ.

Первоначально список получателей сборников СОП ВЭП был чрезвычайно ограничен, не более двух десятков адресатов, однако постепенно он расширялся и ко времени моего ухода из ГРУ (1988 г.) зашкаливал за сотню.

Содержание сборников, однако, выглядело гораздо менее внушительно. В основном они были заполнены вполне безобидными показателями, взятыми из богатой западной статистики (численность и состав населения, валовой национальный продукт, производство основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, объем, состав и географическая направленность экспорта и импорта и т.д.). Отдельные разделы посвящались численности и составу вооруженных сил, военному бюджету, количеству и тактико-техническим характеристикам вооружения и военной техники, имеющейся в войсках того или иного государства.

Ничего секретного в этих военных разделах также не было, так как все показатели для них брались из открытых зарубежных источников. Что касается данных, добытых разведкой агентурным путем или содержащихся в шифртелеграммах заграничных аппаратов ГРУ, то их использование при подготовке сборников запрещалось. Такое решение объяснялось естественными соображениями конспирации, однако это был далеко не единственный мотив. Главная причина, как я убедился на своем опыте, состояла в том, что агентурные сведения слишком часто опровергали выводы и завышенные официальные оценки ГРУ, особенно в отношении характера и масштабов мобилизационных приготовлений стран Запада.

Таким образом, грифом «совершенно секретно» на сборниках СОП ВЭП ГРУ просто напускало на себя важность в расчете на то, что это придаст выдаваемым данным дополнительную достоверность.

Впоследствии, уже после 1980 г., когда я возглавил выпуск сборников, мне удалось понизить их гриф до просто «секретно», однако все мои попытки полностью рассекретить их или хотя бы сделать документами «для служебного пользования» потерпели неудачу. Камнем преткновения стал один из самых тощих разделов сборников, содержащий данные по мобилизационным мощностям промышленности и ее так называемому мобилизационному развертыванию. Термин «мобилизационное развертывание промышленности» изобретен в советском Ген-

штабе и на Западе не используется. Там его приблизительным эквивалентом является понятие «промышленная мобилизация».

Формальное возражение начальства состояло в том, что ГРУ не может раскрыть перед возможным противником методики своих расчетов его мобилизационных мощностей и их развертывания.

Отговорка была явно надуманная, ибо все методики были сведены в несекретное, изданное в 1973 г. «Методическое пособие по подготовке сборников ВЭП», которое без всяких ограничений мог получить или скопировать любой сотрудник ГРУ.

Важнейшую роль среди них играла «Методика расчета максимальных мощностей с использованием данных о производственных площадях сборочных предприятий».

При подсчете мощностей эта методика предусматривала следующие ограничения:

- мощности комплектующих предприятий принимаются достаточными для обеспечения нормальной работы сборочных заводов;
- действующие предприятия будут выпускать при мобилизационном развертывании ту продукцию, которую они выпускают в настоящее время или для выпуска которой они имеют соответствующую оснастку;
- все сборочные заводы будут полностью укомплектованы людскими ресурсами;
- развертывание производства будет осуществляться без помех извне;
- сборочные заводы будут заняты выпуском только военной продукции.

Согласно методике, для получения мощностей необходимо было иметь следующие данные (цитирую по тексту пособия): «суммарный вес металлоконструкций, выпускаемых заводом, группой заводов или отраслью, вес одного образца боевой техники, фонд рабочего времени (количество человеко-часов, затраченное всеми рабочими сборочного завода), удельную трудоемкость, выраженную в человеко-часах, на один килограмм веса продукции, площадь завода и наименьшую площадь пола, приходящуюся на одного рабочего». При этом предполагалось, что в условиях мобилизационного развертывания работы будут вестись без выходных дней в двухсменном режиме, с продолжительностью рабочего дня в десять часов.

Одного взгляда специалиста на эту методику достаточно, чтобы понять, что составлял ее человек, совершенно не знакомый с деятельностью разведки. Ибо получить перечисленные выше данные в реальной жизни практически невозможно, за исключением производственных площадей, а точнее крыш заводов (их можно сфотографировать из космоса). Что касается расчетов темпов мобилизационного разверты-

вания, то тут сотрудникам военно-экономического управления рекомендовался метод их прогнозирования путем подбора так называемой эмпирической кривой.

Сама по себе методика была чрезвычайно проста. Кривая строится в масштабе на миллиметровой бумаге следующим образом. В качестве исходных данных для построения кривой берутся две точки А и В, то есть показатели текущего (А) и полного (В) использования производственных мощностей. Размеры текущего и полного развертывания, а также период полного развертывания, необходимые для нанесения точек А и В определяются или из документальных источников, или из экспертно-аналитических данных применительно к каждому образцу продукции. Таким образом, кроме размеров текущего производства для построения кривой необходимо было знать всего два параметра — максимальные производственные мощности после завершения мобилизационного развертывания и сроки достижения промышленностью максимального уровня производства. «Форма кривой, — писали авторы пособия, — в значительной степени определяется углом наклона α , который устанавливается в результате экспертной оценки возможного нарастания производства в первый месяц после начала развертывания. Этот темп наращивания производства резко отличается в зависимости от типа и вида продукции и может быть с достаточной объективностью оценен подготовленными экспертами. По двум точкам А и В и углу наклона α проводится эмпирическая кривая, которая должна соответствовать вышеуказанным требованиям. Эта кривая удобна тем, что позволяет определить размер производства на любой день и месяц после начала развертывания путем логарифмирования этой функции, или, иными словами, путем вычисления площади под кривой».¹

Я бы не стал так подробно останавливаться на этих методиках, если бы они не были на протяжении четверти века после решения Политбюро № 229 основным источником той «разведывательной» информации, на базе которой Генштаб давал свои оценки мобилизационных возможностей потенциальных противников.

Вот как эти методики применялись на практике.

Для получения оценки мобилизационных возможностей того или иного государства методики нуждались в трех показателях: текущем производстве конкретного образца вооружения, мощности сборочного завода по его выпуску и времени, необходимом для производства данного образца.

Получение первого показателя — текущее производство вооружения — особого труда не представляло, так как эти данные на Западе не являются, как правило, секретными, особенно по традиционным видам вооружения (танки, самолеты, корабли, артиллерийские орудия и т.д.). Информация о них содержится и в бюджетах, и в официальных докла-

¹ Методическое пособие по подготовке сборников ВЭП. Москва, 1973. С. 25,27.

дах глав военных ведомств, и в многочисленных периодических военных изданиях (журналах, справочниках и т.п.), выходящих на Западе, и в специальных обзорах частных фирм, занимающихся изучением как национальных, так и международных рынков вооружений.

Сложнее было найти данные по мощностям сборочных заводов и срокам мобилизационного развертывания производства конкретных образцов вооружения. В открытых публикациях такие данные встречаются редко, а учитывая огромную номенклатуру выпускаемой в мире военной техники, к тому же постоянно обновляющейся, следует признать, что получение таких показателей представляет собой очень и очень непростую разведывательную задачу.

Однако 10-е управление ГРУ «решило» эту задачу элементарно. Любую попытку подчиненного офицера сослаться на отсутствие данных генерал Ч. пресекал словами: «Дай свою оценку», заканчивая разговор, как правило, своим любимым словом «Завтра!» При этом генерал Ч. требовал дать оценку не только мощностей отдельных заводов, но и всей промышленности (бронетанковой, авиационной, артиллерийской и других) в целом. Делать нечего, на следующий день офицер приходил и докладывал генералу Ч. свою оценку.

Я надеюсь, теперь читатель понимает, почему военно-экономические сборники ГРУ назывались «Сборниками статистических и оценочных (подчеркнуто мною — В.Ш.) показателей ВЭП».

Подход генерала Ч. позволял выпустить первые сборники СОП ВЭП в рекордно короткие сроки. Однако он имел и очевидные подводные камни. Генералу Ч. некогда было заниматься отдельными заводами, и он требовал дать ему в первую очередь обобщенную оценку мобилизационных мощностей всей промышленности той или иной страны. Естественно, что многие офицеры боялись занижить масштабы «милитаристской угрозы» со стороны стран Запада и давали свою оценку, что называется, по максимуму. Предполагалось, например, что если в годы второй мировой войны США имели возможность произвести 70 тысяч танков в год, то и сейчас они смогут произвести не меньше.

Однако методика требовала суммирования производственных мощностей именно сборочных заводов, а не оценки возможностей экономики в целом. Получив от подчиненного офицера его оценку мобилизационных возможностей всей промышленности в целом, генерал Ч. вызывал его на следующий день и требовал разбивки полученной суммарной мощности (скажем, 70 тысяч танков в год в случае с США) по конкретным заводам. И опять следовало грозное «Завтра!» Деваться некуда, на другой день офицер приходил и приносил список заводов, хоть в какой-то мере связанный с танковым производством, даже если это было в годы второй мировой войны.

Именно так и появилось в военно-научном труде ГРУ «Военный потенциал США» за 1975 г. под редакцией начальника Генштаба маршала

В.Куликова утверждение о том, что в американской танковой промышленности производство танков по мобилизационному плану должно осуществляться на девяти сборочных заводах, три из которых (суммарной мощностью 27 тысяч танков в год) действуют, а шесть заводов (мощностью 29 тысяч танков в год) находятся в резерве.

Короче говоря, вновь созданное военно-экономическое (10-е) управление ГРУ начало свою деятельность по оценке мобилизационных возможностей стран Запада с выдачи откровенной «липы». Это в общем-то не должно удивлять, учитывая, что управление создавалось практически на ровном месте малоподготовленными людьми. Ведь до 1972 г. в ГРУ было всего с десяток сотрудников, более или менее систематически занимавшихся военно-экономической разведкой и привыкших работать с конкретными фактами и документами, а не с методическими пособиями. Хотя все они и вошли в состав нового управления, но были в нем в незначительном меньшинстве.

Эти разведчики-практики, конечно, пытались придать более реалистичный характер выдаваемым ГРУ данным по мобподготовке, однако устоять перед «варягами» не смогли. В безнадежности их усилий я смог убедиться в первый же день своей работы в 10-м управлении.

После назначения на должность в управление я, естественно, зашел представиться к полковнику Т., начальнику западноевропейского направления, где мне предстояло работать. Полковник Т. был как раз одним из тех, кто много лет занимался в ГРУ вопросами военной экономики, имел ученую степень и тесно сотрудничал с ИМЭМО и другими академическими институтами. Полковник Т. встретил меня исключительно тепло. К этому времени я защитил в ИМЭМО кандидатскую диссертацию о совместном производстве вооружений в странах НАТО, написал ряд статей и книгу по военной экономике блока НАТО² (естественно, как кадровый сотрудник ГРУ, под псевдонимом), имел высшее гуманитарное (МГИМО) и военное (Военно-дипломатическая академия) образование, владел несколькими иностранными языками и, по видимому, представлялся полковнику Т. ценным работником. Впечатление он производил человека самоуверенного и явно считавшего, что политику управления будет определять он. Мне он прямо сказал, что генерал Ч. в экономике абсолютно ничего не понимает, так что я буду работать только с ним, полковником Т.

Генерал Ч. действительно не очень хорошо разбирался в экономике, однако в вопросах утверждения своей власти в управлении он разбирался превосходно. Отлично понимал он и важность фактора внезапности для достижения своих целей.

Во всяком случае, когда я на следующее утро прибыл к полковнику Т. за указаниями, он довольно вяло велел мне принимать дела на моем участке и вообще не выказал желания продолжить вчерашний разговор

² В.В. Репницкий. НАТО и военный бизнес. М.: Международные отношения, 1970.

о нашем будущем сотрудничестве. Я даже немного обиделся. И только к вечеру я понял причину странного поведения полковника Т. Именно в это утро он получил от генерала Ч. указание сдать дела в течение дня своему заместителю, а также письменное предписание на увольнение из Вооруженных Сил.

Не удивительно, что при такой хватке генерал Ч. сделал впоследствии блестящую карьеру. Уже через несколько лет после описанного мною эпизода он стал заместителем начальника ГРУ, а затем в звании генерал-полковника занял одну из ключевых должностей в самом Генштабе. И на протяжении всего этого времени он оставался как бы неофициальным куратором сборников СОП ВЭП, проявляя к ним неизменный интерес.

После публичной экзекуции полковника Т. и нескольких аналогичных акций генерала Ч. желающих открыто подвергать сомнению достоверность выдаваемых ГРУ военно-экономических данных не осталось. Ну, а после того, как был издан вышеупомянутый труд «Военный потенциал США» под редакцией начальника Генштаба маршала В.Куликова, куда вошли все основные оценки и цифры из сборников СОП ВЭП, это стало практически невыносимым. Надо знать армию, чтобы представить себе судьбу офицера, рискнувшего открыто оспаривать данные и выводы, утвержденные самим начальником Генштаба.

Как я уже писал выше, решение Политбюро № 229 от 1971 г. предписывало наряду с созданием в центральном аппарате ГРУ военно-экономического управления также сформировать мощный центр (институт) по изучению ВЭП зарубежных стран на базе одного из научно-исследовательских институтов Минобороны. В этот центр должны были войти ОТЭИ ИМЭМО и все остальные «закрытые» военно-экономические подразделения Академии наук (в Институте Востоковедения, Институте Дальнего Востока, Институте стран Африки, Институте географии и некоторых других).

Я думаю, понятно, что ученым из этих академических структур совсем не улыбалась перспектива оказаться под армейским сапогом, и они начали разбегаться кто куда. Уходили, как водится, лучшие.

В конечном итоге после нескольких лет бюрократических тяжб влиятельные в то время директора-академики во главе с академиком Н.Иноземцевым отбили от поползновений ГРУ и сохранили независимость своих военно-экономических отделов и секторов. Однако последние уже никогда не смогли оправиться от понесенных кадровых потерь. К тому же на их деятельности все более неблагоприятно начало сказываться и новое обстоятельство — постепенное приоткрытие «железного занавеса». Возможность заграничных поездок или даже эмиграции стала все более превращаться в одну из главных приманок для научного сотрудника. А все прекрасно знали, что работа по «закрытой» теме чрезвычайно затрудняла выезд за границу.

Потерпело ГРУ поражение и в своих попытках координировать и направлять в соответствии с решением № 229 военно-экономическое изучение зарубежных стран в других ведомствах (КГБ, МИД, и т.д.), а также получать от них разведывательную и иную информацию для сборников СОП ВЭП. Это был уже период прогрессирующего паралича советской системы, когда даже решения Политбюро выполнялись спустя рукава. Из КГБ и МИД вообще ничего не поступало, из Министерства внешней торговли поступали только статистические таблицы по экспорту и импорту, однако через несколько лет и этот источник информации иссяк. Лишь военно-промышленные министерства регулярно присылали свои справки о состоянии соответствующих отраслей зарубежных стран. Что же касается оценок производственных мощностей военной промышленности стран Запада, то тут они, за редкими исключениями, присылали цифры мощностей, взятые из получаемых ими сборников СОП ВЭП. Получался своего рода пинг-понг.

Чтобы понять, почему у ГРУ к началу 70-х гг. не было собственной экономической разведки, надо вспомнить об отношении Хрущева к советскому генералитету. Судя как по его собственным воспоминаниям, так и по другой мемуарной литературе, он был весьма невысокого мнения об интеллектуальных способностях своих генералов и предпочитал при принятии военно-политических и военно-технических решений советоваться с представителями гражданской научной элиты. Приоритет ученых при разработке основных военно-стратегических вопросов не оспаривался и самими генералами. Так, в самом известном военно-научном труде хрущевской эпохи «Военная стратегия» под редакцией маршала В.Д.Соколовского (бывшего начальника Генерального штаба с 1952 по 1960 гг. и единственного военачальника, которого Хрущев уважал, если верить воспоминаниям его сына Сергея) говорилось:

Все более усиливающаяся связь современной военной стратегии с технико-экономической и социально-политической сторонами деятельности государства (коалиции) неизбежно приводит к снижению роли и значения чисто военных функций стратегии, присущих ей в прошлом. Это обстоятельство поставило под сомнение возможность разработки проблем военной стратегии только военными специалистами. Считается, что последние в силу своей «профессиональной ограниченности» уже не в состоянии охватить и оценить все многообразие технико-экономических и социально-политических факторов, оказывающих огромное влияние на современную военную стратегию.

...Поэтому не удивительно, что в США все основные проблемы военной политики и стратегии разрабатываются гражданскими учеными при необходимой помощи и консультации соответствующих военных органов (подчеркнуто мною — В.Ш.).³

³ Военная стратегия. — М.: Воениздат, 1963. С. 144.

Основным источником информации Хрущева о военной экономике зарубежных стран и особенно США, которые его чрезвычайно интересовали, стала Академия наук СССР, в составе которой были созданы довольно мощные центры по изучению военной экономики потенциальных противников. В частности, такой центр в 1960 г. был создан под крышей Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. Центр в интересах секретности скромно назывался Отделом технико-экономических исследований (ОТЭИ) ИМЭМО, однако был практически автономен, имел собственную режимную службу, свой «закрытый» Ученый совет и т.д. ОТЭИ работал как на самые высокие партийные и правительственные инстанции, так и на оборонную промышленность. В частности, он издавал периодический «Бюллетень экономической информации» (БЭИ), подробно освещавший состояние военной промышленности основных стран Запада. Выпускал ОТЭИ и серьезные академические труды по военной экономике. В частности, в отделе был подготовлен капитальный семитомный труд «Военно-экономический потенциал США», изданный в 1965-1967 гг., естественно, с грифом «совершенно секретно» (в конце 80-х гг. труд был рассекречен). В ОТЭИ пришло немало способных ученых и энтузиастов своего дела. Среди них, в частности, можно назвать Сергея Благоволина, прошедшего путь от младшего научного сотрудника до заведующего ОТЭИ и известного широкой публике больше благодаря своей деятельности на поприще телевидения в середине 90-х гг., когда он стал генеральным директором ОРТ. Сотрудники ОТЭИ (во всяком случае, многие из них) имели возможность выезжать за границу, участвовать в международных конференциях, заказывать за границей научную литературу.

ОТЭИ поддерживал самые тесные контакты с ГРУ, которое, в свою очередь, делилось с ним добываемой информацией по военно-экономическим вопросам.

О масштабах деятельности ОТЭИ можно судить хотя бы по тому факту, что к началу 70-х гг. в нем работало около 400 научных сотрудников при общем штате ИМЭМО в 700 человек.

Аналогичные, хотя и меньшие по численности, отделы по «техно-экономическим» исследованиям были созданы и в ряде других академических институтов международного профиля (в институтах Востоковедения, Дальнего Востока, Латинской Америки, Институте географии и некоторых других).

Командование ГРУ в 60-е годы явно считало, что при наличии столь многочисленных и компетентных «субподрядчиков» в системе Академии наук ему нет необходимости иметь собственных аналитиков в области военной экономики. Поэтому оно и держало в составе своего огромного аппарата небольшое подразделение в составе десятка со-

трудников, в основном для поддержания связи с ОТЭИ и другими подобными организациями АН СССР.

Короче говоря, перефразируя Ярослава Гашека, изучение зарубежной военной экономики успешно развивалось, пока не вмешался Генштаб.

Советские военачальники, роль которых в политике и военном строительстве резко возросла благодаря их участию в свержении Хрущева в 1964 г., решили взять дело оценки военной экономики вероятных противников в свои руки. Их явно не устраивала академическая добросовестность представляемых ИМЭМО и другими академическими институтами материалов, особенно в отношении мобилизационных возможностей военной промышленности стран Запада и Китая. Генштабу эти данные казались заниженными, а хотелось представить противника как можно страшнее. Впрочем, Пентагон делал то же самое.⁴

Попросту говоря, Генштаб решил взять задачу оценки военно-экономических возможностей зарубежных стран в собственные руки. Более того, Генштаб вознамерился стать монополистом в этой области.

Забегая немного вперед, хочу сказать, что свой план Генштабу удалось реализовать на все сто процентов, что, по моему убеждению, в немалой степени способствовало резкому усилению гонки вооружений.

Однако все по порядку. Я был назначен в 10-е (военно-экономическое) управление ГРУ в 1974 г., когда уже было издано три сборника СОП ВЭП (за 1972-1974 гг.) и все цифры мобилизационных мощностей были выданы «наверх». Для США на 1 января 1973 г. ГРУ определяло их следующим образом: танки — 70 тысяч (50 тысяч основных и 20 тысяч легких) единиц в год, боевые самолеты — 23 тысячи, орудия полевой артиллерии (буксируемые) — 20 тысяч, САУ — 30 тысяч.

Примерно такие же цифры выдало и ИМЭМО (правда, на 1965 г.): боевых самолетов — 20 тысяч, танков — 44 тысячи, буксируемых орудий полевой артиллерии и минометов — 93 тысячи, САУ — 13 тысяч.⁵

При всем том между цифрами ИМЭМО и ГРУ имелись принципиальные различия. В труде ИМЭМО была сделана следующая важная оговорка:

Оценка (мощностей — В.Ш.) для каждого вида конечной военной продукции получается суммированием показателей мощностей кадровой военной промышленности и расчетных величин возможностей ассимиляции гражданских отраслей на выпуск военной техники (результат построения моделей). Построенные рабочие модели военного хозяйства США не дают ответа на вопрос о том, насколько это количество продукции может удовлетворить потребности вооруженных

⁴ См. В.Шлыков, «Роковые просчеты американской и советской разведок. Гонка вооружений и экономика». // *Международная жизнь*, 1996, № 9; 1997, № 4.

⁵ Военно-экономический потенциал США. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР. С. 314.

сил страны. Решение этой проблемы выходит за рамки данного исследования.

То есть фактически речь шла о верхней границе возможностей экономики США по производству вооружений, полученных при помощи математического моделирования с использованием межотраслевого баланса на базе учета материалоемкости производства конкретных образцов вооружения.

В данных же ГРУ речь шла о мобилизационных мощностях сборочных предприятий только военной промышленности, без ассимиляции, то есть без перевода на военные рельсы гражданского сектора экономики.

Что касается сроков и темпов мобилизационного развертывания, то здесь ГРУ просто решило перенести на западную промышленность советские взгляды на собственную мобилизационную подготовку, несколько не заботясь об истинном положении дел в США и других странах. Главная задача состояла в том, чтобы все выглядело как можно более грозно и максимально насыщено деталями, которые должны были вызвать у потребителя информации ГРУ ощущение, что он имеет дело с добытыми разведкой подлинными документами.

В том же труде «Военный потенциал США» под редакцией маршала В.Куликова утверждалось, что согласно официальным документам (подчеркнуто мною — В.Ш.) предприятия кадровой военной промышленности США имеют три вида мобилизационной готовности: высокую, низкую и минимальную. Согласно этим неназванным документам, высокая мобилизационная готовность обеспечивается на действующих предприятиях кадровой военной промышленности, резервные мощности которых полностью осваиваются через 90 суток после начала мобилизации. При этом состоянии резервное производственное оборудование (законсервированные линии) в ряде случаев постоянно подключено к энергоисточнику. Примером такого предприятия назывался Детройтский танковый арсенал, на котором якобы имелось пять сборочных линий общей производительностью 16 тысяч танков в год (на самом деле в это самое время, как я покажу ниже, единственный в США танковый завод в Детройте с трудом выпускал 600 танков в год).

Низкая мобилизационная готовность предусматривалась на резервных предприятиях военной промышленности, выход которых на полную мощность в случае мобилизации возможен через полгода, от М90 до М180 (то есть, по принятой у военных терминологии, в течение 90-180 дней после начала мобилизации — В.Ш.). При данном состоянии готовности завод находится или полностью на консервации, то есть бездействует, или на его свободных площадях производится гражданская продукция, а оборудование для выпуска военной продукции законсервировано.

Минимальная готовность предусматривается на таких резервных предприятиях, которые ранее выпускали военную продукцию, а сейчас

переведены на гражданское производство, но имеют мобилизационное задание. Развертывание военного производства на них может быть достигнуто к концу года (в период M270—M360).

И далее, в качестве примера ввода в строй подобного предприятия, находящегося в минимальном состоянии готовности, военно-научный труд приводит пример более чем тридцатилетней давности, когда в годы второй мировой войны локомотивостроительный завод фирмы «Болдуин Лайма Гамильтон» в городе Лайма (штат Огайо) приступил к серийному производству танков через девять месяцев с момента принятия решения о его перестройке. К этому времени его мощности были развернуты на 15%, а к концу года он достиг максимальной мощности.

Обобщая все выше сказанное, авторы труда приходили к выводу, что поддержание отраслей военной промышленности в состоянии трех видов готовности позволяет организовать ее работу в случае мобилизации (скрыто до начала военных действий или в ходе войны) таким образом, что основное ядро действующих предприятий развернет массовое производство оружия и боевой техники в первые три месяца войны с последующим его значительным наращиванием течение года за счет ввода мощностей резервных заводов.

На самом деле никаких «официальных документов» о столь высокой степени мобилизационной готовности промышленности США не существовало в природе. Да их и не могло быть хотя бы потому, что подобная степень регламентирования со стороны государства несовместима с самими основами функционирования частного сектора капиталистической экономики. В дальнейшем я еще остановлюсь подробнее на этом вопросе, ибо здесь кроется одна из основных причин живучести бытующих у нас до сих пор абсурдных представлений об американской системе мобилизационной подготовки экономики.

Совершенно очевидно, что авторы труда во главе с маршалом В.Куликовым пытались авторитетом разведки и якобы имеющимся у нее «данными» обосновать свои собственные взгляды на характер будущей войны. Эти взгляды были заимствованы ими целиком и полностью из упомянутой выше «Военной стратегии» под редакцией маршала В.Соколовского, изданной еще в 1962 г. Согласно авторам «Военной стратегии», в условиях ядерной войны у США просто не будет времени на перевод гражданской экономики на военные рельсы. Поэтому для удовлетворения потребностей такой войны американцам понадобится мощная военная промышленность, поддерживаемая в высокой степени мобилизационной готовности. Вот что писали маршал В.Соколовский и его коллеги:

Американская военная стратегия длительное время исходила из того, что США будут основной и притом малоуязвимой базой, призванной обеспечивать потребности в вооружении и военной технике других капиталистических стран. Утрата США стратегической неуязвимости вынудила политическое и военное руководство США пересмотреть

свои взгляды на подготовку экономики к войне и отказаться от классической формулы развертывания военного производства в ходе самой войны.

Эти взгляды были пересмотрены, исходя из того, что в начальный, наиболее ответственный период войны промышленность может понести крупный урон от ядерного оружия противника, что может серьезно сказаться на обеспечении вооруженных сил наиболее важными видами оружия — ядерным, ракетным, стратегическими бомбардировщиками и средствами ПВО. В силу этого подготовку промышленности было решено вести таким образом, чтобы она была способна обеспечить непрерывность производства указанных видов оружия и наращивать его выпуск даже в самых тяжелых для США условиях войны. Для этого основные заводы еще в мирное время должны поддерживаться в действующем состоянии и быть в постоянной готовности к переходу в течение двух-трех месяцев на массовый выпуск наиболее важных видов оружия (подчеркнуто мною — В.Ш.). Производство предполагается организовать таким образом, чтобы имелась возможность выпускать оружие в условиях нарушения коммуникаций внутри страны, средств связи и уменьшения возможностей по привлечению дополнительной рабочей силы и промышленного оборудования. Предусматривается не менее чем двойное дублирование производства различных видов вооружения и техники.⁶

Если подобные взгляды еще как-то можно было обосновать в конце 50-х — начале 60-х годов, когда американцы всерьез рассматривали возможность всеобщей ядерной войны, то к середине 70-х гг. подобные воззрения утратили всякую связь с реальностью. К этому времени американцы фактически отказались от поддержания резервных мощностей в своей военной промышленности. Это можно проиллюстрировать на плачевном состоянии бронетанковой промышленности США, ставшим очевидным после войны «Судного Дня» 1973 г. между арабами и израильтянами.

Дело в том, что в ожесточенных сражениях с арабами в ноябре 1973 г. безвозвратные потери израильской армии составили за 18 дней боев 840 танков, или 42% от всего танкового парка (2000 машин) на начало войны.

Уцелевший парк танков также находился в плачевном состоянии, ибо большинство израильских танков было повреждено, иногда неоднократно, на поле боя (всего было повреждено 2500 танков или 125% от первоначального числа) и возвращено в строй лишь благодаря прекрасной танкоремонтной службе израильской армии. Огромные потери понесли израильтяне и в бронетранспортерах (было уничтожено 1900 БТР, или 43% предвоенного парка в 4400 машин).

Арабо-израильская война 1973 г. заставила американское командование пересмотреть свою потребность в танках. Во-первых, американцам пришлось оголить танковый парк своей военной группировки в Европе, за

⁶ Военная стратегия. — М.: Воениздат, 1963. С. 144.

счет которой США в срочном порядке восполнили танковые потери израильтян. Естественно, командование войск США в Европе потребовало от правительства незамедлительного возмещения своих «потерь».

Однако главная причина возросших потребностей армии США была даже не в этом. Высокий уровень потерь в танках во время войны 1973 г. заставил американское командование пересмотреть свои взгляды на уровень собственных потерь в случае возможного крупномасштабного вооруженного конфликта с СССР. Если до 1973 г. американцы считали, что такие потери составят 8,6% в месяц (для танков М60) от имеющихся в войсках танков на начало боевых действий, то после арабо-израильской войны они пришли к выводу, что такие потери составят не менее 20,1%.

Надо сказать, что американский танковый парк к началу 1974 г. насчитывал всего 8226 машин (в 5-6 раз меньше, чем у СССР), из которых лишь 5049 были современными танками М60. Остальные 3177 машин были типа М48 постройки 1953-1959 гг., часть из которых была оснащена огнеопасными бензиновыми двигателями.⁷

Короче говоря, было решено в авральном порядке увеличить закупки танков у американской промышленности.

Смоделировав сценарии будущих боевых действий с учетом опыта войны «Судного Дня» 1973 г., Пентагон пришел к выводу, что ему необходимо увеличить ежегодные закупки танков как минимум в 5-12 раз.⁸

И вот тут-то выяснилось, что американская промышленность совершенно не готова к удовлетворению возросших appetитов армии США. Строго говоря, ничего удивительного в этом не было. На протяжении 20 лет, с 1959 по 1979 гг., выпуском основных боевых танков⁹ в США занимался один-единственный сборочный танковый завод в Детройте.

Выпуск танков на Детройтском заводе упал в 1965-1971 гг. до уровня 200-300 танков в год. В 1972 финансовом году Пентагон закупил всего 118 основных боевых танков. Правда, с 1965 г. осуществлялся выпуск легких разведывательных танков М551 «Шеридан», однако в 1971 г. их производство было прекращено.

Естественно, что столь низкий уровень выпуска танков, едва обеспечивавший непрерывность производственного цикла на Детройтском заводе, подорвал привлекательность военного бизнеса для многих поставщиков танковых узлов и компонентов и привел к заметной эрозии субподрядной

⁷ Department of Defense Appropriations for 1975. Hearings before a Subcommittee of the Committee on Appropriations. House of Representatives, December 12, 1974 — March 1975, p. 195.

⁸ Proceedings of the North American Defense Industrial Base Association. A conference on Canada—U.S. Common Defense Sharing Agreements. Ottawa, April 26, 1985, p. 58.

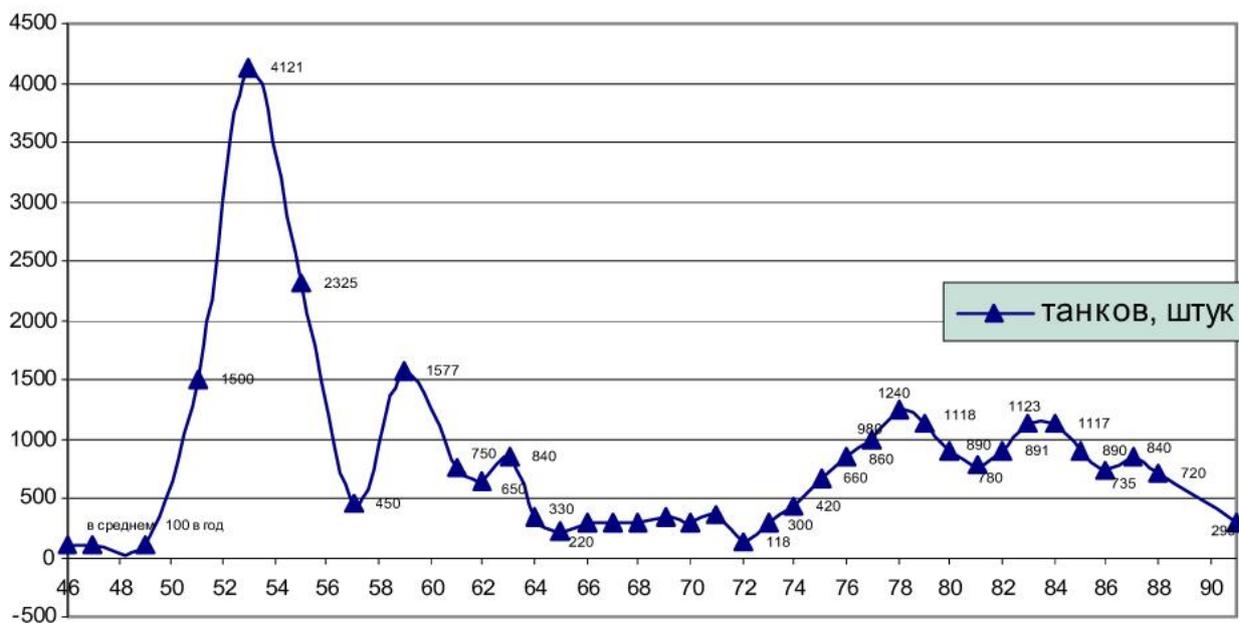
⁹ Термин «основной боевой танк» появился в 1960 г., с началом выпуска танка М60, когда США (а вслед за ними и страны НАТО) отказались от существовавшей до этого классификации танков по весовой категории (легкие, средние и тяжелые). Вместо этого они перешли к их делению по предназначению — основные боевые (то есть прежние средние и тяжелые) и легкие разведывательные танки (бывшие легкие).

базы танковой промышленности. Так, если в 1959-1962 гг. в США имелось два завода-поставщика танковых корпусов и три завода по отливке танковых башен, а в 1963-1971 гг. соответственно по два таких завода, то в 1974 г. остался всего один завод фирмы «Блау Нокс» в г. Ист-Чикаго (штат Индиана), способный выпускать немногим более 500 комплектов танковых корпусов и башен в год. Так, даже после перехода на трехсменную рабочую неделю без выходных завод в Ист-Чикаго смог выпустить всего 512 комплектов корпусов и башен.¹⁰

У читателя может возникнуть вопрос, а в чем собственно проблема? Все, что надо сделать в такой ситуации — это выделить деньги на расширение закупок крупного броневого литья, расконсервировать резервные литейные заводы, построить, наконец, новые заводы.

С деньгами, действительно, проблем не было. Конгресс без промедления выделил практически неограниченные средства на расширение производства броневого литья, в том числе 24 млн. долларов на увеличение мощностей завода в Ист-Чикаго с 500 до 760 комплектов в год, и еще большие суммы на расконсервацию литейного завода в г. Бердсборо (шт. Пенсильвания). И тем не менее первый дополнительный танк в результате предпринятых пожарных мер по расширению танкового производства США получили лишь спустя 28 месяцев после ассигнования средств на закупку дополнительных танков.¹¹ Динамика производства танков американской промышленностью в 1946-1991 гг. наглядно видна на графике 1.

График 1
Динамика производства танков в США
в 1946-1991 гг.

¹⁰ Jacques S. Gansler, The Defense Industry. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1980. P. 144.

¹¹ A Symposium on Threats to the U.S. Defense Industrial Base. Presented by the ADPA, December 11-12, 1986, Washington, D.C., 1986, p. 80.

Для понимания возникших трудностей лучше всего предоставить слово самим американским специалистам. Вот что, например, сообщал в своем докладе Министерству обороны США Р.Зильман, технический директор американской ассоциации производителей стального литья, которому Пентагон поручил провести обследование мобилизационных возможностей американской литейной промышленности:

Вследствие низкого уровня выпуска танков (достаточного для поддержания в действующем состоянии только одного литейного завода) в последние годы были потеряны кадры квалифицированной рабочей силы и специалистов, резко снизилось количество производственного оборудования и его технический уровень. После окончания Корейской войны правительство стремилось поддерживать мощности по производству танкового литья в состоянии, позволяющем быстро нарастить выпуск танков в случае возникновения новых чрезвычайных обстоятельств. Однако в конце 60-х гг. правительство, судя по всему, отказалось от своей политики поддержания резервной базы производства крупного броневое литья. В результате этого нам сейчас не остается ничего другого, как начинать все заново.¹²

Единственно возможным выходом из возникших трудностей с броневым литьем в максимально сжатые сроки Р.Зильман считал расконсервацию завода в г. Бердсборо. (Этот завод был построен специально для выпуска танковых башен корпусов в конце войны в Корее, но так и не приступил к их производству, и был продан частной фирме, которая освоила на нем выпуск мелкого литья для гражданского сектора.) Однако и в этом оптимальном случае, по оценке Зильмана, потребуется не менее 22 месяцев для выхода завода на производство 480 комплектов корпусов и башен в год.

Ситуация, сложившаяся в танковой промышленности США в 1973-1978 гг., вынудила Жака Генслера, известного специалиста в области военной промышленности США, ставшего впоследствии заместителем министра обороны по НИОКР и закупкам вооружения в администрации президента Б.Клинтона, сделать вывод, что она, эта ситуация,

продемонстрировала полное отсутствие мобилизационного планирования со стороны правительства, особенно на уровне субподрядчиков и поставщиков.¹³

Таким образом, ГРУ зависило реальные возможности кадровой промышленности США, едва способной в это время к выпуску полутысячи танков в год, примерно в сто раз, то есть на два порядка. Аналогично (в десятки и более раз) были завышены мобилизационные возможности военной промышленности США и по производству других видов вооружения (самолетов, артиллерийских орудий, боеприпасов и т.д.).

¹² Department of Defense Appropriations for 1975. Hearings before a Subcommittee of the Committee on Appropriations. House of Representatives, December 12, 1974 — March 1975, p. 279.

¹³ Jacques S. Gansler, Op. cit. P. 144.

Столь же преувеличенными были оценки мощностей военной промышленности Западной Европы.

Думаю, что в истории современной разведки других просчетов подобного масштаба не найти. И это при том, что, как я попытался показать на примере производства танков в США, имелось достаточное количество вполне доступной информации, убедительно показывавшей, что ни больших резервных мощностей, ни повышенной готовности к мобилизационному развертыванию у военной промышленности стран Запада не было. Имелись в ГРУ и вполне достоверные документы, добытые агентурным путем, подтверждавшие данные открытой печати.

Почему же вся эта обширная информация (кстати, часто дорогостоящая и добытая трудным, а иногда и опасным путем самой разведкой) была отброшена в пользу откровенной «липы»? Причин этого несколько.

Во-первых, отсутствие квалифицированных специалистов, необходимых для изучения такого сложного явления, как военно-экономический потенциал современных государств Запада. В сущности, его и изучать-то в начале 70-х годов было некому. Это может показаться неправдоподобным, но в такой огромной организации, как ГРУ, в которой одних генералов насчитывается не менее сотни, в это время, как я уже писал выше, набиралось едва с десятков сотрудников, более или менее постоянно занятых изучением и анализом военной экономики практически всего мира, кроме государств Варшавского Договора. Да и из этой десятки никто не имел экономического образования.

К тому же большинство из них вскоре были уволены с военной службы или переведены в другие подразделения ГРУ, так как они не сработались с руководством 10-го управления. Привыкнув работать с документальными данными и отвечать за достоверность выдаваемой ими информации, они, естественно, не могли не усомниться в достоверности тех оценок мобилизационных мощностей, которые получались на базе утвержденных генералом Ч. методик.

Надо сказать, что военно-экономическое управление было в составе ГРУ довольно чужеродным образованием. Практически все его руководство состояло из пришельцев со стороны, не служивших ранее в разведке. Заместителем генерала Ч. был назначен (с присвоением звания генерал-майора) профессор и доктор экономических наук О., занимавшийся в одном из видовых институтов Министерства обороны изучением стоимостных характеристик советских систем оружия. С зарубежной экономикой он никогда не сталкивался, иностранными языками не владел. Ему явно отводилась роль «свадебного генерала», который должен придавать солидность методикам расчета мобилизационных мощностей. Генерала Ч. он боялся, как огня, и ни в чем ему не перечил.

Мой непосредственный начальник, полковник Л., возглавивший западноевропейское направление, также не имел прежде дел с развед-

кой. В прошлом сослуживец маршала В.Куликова, он явно пришел просто за генеральским званием с преподавательской работы.

Правда, среди вновь назначенных рядовых сотрудников управления было немало кадровых разведчиков, уже побывавших за рубежом, владевших иностранными языками и, как подобает разведчикам, быстро осваивавшихся в новой для них сфере военной экономики. Однако у нас они, как правило, более 2-3 лет не задерживались, ибо назначались в управление, как правило, просто для «отсидки» до следующей заграничной командировки.

Информационно-аналитическая работа в ГРУ всегда считалась делом второстепенным по сравнению с оперативной работой и назначение на нее считалось для оперативного офицера своего рода понижением. Из кадровых разведчиков я был, пожалуй, единственным, кто сам добивался назначения в управление генерала Ч. Начальство по прежней работе к моему желанию заниматься военной экономикой отнеслось как к блажи, но в конце концов дало добро, предупредив, что отпускает меня лишь на время. И действительно, впоследствии оно не раз отзывало меня на «основную» работу.

Не удивительно, что при подобном примате оперативной работы перед аналитической военно-экономическое управление как часть центрального аппарата ГРУ просуществовало сравнительно недолго. Уже к середине 70-х гг. командование ГРУ утратило интерес к военной экономике. Сборники СОП ВЭП выпускались как на конвейере, каких-либо нареканий «сверху», в том числе со стороны Генштаба, их содержание не вызывало. Вполне естественно, что руководству ГРУ явно стало жалко тратить полдюжины генеральских и несколько десятков полковничьих должностей на выращивание каких-то там экономистов. В 1978 г. 10-е управление ГРУ было расформировано, а на основе его штатов создано еще одно оперативное управление.

Поводом для расформирования 10-го управления стало создание в 1976 г. научно-исследовательского института по изучению зарубежных стран во исполнение постановления Политбюро № 229. Правда, произошло это с задержкой в пять лет и без всякого участия институтов Академии наук СССР, вопреки тому, как это было первоначально задумано. К тому же, это уже был не предусматривавшийся постановлением № 229 институт исследования и прогнозирования военно-экономического потенциала (ВЭП) зарубежных стран, а институт изучения и оценки военного потенциала этих стран в целом, в котором ВЭП отводилось подчиненное место как одному из элементов (наряду с чисто военным и военно-техническим потенциалами) совокупного военного потенциала.

В институте было создано военно-экономическое управление, куда я и был назначен в ноябре 1976 г. заместителем начальника управления. Я дал согласие на это назначение после того, как мне было сказано,

что 10-е управление ГРУ будет продолжать выпускать сборники СОП ВЭП и заниматься текущим информированием руководства Минобороны и страны в целом по вопросам военной экономики, а мое управление будет развивать теорию ВЭП, разрабатывать новые методики его оценки и т.д.

Мне это казалось вполне логичным и разумным, так как после двух лет работы в 10-м управлении я уже понял, что данные по мобилизационным мощностям потенциальных противников чудовищно завышены и нуждаются в корректировке. Я также понимал, что 10-е управление не располагает для этого ни достаточно квалифицированными кадрами, ни научно-методической и исследовательской базой.

Новое управление, в которое я был назначен, пришлось создавать практически с нуля. Однако данное обстоятельство имело и свои плюсы. Прежде всего это позволяло организовать целенаправленный подбор и подготовку кадров. И начальник управления, и я понимали, что готовых специалистов, знающих зарубежную военную экономику и владеющих к тому же иностранными языками, в том числе восточными, нам не найти. Сотрудники ИМЭМО и других академических институтов к нам идти не желали по причине скромности наших должностных окладов и строгостей режима воинской части. Кадровых разведчиков, вернувшихся из заграничных командировок, обогащенных знанием страны и ее языка, к нам заманить было трудно, так как в военном научно-исследовательском институте должностные категории и оклады всегда ниже, чем в центральном аппарате. К тому же их, если они все же к нам попадали, как правило, через год-два снова отправляли в очередную командировку за рубеж. А за год-два серьезного специалиста в области экономики не подготовишь.

Поэтому мы с самого начала взяли курс на подготовку собственных кадров военных экономистов. Их основным источником стали гражданские вузы, такие как МГУ (экономический и географический факультеты), Плехановский институт, МВТУ им. Н.Баумана и некоторые другие. Особое предпочтение мы отдавали выпускникам географического факультета МГУ, специализировавшимся по кафедре зарубежной географии. За время учебы они не только приобретали неплохие знания по экономике стран Запада, но и успевали выучить по два иностранных языка в объеме, позволявшем читать в оригинале соответствующие документы и литературу. Со временем мы начали подбирать перспективных кандидатов для работы в управлении еще в процессе учебы, начиная с третьего или четвертого курсов.

Надо сказать, что выпускники гражданских вузов шли к нам на работу довольно охотно. Это объяснялось рядом причин. Во-первых, тем из них, кто этого желал, предоставлялась возможность быть зачисленным в кадры вооруженных сил и служить уже в офицерском звании. Во-вторых, всем им предоставлялась возможность учебы в рабочее время на курсах иностранных языков, в том числе редких. В-третьих, в

институте был собственный ученый совет, что открывало широкие возможности для получения ученых званий и степеней. Защита диссертаций облегчалась наличием большого количества иностранной научной литературы и документов по военной экономике, малодоступных в академических институтах (к этому времени ГРУ прекратило делиться с ОТЭИ и прочими военно-экономическими подразделениями Академии наук подобной литературой, в отличие от 60-х гг., когда такая практика носила регулярный характер).

Разумеется, на основные руководящие должности в управлении (оно состояло из полудюжины отделов, каждый из которых в свою очередь имел 3-4 лаборатории) мы старались подбирать офицеров, имеющих опыт разведывательной работы. Это позволяло поддерживать тесные рабочие контакты с оперативными управлениями, которым мы ставили задачи по добыванию требующейся нам информации. При этом мы предпочитали брать так называемых «невыездных» разведчиков, то есть таких, которым по какой-то причине («сгоревших» на каком-нибудь шпионском скандале, впавших в немилость у кадровиков из-за семейных неурядиц и т.д.) не грозила отправка за границу в длительную командировку. Для них в свою очередь работа в управлении была привлекательна тем, что давала возможность защитить диссертацию и подготовиться к гражданской жизни на случай увольнения с военной службы.

Такой симбиоз недавних студентов и опытных разведчиков оказался в целом удачным. Довольно быстро управление превратилось во вполне работоспособный научный коллектив, с увлечением принявшийся за постижение сначала азов, а затем и основ, и даже секретов военной экономики. Исследования велись по довольно широкому диапазону тем: военные бюджеты, военное производство, размещение военной промышленности, запасы стратегического сырья, закупки вооружения и военной техники, мобилизационное законодательство, структура управления экономической мобилизацией, торговля оружием. Особое внимание обращалось на изучение специализации и кооперирования в военном производстве и их влиянии на возможности мобилизационного развертывания военной промышленности. Результаты исследований воплощались в справочники, монографии, тематические выпуски и другие издания, которых к началу 80-х гг. выпускалось по несколько десятков в год. Все эти издания рассылались, в зависимости от тематики, в самые различные инстанции — ЦК КПСС, руководство Минобороны, Госплан, министерства оборонной промышленности, виды вооруженных сил и т.д.

Условия для аналитической работы в управлении были хорошие, а в чем-то даже уникальные. Так, мы могли заказывать космической разведке снимки военных заводов для определения их производственных мощностей и привлекать специалистов ВПК для их расшифровки, заказывать через зарубежные аппараты ГРУ интересующую управление литературу и официальную документацию, а также ставить задачи на по-

лучение необходимой нам информации. Управлению также выделялись довольно значительные валютные средства на закупку через «Международную книгу» зарубежной периодики и различных подписных изданий.

Роспуск в конце 1978 г. 10-го управления ГРУ резко изменил характер нашей деятельности. Все обязанности упраздненного управления в полном объеме перешли к нам. Эти обязанности включали в себя не только выпуск сборников СОП ВЭП, но и все текущее информирование высшего руководства (как военного, так и ЦК и Совмина) по всем военно-экономическим вопросам, касающимся зарубежья. А это означало, что наше управление наряду с исполнением информационно-аналитической функции стало одновременно выступать в роли своего рода справочного бюро, обязанного отвечать на самые разнообразные вопросы. Среди них могли быть запросы о числе истребителей F-15 или ракет «Першинг» с начала их производства, стоимости и номенклатуре вооружения, закупленного за рубежом Израилем или Бангладеш, стоимости английского эсминца или контейнеровоза с вертолетами, потопленных аргентинской авиацией во время войны за Фолкленды, цене барреля нефти на Лондонской бирже и т.п.

Подобная работа в режиме «вопрос—ответ», конечно, заметно повышала нагрузку на сотрудников управления, отвлекая их от серьезной аналитической работы. С другой стороны, она же давала хорошую возможность понять круг интересов наших заказчиков, прежде всего из Генштаба, и оценить их общую информированность.

Однако главной нашей заботой стали, конечно, сборники СОП ВЭП.

Работа с ними стала заметно труднее и ответственнее, чем при выпуске первых сборников. И в тоже время интереснее. Если первоначально в сборниках давался прогноз развития ВЭП на пять лет, то нам теперь «горизонт» такого прогноза был расширен до 10 лет, а вскоре и до 15 лет. Это предполагало, что наряду с отслеживанием текущего производства вооружения мы должны были предсказывать объемы производства и стоимостные характеристики перспективных систем оружия, которые поступят на вооружение лишь в будущем.

Естественно, мы были вынуждены более критически относиться к выданным ранее от имени ГРУ оценкам мобилизационных мощностей военной промышленности разведываемых стран и особенно к срокам мобилизационного развертывания военного производства.

К этому времени мы уже имели немало доказательств того, что к концу 70-х гг. США фактически отказались от поддержания и финансирования мобилизационных мощностей в своей военной промышленности, за исключением отдельных высокоспециализированных производств (в основном боеприпасы и взрывчатые вещества).

После второй мировой войны США пытались какое-то время соперничать с СССР в области создания и поддержания мобилизационных

мощностей в промышленности на случай войны. Часть предприятий, особенно в боеприпасной промышленности, были законсервированы и переведены в резерв, а многие другие после перехода на выпуск гражданской продукции сохранили мобилизационные задания на случай войны. Были созданы также огромные запасы стратегического сырья и материалов, рассчитанные на удовлетворение потребностей мобилизационного развертывания промышленности в случае длительной войны. Более того, после начала в 1950 г. войны в Корею, которую США рассматривали как пролог к третьей мировой войне, было построено много новых государственных военных заводов, включая четыре танковых общей мощностью в 30-35 тыс. танков в год. Почти все они после окончания корейской войны были переведены в резерв. В 1955 г. Министерству обороны США принадлежало 288 резервных предприятий, включая 52 завода по производству взрывчатых веществ и порохов, 49 — по выпуску вооружения для сухопутных войск, 47 авиационных, 48 судостроительных и 11 военно-химических.

Однако уже с начала 60-х годов США начали все решительнее и все более ускоряющимися темпами свертывать мобилизационные мощности своей промышленности. Одной из причин этого стало появление у Советского Союза большого количества ядерного оружия и средств его доставки на американский континент, что давало СССР возможность в случае необходимости сорвать мобилизационное развертывание американской экономики путем нанесения массированного ядерного удара. Однако главная причина была в другом. Она заключалась в резком усложнении военной техники и связанном с этим усилением специализации военного производства.

Если в период первой и в значительной мере второй мировой войн гражданское и военное производство характеризовалось относительной близостью технологий, оборудования и профессионального мастерства рабочей силы, то после второй мировой войны военная промышленность превратилась в высокоспециализированную сферу производства, четко обособленную от гражданских отраслей промышленности. Так, если во время первой мировой войны в США 80% военной продукции выпускалось на обычных предприятиях гражданской промышленности (металлургических, машиностроительных и химических заводах), то к 1941 г. доля гражданской промышленности в выпуске военной техники упала до 50%, а к 1963 г. — до 10%. Все остальное вооружение стало производиться на специализированных заводах так называемой «кадровой» военной промышленности. А это неизбежно приводило к обособлению военного производства от остальной экономики.

Примером высокой степени специализации военной промышленности может служить производство высокоточного оружия. В 1985 г. Комитетом начальников штабов вооруженных сил США было проведено обследование производственной базы 20 серийных образцов высокоточного оружия (зенитных управляемых ракет «Пэтриот», крылатых ракет

«Гарпун» и «Томахок», противотанковых ракет «Тоу» и «Хэллфайр», ракет класса «воздух—воздух» «Сайдуиндер», «Мэйверик» и др.). Было установлено, что на сборочных заводах, выпускающих эти образцы оружия, доля продукции, закупаемой Министерством обороны США, составляла 94% от общего объема производства этих заводов. Остальные 6% продукции пришлось на долю закупок частных фирм и экспортные поставки, среди которых также преобладала военная продукция. Несмотря на то, что эти заводы входили в состав крупных, широко диверсифицированных фирм со значительным объемом гражданской продукции, военное производство в этих фирмах на уровне заводов было полностью обособлено от гражданского. Такое обособление было обусловлено коренными различиями в условиях их работы (режим секретности, порядок финансирования, материально-техническое обеспечение, технологические процессы и оборудование).

Особенно бурное развитие после второй мировой войны получила поузловая и поддетальная специализация, при которой готовая система оружия собирается на головном предприятии из деталей и узлов, поставляемых субподрядчиками. Одно только радиоэлектронное оборудование ракет и боевых самолетов имеет десятки тысяч компонентов. Даже сравнительно простой по конструкции 155-миллиметровый артиллерийский высокоточный снаряд «Копперхэд» насчитывает 1200 деталей.

Изготовление современных систем оружия требует формирования сложных многоуровневых систем производственных связей. Поставки материалов, заготовок, деталей, узлов и агрегатов осуществляют тысячи и даже десятки тысяч различных предприятий. В выпуске современных танков, например, принимают участие более 6 тысяч заводов. Компоненты для межконтинентальной баллистической ракеты «Минитмэн» поставляли 40 тысяч субподрядчиков.

К тому же в производстве вооружения используется большое количество компонентов и заготовок, не имеющих аналогов в гражданском секторе и требующих для своего изготовления специального, зачастую уникального оборудования и оснастки.

В 1985 г. из 414 субподрядчиков первого уровня, участвовавших в выпуске упомянутых выше 20 образцов высокоточного оружия, 112 были единственными в США предприятиями, способными поставлять необходимые компоненты.

Нетрудно понять, что сбои или узкие места в производстве, практически неизбежные при столь разветвленной кооперации, вызывают тряску во всей кооперационной сети.

Американцы, конечно, отдавали себе отчет в невозможности поддерживать мобилизационную готовность и тем более резервные мощности во всех звеньях кооперационной цепи по производству той или иной сложной системы оружия.

Заместитель министра обороны США по вопросам резервов и тыла Лоуренс Корб писал в 1983 г.:

Программа производства истребителя F-15, например, охватывает около 300 крупных субподрядчиков только первого уровня, а общее число участвующих в производстве истребителя фирм исчисляется тысячами. Хотя возможности министерства обороны по контролю и инспекции головных подрядчиков и в меньшей степени субподрядчиков первого уровня значительны, отслеживание всех фирм более низких субподрядных уровней, занятых производством многих тысяч компонентов, представляет собой такую гигантскую задачу по обработке информации, масштабы которой поистине необъятны. Вряд ли будет преувеличением утверждать, что задачи планирования, которые легли бы на плечи министерства обороны при попытке «управлять» таким процессом, по своему объему не уступали бы тем, которые потребовались для высадки человека на Луну. Более того, во многих отношениях мобилизационное планирование в современном мире новейших технологий представляет собой более сложную задачу, чем эта космическая программа.

Хотя мы сегодня и располагаем некоторыми возможностями по наращиванию нашего производства авиационной техники, эти возможности имеются лишь в силу того, что мы, ввиду финансовых ограничений, производим несколько типов самолетов более низкими темпами, чем те, на которые были рассчитаны производственные мощности при принятии программ выпуска этих самолетов.

Вследствие этого всякие излишки мощностей и связанная с ними возможность наращивания производства являются в основном нежелательной случайностью, а отнюдь не результатом какого-то рационального, продуманного плана.

Другой причиной, побудившей США отказаться от содержания мобилизационных мощностей по большинству средств вооруженной борьбы (исключением являются боеприпасная промышленность и промышленность артиллерийского вооружения, в которых были сохранены ранее созданные мобилизационные мощности на случай войны), стали длительные технологические сроки изготовления современного вооружения. Это связано с тем, что для изготовления каждого образца вооружения требуется вполне определенное время, ранее которого образец физически не может быть изготовлен. И время это многократно возросло по сравнению с периодом второй мировой войны, когда суда типа «Либерти» строились в течение нескольких недель, и ни одна из систем оружия не требовала на свое создание больше одного года. Сейчас технологическое время изготовления истребителя F-15 составляет 3 года, танка «Абрамс» — 22 месяца.

Это связано прежде всего с возросшей сложностью современного вооружения. Усложнился сам производственный процесс, возросли требования к квалификации рабочей силы, удлинились сроки изготовле-

ния узлов и деталей, ужесточились допуски при обработке материалов, намного сложнее стали конструктивные схемы вооружения.

В 1976 г. министерство обороны и административно-бюджетное управление при президенте США провели совместное детальное изучение способности авиационной промышленности США к мобилизационному развертыванию. В официальном заключении созданной для этой цели специальной комиссии под председательством Ж.Генслера констатировалось, что авиационной промышленности США понадобится два года, прежде чем станет возможным сколько-нибудь заметное увеличение производства на существующей производственной базе, и три года, прежде чем увеличение выпуска авиационной техники окажет влияние на боевые возможности вооруженных сил. Реальные сроки, по мнению комиссии, будут еще больше, так как при своих расчетах комиссия опиралась на нереалистическое, по ее мнению, допущение, что авиационная промышленность не будет испытывать никакой нехватки в квалифицированной рабочей силе, а началу войны будет предшествовать предмобилизационный период продолжительностью в один год.

Выступая в 1980 г. в Конгрессе на слушаниях по вопросу о состоянии военно-промышленной базы США, заместитель министра обороны Р.Делауэр так характеризовал данную проблему:

В настоящее время мы способны увеличить производство, например, самолетов А-10, F-15, F-16, танков М-1, фрегатов и эсминцев на 50% по сравнению с текущим выпуском. Однако мне хотелось бы обратить ваше внимание на следующее обстоятельство. Наличие способности к увеличению производства вооружения часто путают с возможностью его быстрого наращивания в случае необходимости. А вот как раз такой возможности, скажем, удвоить производство истребителей F-16 в течение трех или шести месяцев, мы и не имеем. Дело не в том, располагаем ли мы излишками производственных возможностей на наших заводах. Просто для того, чтобы построить один из этих самолетов, требуется два года. Даже при наличии всего необходимого оборудования и оснастки сделать это быстрее попросту невозможно. Таким образом, мы не обладаем способностью к быстрому наращиванию производства ни одной из важных систем оружия, которые мы выпускаем в настоящее время.

Технологически обособленный и относительно малосерийный характер производства традиционного вооружения (танки, самолеты, артиллерия, боевые корабли) предрасполагает к сохранению на военных заводах трудоемких производственных процессов и устаревшего оборудования. Журнал американских деловых кругов «Форчун» констатировал в апрельском номере за 1984 г.:

Хотя современные самолеты относятся к числу наиболее сложных высокотехнических изделий, их делают главным образом с применением малопроизводительного традиционного оборудования высокооплачиваемые рабочие высшей квалификации. Результат: произво-

дительность эры железных дорог и невероятно растянутые сроки производственного цикла.

Изучение американского мобилизационного законодательства выявило всю абсурдность господствовавших ранее в ГРУ представлений о высочайшей мобилизационной готовности промышленности США, приведенной в вышеупомянутом труде «Военный потенциал США» якобы на основе официальных документов (о возможном якобы выходе американских предприятий на полную мощность в течение 90-180 дней после начала мобилизации и т.д.).

Наоборот, официальные документы¹⁴ убедительно свидетельствовали, что основной особенностью американской системы мобилизационной подготовки промышленности является *ДОБРОВОЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР* поддержания мобилизационных мощностей со стороны частного сектора. Это проистекает из традиционного американского подхода к мобилизационной подготовке экономики, исходящего из стремления свести до минимума прямое вмешательство государства в дела частного предпринимательства. Вместо этого для поддержания мобилизационной готовности промышленности максимально используются финансовые рычаги и стимулы.

Очевидно, что всякая недогрузка производственных мощностей, в том числе и за счет поддержания их резерва на случай войны, является для промышленников крайне нежелательной. Также понятно, что за содержание избыточных мощностей в интересах мобилизационных приготовлений промышленник требует (и, естественно, получает) полную компенсацию со стороны правительства.

В связи с этим всякие случаи наличия в военной промышленности (не говоря уже о гражданской) мобилизационных мощностей носят весьма ограниченный и частный характер.

В условиях бюджетных ограничений мирного времени Министерство обороны США, отвечающее за мобилизационную подготовку военной промышленности, за редкими исключениями не выделяет средств на поддержание и тем более на расширение производственных мощностей на случай войны.

Ввиду того, что сами частные фирмы не заинтересованы в финансировании за собственный счет избыточных мощностей, такое положение вещей рано или поздно неизбежно приводит к уменьшению или даже полному исчезновению мобилизационных мощностей по выпуску большинства образцов оружия и военной техники.

Авторитетные американские специалисты в области экономической мобилизации Р.Воутер и Л.Карадбиль (бывший директор Управления

¹⁴ В приложениях 1 и 2 приводятся некоторые документы, регулировавшие в 70—80-е гг. мобилизационную подготовку промышленности США.

промышленных ресурсов в Министерстве торговли) констатировали еще в 1985 г., то есть на пике гонки вооружений:

Все имеющиеся редкие примеры наличия резервных мощностей, поддерживаемых в чисто мобилизационных целях, например, в боеприпасной промышленности, во всех без исключения случаях (выделено мною — В.Ш.) являются следствием прямого государственного финансирования. Свободный рынок не будет (выделено мною — В.Ш.) брать на себя создание резервных мобилизационных мощностей.¹⁵

Была и еще одна важная причина, делавшая, по мнению американцев, бессмысленным поддержание больших мобилизационных мощностей в промышленности на случай войны. Это был ожидаемый уровень расхода вооружения и других материальных ресурсов, делавший совершенно нереальным содержание в мирное время производственных мощностей или запасов вооружения, достаточных для обеспечения потребностей большой неядерной войны.

В обоснование подобного вывода американцами был проведен ряд расчетов. В частности, была сделана попытка определить потребности вооруженных сил США в материальных ресурсах в течение одного года неядерной войны в Европе. Согласно принятому сценарию, группировка американских войск в Европе включала в себя на день «Д» 30 дивизий сухопутных войск, 3600 самолетов тактической авиации и 350 кораблей ВМС. Предполагалось, что в течение года войска будут вести активные боевые действия в течение 120 суток.

Проведенные расчеты показали, что расход боеприпасов 30 дивизий сухопутных войск составит за год 4320 тысяч тонн (1200 тонн в сутки на каждую дивизию) общей стоимостью в 95 млрд. долларов, расход нефтепродуктов — 18 млрд. долларов. На оплату питания и выплату денежного довольствия личному составу понадобится 14 млрд. долларов, на содержание тыловых и других частей обеспечения — 60 млрд. долларов.

Всего в течение года боевые действия сухопутных войск обошлись бы в 281 млрд. долларов, ВВС — в 537 млрд. долларов, морской авиации — 255 млрд. долларов, кораблей ВМС — 59 млрд. долларов. Всего — 1131 млрд. долларов, что составляло почти одну треть годового ВВП США.

При этом потери ВВС были оценены в 2520 самолетов (при условии одного боевого вылета в день и уровне потерь 0,2% на самолетовылет), морской авиации в 280 самолетов. Такие потери были признаны совершенно невозполнимыми для авиационной промышленности США, которой, по американским оценкам, для заметного увеличения выпуска боевых самолетов требовалось не менее трех лет.

¹⁵ Mobilization and the National Defense. A Mobilization Concepts Development Center Study. National Defense University Press. Washington, D.C., 1985, p. 53.

При более высоком уровне потерь авиационной техники, считали американцы, они просто лишатся всей авиации задолго до того, как промышленность начнет восполнять потери.

В исследовании по вопросам оценки мобилизационных потребностей американских вооруженных сил, проведенном в Военно-промышленном колледже вооруженных сил США, делался следующий вывод:

При одном проценте потерь на один самолетовылет и при условии двух вылетов в день первоначальная численность самолетного парка ВВС, например, в 1000 боевых машин сократится до 500 машин в течение 35 суток и 250 машин — в течение 70 суток. Учитывая, что наше текущее производство истребителей ВВС составляет менее 200 единиц в год, должно быть абсолютно ясно, что производство не сможет угнаться за нашими потерями.

Военная промышленность оказалась бы не в состоянии восполнить потери и по ряду других образцов боевой техники. Так, уровень потерь танков в прогнозируемой войне превысил бы, по имевшимся оценкам, в 8 раз уровень американских потерь в годы второй мировой войны, в то время как мощности бронетанковой промышленности по сравнению с периодом второй мировой войны сократились в десятки раз.

Однако даже в том случае, если бы американской промышленности удалось произвести все необходимое для восполнения военных потерь количество традиционной боевой техники (самолетов, танков, артиллерийско-минометного вооружения), эта техника осталась бы, по мнению американских экспертов, без боеприпасов.

Приведенная выше стоимость годового расхода боеприпасов 30 дивизий сухопутных войск (95 млрд. долларов) в 50 раз превышала среднегодовую стоимость закупок боеприпасов армии США в мирное время. В начале 80-х гг. американская боеприпасная промышленность выпускала ежедневно на 10% меньше боеприпасов, чем понадобилось бы на одни сутки боевых действий семи американским дивизиям, дислоцировавшимся в то время в Западной Европе. Что касалось запасов боеприпасов, находившихся на европейском континенте (0,5 млн. тонн), то их хватило бы на 25 дней боевых действий этих семи дивизий и на 50 вылетов тактической авиации США в Европе (1200 самолетов)¹⁶.

Всего, включая потребности ВВС и ВМС, один год войны в Европе потребовал бы 13,5 млн. тонн боеприпасов, в то время как общие американские запасы боеприпасов, включая запасы на континентальной территории США, оценивались в 1 млн. тонн. В то же время, по американским данным, мощности боеприпасной промышленности были совершенно недостаточны для обеспечения расхода боеприпасов такого масштаба. Для доведения их до уровня, удовлетворявшего мобилизационные потребности вооруженных сил, потребовались бы огромные

¹⁶ "Arms Production in Time of War — Some Sobering Thoughts." *Armada International*, No. 3, 1985. Pp. 52-58.

капиталовложения (не менее 65 млрд. долларов). Однако даже в случае немедленного, в день «Д», выделения неограниченных финансовых ресурсов на развитие боеприпасной промышленности, между выходом промышленности на уровень удовлетворения военных потребностей вооруженных сил и днем, когда иссякли бы все имеющиеся запасы, возникла бы нехватка боеприпасов, оценивавшаяся в 130 млрд. долларов. Согласно заявлениям официальных представителей Пентагона, задача восполнения такого дефицита считалась нереальной и серьезно не рассматривалась.

В общем, данных, свидетельствовавших об огромном завышении со стороны ГРУ мобилизационных возможностей военной промышленности потенциальных противников, было более чем достаточно. Однако одно дело было собрать и проанализировать эти данные, и совсем другое — убедить руководство ГРУ и особенно Генштаба в необходимости пересмотра своих взглядов на характер военных приготовлений стран НАТО и их союзников.

Первую такую попытку я предпринял в 1980 г., еще будучи заместителем начальника управления. Произошло это во время подготовки к большим военным учениям, проводившимся летом 1980 г. на всей территории Варшавского Договора. Как всегда во время подобных мероприятий, ГРУ отвечало за предоставление данных по «синей стороне», включая и мобилизационные возможности вероятного противника. Готовилось множество всевозможных графиков, таблиц, справочников и т.п. Кроме того, начальник ГРУ в таких случаях лично заслушивал руководящих сотрудников ГРУ по вопросам, находившимся в сфере их ответственности. По мобилизационному потенциалу военной промышленности стран Запада докладывал я. На заслушивании присутствовало все руководство ГРУ, числом не менее полусотни. Я доложил, что НАТО не сможет, как считалось раньше, отмобилизовать свою военную промышленность за 3-6 месяцев и выйти на максимальный уровень выпуска вооружений. Понятно, что мои данные нарушали стройную картину отмобилизования «противником» сотен дополнительных дивизий за счет призыва миллионов новобранцев, ибо в случае принятия моих данных для расчетов темпов мобилизации промышленность просто не успевала произвести для этих дивизий достаточного количества вооружения, не говоря уже о необходимости восполнения потерь боевой техники в ходе войны. Не удивительно, что мой доклад сопровождался ропотом недовольства со стороны присутствующих, который начальник ГРУ генерал армии П.Ивашутин пресек обращенными ко мне словами: «Мы не можем выйти к министру обороны с подобными данными. Пересмотрите свою точку зрения». Пришлось ответить «Есть!» и сесть на место.

К всеобщему, в том числе и моему, удивлению вскоре после этого (в августе 1980 г.) я был назначен начальником своего управления (бывший начальник ушел на учебу в Академию Генштаба). Из этого назна-

чения и своего неудачного доклада я сделал для себя два вывода. Во-первых, радикально пересмотреть данные по мобилизационным мощностям мне никто не позволит. Во-вторых, мне давался шанс поискать новые, более убедительные для командования обоснования своей точки зрения.

Однако первым делом я решил попытаться хотя бы предупредить пользователей информации ГРУ о том, что к данным по мобмощностям «противника» надо относиться с осторожностью. По моему распоряжению во всех сборниках СОП ВЭП, начиная с 1980 г., стало помещаться следующее разъяснение (привожу его дословно):

В разделе «мобилизационные возможности военного производства» приведены расчетные (то есть документально не подтвержденные. — В.Ш.) показатели возможностей сборочных предприятий по выпуску вооружения и военной техники при мобилизационном развертывании без учета ограничений по производственной кооперации, рабочей силе, сырью и материалам и при условии круглосуточной работы действующего и резервного оборудования.

Я также категорически запретил всем сотрудникам управления выдавать кому-либо (в справках в Генштаб, в другие документы ГРУ и т.д.) какие-либо данные по мобилизационным возможностям военной промышленности любой страны без этой оговорки. Оговорка должна была предупредить всех потребителей информации ГРУ о том, что приводимые показатели по мобилизационным мощностям военного промышленности потенциального противника не являются документально подтвержденными и получены расчетным путем с помощью многочисленных допущений.

Сам характер этих допущений (игнорирование ограничений по производственной кооперации, рабочей силе, сырью, материалам и т.д.) должен был подчеркнуть низкую достоверность наших данных по мобилизационным мощностям. Фактически мы вызывали «огонь на себя» в надежде, что наши потребители, особенно Госплан и ВПК, потребуют от руководства ГРУ более обоснованных и доказательных данных. Мы считали, что абсурдный характер наших допущений должен был быть очевиден для любого серьезного экономиста.

Ну как, например, можно игнорировать ограничения по рабочей силе? Ведь военная промышленность предъявляет очень высокие требования к подготовке занятых в ней работников. Так, в начале 80-х гг. период обучения рабочего высокой квалификации в промышленности США составлял в среднем три года.¹⁷ То есть на подготовку дополнительной рабочей силы при переходе на трехсменную работу в случае мобилизации требовалось время, выходящее за рамки сроков, которые мы в своих расчетах отводили на полное отмобилизование военной промышленности США (один год).

¹⁷ *The Monthly Labor Review*. 1982, July. Vol. 105. No. 7. P. 36.

Еще нелепее выглядел наш отказ учитывать ограничения по производственной кооперации. Вот что писали в то время о роли кооперации сотрудники Института оборонного анализа Министерства обороны США Роберт Гилмер и Поль Маккой.

Расчет материальных ресурсов, необходимых для достижения определенного уровня мобилизационного производства, является совершенно бесплодным занятием, если имеются узкие места в решающих отраслях обрабатывающей промышленности. Серьезные узкие места, приводящие к срыву поставок вооружения и военной техники, могут возникать не только в военно-ориентированных, но и в промежуточных отраслях промышленности. Так, сколько бы заводов по сборке грузовых автомобилей мы не построили, увеличение их выпуска будет невозможным до тех пор, пока мы не будем иметь достаточного количества литейных, штамповочных и других предприятий для поставки деталей и узлов, необходимых при сборке.¹⁸

Короче говоря, данных, свидетельствовавших об огромном завышении со стороны ГРУ мобилизационных возможностей США и других стран Запада, становилось все больше и больше, и я был уверен, что нам удастся убедить командование ГРУ и Генштаб в своей правоте и привести наши оценки в соответствие с реальностью. Я считал это лишь вопросом времени — не более 1-2 лет. С таким настроением в конце 1982 г. я отправился в очередную зарубежную командировку, из которой вернулся только спустя два года. Вернулся с очередным орденом и очередным предложением перейти на оперативную работу на постоянной основе. Разумеется, с повышением.

Но к этому времени я уже слишком серьезно «заболел» проблемами военной экономики и, к удивлению и нескрываемому неудовольствию первого заместителя начальника ГРУ генерал-полковника П., отвечавшего за оперативную работу и сделавшего мне предложение, от которого, как он считал, не отказываются, я попросил вернуть меня на прежнюю должность начальника военно-экономического управления. Моя просьба все же была удовлетворена, и весной 1985 г. я вернулся в управление.

Чтобы освободить мне мою должность, мой бывший заместитель полковник С., назначенный начальником управления во время моего отсутствия, был повышен в должности и стал заместителем начальника нашего института, то есть одним из моих начальников. Упоминаю об этом потому, что это назначение сыграло свою роль в дальнейших событиях.

То, что я увидел, ознакомившись с документами, подготовленными в управлении в мое отсутствие, повергло меня в шок. Почти все показатели по мобилизационным мощностям военной промышленности стран

¹⁸ Robert W. Gilmer, Paul McCoy. An Assessment of Computational Procedures to Determine Requirements of Critical and Strategic Materials. August 1977. Institute for Defense Analyses, Arlington, Virginia. P. 13.

НАТО резко возросли даже по сравнению с теми, которые мы выдавали в 1982 г., когда я был начальником управления.

Вот, например, что произошло с данными по ФРГ. Показатели мобилизационных мощностей по танкам выросли с 4000 единиц в год в 1973-1983 гг. до 5100 в 1984 г. и 7100 единиц в 1985 г. По БМП и БТР — соответственно с 3750 до 5800 и 8500 единиц; по боевым самолетам — с 800 единиц в год в 1985 г. до 1400 в 1987 г. Особенно чудовищно выросли мощности по орудиям полевой артиллерии — с 2800 единиц в год в 1983 г. до 16 500 (из них 14 300 буксируемых и 2200 самоходных орудий) в 1987 г. Чтобы представить себе масштабы допущенного завышения, достаточно вспомнить, что в 1987 г. военная промышленность ФРГ выпустила всего 65 танков, 190 БМП и БТР, и ни одного орудия полевой артиллерии. Что касается орудий полевой артиллерии, то их производство в ФРГ после второй мировой войны вообще осуществлялось в течение всего четырех лет (1978-1981 гг.), когда было выпущено 216 полевых гаубиц калибра 155 мм.

Приведу цитату из справки, которую представила по просьбе руководства ГРУ (по моему настоянию) разведка ГДР, которая, конечно, была намного лучше информирована о положении дел в ФРГ, чем ГРУ (кстати, восточногерманские коллеги эту справку не стали даже засекречивать).

В условиях полной загрузки имеющихся мощностей военной промышленности ФРГ при работе в три смены производство вооружений по сравнению с периодом мирного времени может быть увеличено максимум на 50%-60%. Существенное увеличение производства основных видов вооружения (танков, артиллерийских орудий, боевых самолетов) может быть достигнуто не ранее, чем по истечении одного года. Производство в мирное время и после мобилизации составит (единиц в месяц):

	МИРНОЕ ВРЕМЯ	ПОСЛЕ МОБИЛИЗАЦИИ
ОСНОВНЫЕ БОЕВЫЕ ТАНКИ	55	90-100
БТР и БМП	60-70	100-110
ОРУДИЯ ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРИИ (КАЛИБРА 125 мм и БОЛЕЕ)	10	20
БОЕВЫЕ САМОЛЕТЫ	14-16	22-25

Таким образом, по сравнению с данными разведки ГДР, которые в основном совпадали с моими собственными оценками, ГРУ завысило мобмощности военной промышленности ФРГ по танкам в 6 раз, по БМП и БТР в 12 раз, по боевым самолетам — в 5 раз, по орудиям полевой артиллерии — в 70 раз.

На мой вопрос, почему управление произвело переоценку мобмощностей в сторону увеличения, мой бывший заместитель, а ныне начальник полковник С. ответил, что он сделал это по указанию вышестоящего командования.

Надо отметить, что полковник С. был назначен в свое время моим заместителем против моей воли. Длительное время он работал на солидной должности в управлении кадров ГРУ, где считался любимчиком начальника управления генерал-лейтенанта И., одного из наиболее могущественных людей в иерархии ГРУ, пришедшего в разведку из отдела административных органов ЦК КПСС. Затем С. уехал на оперативную работу в ГДР, где, по слухам, показал себя не лучшим образом. Во всяком случае, когда его назначили мне в заместители, естественно, не спрашивая моего согласия, на нем «висели» два строгих выговора, по партийной и по служебной линии. Его назначение в наше управление было для него значительным понижением, однако всем нам было совершенно ясно, что генерал И. потянет его снова наверх при первой же возможности.

Одним словом, это был человек, прекрасно чувствовавший конъюнктуру и отнюдь не готовый биться за сокращение каких-то там мобилизационных мощностей, если подобное сокращение не нравится начальству. Поэтому на мой вопрос, чем обосновывались новые, резко возросшие мобмощности, он ответил, что они были получены при помощи расчетов на базе методики 1973 г., то есть на базе производственных площадей сборочных заводов. Как читатель, надеюсь, понял из приведенного выше описания этой методики, с ее помощью можно при желании получить любые, самые фантастические данные. А чтобы оградить эту методику от какой-либо критики, по инициативе С. методика была выдвинута на соискание Государственной премии, причем в авторский коллектив было включено все руководство нашего института и ряд видных сотрудников центрального аппарата ГРУ.

Произошли в мое отсутствие и другие события, резко сократившие мои возможности по приведению данных по мобилизационному потенциалу стран Запада в соответствие с реальностью. Во-первых, в 1983 г. академик А.Яковлев, тогда директор ИМЭМО, обратился к М.Горбачеву с просьбой о снятии с отдела ОТЭИ ИМЭМО (в то время возглавлялся С.Благоволиным) всех задач, связанных с изучением военно-мобилизационного потенциала зарубежных стран и военной промышленности, и об ограничении задач ОТЭИ преимущественно военно-политическими вопросами. Несмотря на письменный протест начальника Генштаба маршала Н.Огаркова против такого сужения функций ОТЭИ, М.Горбачев удовлетворил просьбу А.Яковлева и ОТЭИ был переименован в отдел военно-политических и военно-экономических исследований. Таким образом исчезла единственная организация, которая, помимо ГРУ, на обязательной основе занималась оценкой ВЭП вероятного противника.

Во-вторых, во время моего отсутствия должностная категория начальника военно-экономического управления была опять понижена, на сей раз с генерал-майора до полковника. А в военной организации, особенно столь огромной как ГРУ, такие вещи имеют немалое значение. Перед моей последней командировкой меня уже представляли к генеральскому званию, но тогда генерал-кадровик И. объяснил моему начальству, что он был в отпуске и просто не проследил за прохождением моих документов.

Наконец, в-третьих, — и это, пожалуй, самое главное, — в США пришел к власти президент Р.Рейган, объявивший о том, что Соединенные Штаты должны быть готовы к ведению длительной неядерной мировой войны. В советском Генштабе не могли себе представить подготовку к такой войне иначе, как через огромное увеличение не только текущего выпуска вооружения, но и мобилизационных мощностей американской промышленности по производству традиционных видов вооружения (танков, самолетов, артиллерии, боеприпасов и т.д.).

К тому же, пока я находился в командировке, был отправлен в отставку маршал Н.Огарков, сторонник развития высокоточного оружия, а на его место назначен маршал С.Ахромеев, человек гораздо более консервативных взглядов, для которого танк был чем-то вроде «священной коровы».

Пришлось думать, как действовать в сложившейся ситуации. К этому времени мне уже стало ясно, что на те оговорки, которыми с 1980 г. сопровождалась все наши данные по мобилизационным мощностям, никто не обращал внимания. Во всяком случае, к нам в экономическое управление не поступило ни одного указания или запроса о предоставлении более обоснованных данных.

Более того, как я имел возможность убедиться лично, во всех плановых документах Генштаба, и прежде всего во время мобилизационных учений, все наши оговорки попросту отбрасывались, а наши по сути своей «липовые» цифры по мобмощностям подавались как вполне реальные, добытые разведкой.

Положение усугублялось тем, что точно так же относился к нашей информации и Госплан, в мобилизационном отделе которого мне приходилось время от времени читать лекции по военным приготовлениям стран НАТО. Именно в Госплане я надеялся найти союзников в деле пересмотра данных ГРУ по мобмощностям, полагая, что Госплан будет рад всякой возможности сократить бремя расходов на оборону.

Поэтому я напросился на встречу с начальником мобилизационного отдела Сосланом Гучмазовым и показал ему сравнительную таблицу с реальными, по моему убеждению, данными по мобмощностям стран НАТО и теми, которые выдает ГРУ, то есть завышенными на порядок и более. Его реакция на мое сообщение положила конец моим надеждам на то, что кто-то в стране задумывается над смыслом выдаваемых ГРУ

данных или подвергает их сомнению. У меня сложилось впечатление, что он мне поверил, потому что его первые слова были: «Вы что там, в ГРУ, полностью разложились?» На этот риторический вопрос мне ответить было нечего, кроме как показать всем своим видом, что да, разложились. Затем Гучмазов дал волю своему возмущению: «Да вы знаете, что мы под ваши данные вложили сотни миллиардов рублей?!» При этих словах я внутренне возликовал, считая, что наконец-то нашел понимающего человека. Однако чиновник в нем все-таки одержал верх, потому что далее он спросил: «Ну и кто же за все это ответит?» Закончил беседу Гучмазов словами «Ну хорошо, спасибо, что рассказал мне все это. Но, в конце концов, кто ты такой для меня? Вот пусть твой начальник Ивашутин придет сам и расскажет, почему он выдал нам неверные сведения».

Разумеется, я не стал говорить Гучмазову, что я уже пытался доложить генералу Ивашутину свои данные, и что он лично приказал мне «пересмотреть свою точку зрения». Как бы то ни было, разговор с Гучмазовым положил конец моим надеждам найти союзника в лице Госплана, поставив перед выбором: либо продолжать врать дальше, прикрываясь различными оговорками и «методиками», либо выдавать только те данные, в которых я твердо уверен, и убеждать руководство ГРУ в необходимости исправления допущенных ошибок.

Читателю должно быть уже понятно, что я выбрал второй путь, иначе вряд ли стал бы предаваться этим воспоминаниям.

Первым делом надо было покончить с пресловутой методикой расчета мобмощностей 1973 г., потому что начальник нашего института генерал-лейтенант К., который, кстати, не был кадровым разведчиком, категорически запретил изменять выданные ранее цифры по мобмощностям до тех пор, пока не будет разработана и одобрена им самим новая методика расчета мощностей взамен старой. Расчет был, конечно, на то, что какую бы методику мы ни разработали, он ее все равно не утвердит. Вывеска научно-исследовательского института оказалась удобной формой подмены конкретной работы с документальными данными рассуждениями о «методических подходах», утверждением полученных при помощи методик расчетных данных путем голосования на Ученом Совете института и т.д. Руководство же ГРУ, в огромном центральном аппарате которого после роспуска 10-го управления в 1978 г. не осталось ни одного экономиста, оставалось как бы в стороне от внутриинститутских споров под предлогом того, что оно не желало вмешиваться в «борьбу научных школ».

Тем не менее я не считал наше положение безнадежным. Ведь никто не отменял ни решение Политбюро № 229 от 1971 г., ни сопровождавшее его постановление ЦК КПСС и Совмина, в соответствии с которыми оборонные отрасли промышленности должны были оказывать содействие ГРУ в оценке мобилизационного потенциала промышленности зарубежных стран. Именно в среде ВПК мы нашли себе сторонников.

Многим в ВПК наши данные давно стояли поперек горла и в частных беседах его представители не раз жаловались нам, что Госплан и Генштаб, опираясь на данные ГРУ, душат их непосильными мобзаданиями.

Разработать новую методику оценки мобмощностей было нетрудно. Для этого было достаточно просто сделать ее полной противоположностью прежней. Если методика 1973 г. базировалась на всякого рода допущениях, игнорируя имеющиеся ограничения по производственной кооперации, технологиям производства, оборудованию, рабочей силе и т.д., то новая методика, наоборот, требовала максимально возможного учета таких ограничений. Вот некоторые из тех данных, на основе которых мы предлагали производить расчет мобилизационных мощностей.

1. Режим работы оборудования (сменность)

2. Состояние мобилизационной подготовки предприятия (наличие резервных или незагруженных производственных мощностей, наличие резерва специального и контрольно-измерительного оборудования, компонентов, узлов и деталей длительного изготовления)

3. Объем текущего производства военной техники

4. Кооперационные производственные связи

5. Трудоемкость сборочных работ

6. Доля и роль государственного сектора в военном производстве

7. Обеспеченность квалифицированной рабочей силой

Попросту говоря, в основе новой методики лежало выявление так называемых «узких» мест производства и определение возможностей их «расшивки» в мобилизационный период. Новая методика так и называлась: «Методика оценки мобилизационных мощностей по узким местам в системе производства» (рис. 1).

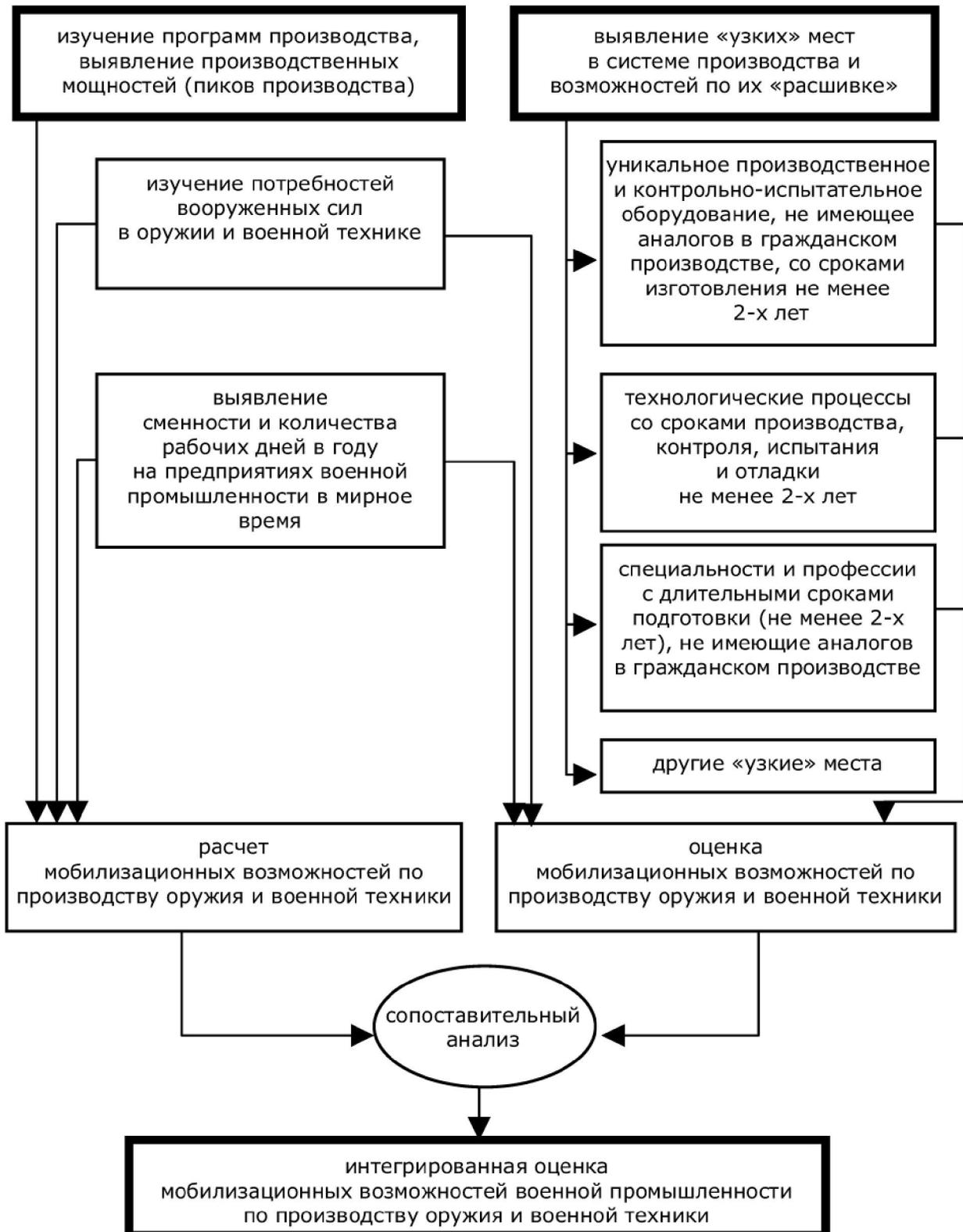
«Узкими» мы называли такие места в производственной системе, которые, независимо от достаточности или даже избытка мощностей в других звеньях производства данной системы оружия, ограничивают возможности дальнейшего наращивания ее выпуска. «Узкие» места возникают в результате нехватки станков и оборудования или их неодинаковой производительности, дефицита или недостаточной квалификации рабочей силы и т.п. Например, как бы ни были велики размеры сборочного предприятия по производству твердотопливных ракет, возможности по их выпуску в значительной, если не в решающей мере определяются пропускной способностью по заливке твердотопливных двигателей, временем производства и отладки систем управления и наведения. Сборочные работы, как правило, составляют незначительную часть от общей трудоемкости изделия (например, у танка «Абрамс» — лишь 2-2,5%).

Некоторые «узкие» места в мирное время могут «расширяться» относительно легко. Однако зачастую ограничения, накладываемые ими, носят настолько очевидный и серьезный характер, что практически на длитель-

ный период определяют предельный уровень выпуска готовой продукции сборочным предприятием и оборонной отраслью в целом.

Рисунок 1

СТРУКТУРНАЯ СХЕМА ОЦЕНКИ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Методика предполагала, что в случае, если ограничения, накладываемые «узкими» местами, не могут быть сняты в допустимые условия мобилизации сроки (с середины 80-х гг. по моему настоянию срок выхода промышленности на пик мобилизационных мощностей был отодвинут до М720, то есть до двух лет по сравнению с М180—М360 в предыдущих сборниках), то по условиям новой методики мобилизационные мощности по выпуску вооружения должны были определяться по данному «узкому» месту. Снятие ограничений в результате «расширки» «узкого» места должно было вызывать немедленный пересмотр оценки мобмощностей.

Данные по срокам «расширки» «узких» мест в мирное время рассматривались в качестве определенного ориентира и для условий мобилизации. Так, например, для перевода резервного завода по производству танкового броневых литых в мирное время при предоставлении неограниченных финансовых ресурсов США понадобилось бы два года, а для строительства нового литейного завода — почти четыре года. Следовательно, с достаточной долей уверенности можно было исходить из того, что в течение двух лет после начала мобилизации США не смогут увеличить выпуск танков, имеющих литые башни и корпуса (типа М-60).

Для создания нового бронекорпусного производства методом сварки в условиях мирного времени требуется еще больше времени, не менее 45 месяцев. Таким образом, в течение, по крайней мере, двух лет мобвозможности США по выпуску танков на базе сварной технологии (типа «Абрамс») будут лимитироваться возможностями бронекорпусного производства.

Другой пример, на этот раз по промышленности боеприпасов. Согласно американским данным, на строительство завода по производству мощных взрывчатых веществ (октогена и гексогена) в условиях мирного времени требуется 7-8 лет, а в условиях военного времени — 3-4 года. Обладание подобной информацией позволяет, не прибегая к оценкам производственных мощностей снаряжательных заводов (то есть заводов по выпуску артиллерийских снарядов, авиабомб и т.д.) сделать вывод, что верхней границей мобилизационных мощностей боеприпасной промышленности США являются имеющиеся мощности по производству октогена и гексогена.

Для определения мобвозможностей резервных заводов или предприятий, прекративших выпуск оружия и военной техники, но имевших опыт их производства и не демонтировавших все необходимое для возобновления их выпуска производственное и испытательное оборудование, методика требовала установить, располагают ли эти предприятия необходимой системой кооперационных связей для обеспечения своей работы в случае мобилизации, а также оценить время, необходимое для создания новой системы таких связей.

Конечно, для проведения расчетов в соответствии с требованиями методики нужны были специалисты, хорошо знающие специфику военного производства, включая его технологические аспекты. Поэтому мы направили в оборонные отрасли промышленности нашу методику с просьбой дать свою оценку мобилизационных мощностей стран Запада и Китая с возможно более полным учетом «узких» мест. Взамен мы предоставили в распоряжение специалистов ВПК фотоснимки военных заводов из космоса, а также другую имевшуюся у нас информацию по зарубежной военной промышленности. В тех случаях, когда мы не могли предоставить специалистам ВПК требующуюся для расчетов информацию (данные по трудоемкости той или иной системы оружия, длительности цикла изготовления и т.д.), они давали нам свои оценки, ориентируясь на отечественное производство и аналогичные советские образцы вооружения. По нашей просьбе такие оценки приходили к нам в официальном порядке, за соответствующими подписями экспертов и их начальников. Получалось довольно убедительно. Вот выдержка из подготовленной специалистами ВПК справки по производству танков М-1 «Абрамс» на двух заводах в Лайме и Детройте.

Анализ площадей сборочных цехов показывает, что операции сборки не являются ограничивающими, а следовательно, и определяющими мощности по выпуску танков. В настоящее время имеется два узких места в производстве танка М-1.:

1. Бронекорпусное производство (в Лайме), которое при двухсменной работе дает 75 комплектов/месяц, то есть 900 комплектов/год. Этого достаточно для обеспечения загрузки завода в Лайме в две смены и в Детройте в одну смену. Для полной загрузки двух заводов (в 3 смены) необходимо строительство аналогичного цеха в Детройте, либо расширение бронекорпусного производства в Лайме.

2. Производство газотурбинных двигателей (фирма Авиа-Лайкоминг, г.Стрэтфорд). Неоднократно обсуждался вопрос о строительстве второй базы по производству двигателей. По времени это совпадает с периодом, когда двигатель доводился и вследствие его ненадежной работы возросла потребность в поставках запасных двигателей. С 1984 г., когда было объявлено об окончании периода доводки, вопрос о новом заводе для производства газотурбинных двигателей не обсуждается. Можно полагать, что существующие в Стрэтфорде мощности достаточны для обеспечения сборочных заводов и поставок запасных двигателей (25-30% от общего выпуска), то есть мощности составляют около 1100 двигателей/год (вероятно, при двухсменной работе).

Таким образом, существующие мощности мирного времени в США по производству основных танков составляют около 900 танков в год. Увеличение этих мощностей до 1800 танков в год по двум кадровым заводам может быть достигнуто при условии расширения базы производства корпусов и башен, а также газотурбинных двигателей.¹⁹

¹⁹ Подобное создание бронекорпусного производства, как уже указывалось выше, потребует до 45 месяцев. — Прим. авт.

Напомню, что в это самое время ГРУ утверждало, что мощности американских танковых заводов составляют 28,5 тысяч танков в год.

Строго говоря, никакой особой необходимости в данной методике, весьма трудоемкой и требующей большого количества исходных данных, для оценки мобмощностей не было, хотя для Китая, по которому имелось мало открытой информации, она, возможно, и являлась оптимальной. Эту методику мы разработали для того, чтобы опереться на авторитет ВПК в борьбе со столь любимейшей командованием ГРУ методикой 1973 г.

Подсчет мобилизационных мощностей военной промышленности стран Запада, причем с высокой точностью, большой трудности не представляет. Для этого достаточно всего лишь знать и отслеживать их программы производства вооружения. Дело в том, что в отличие от СССР (как, к сожалению, и нынешней России), производство оружия и военной техники на Западе осуществляется в соответствии с официально, в том числе и законодательно, утверждаемыми программами, содержащими следующие открытые сведения: наименование образца, планируемый объем производства, годы начала и конца поставок, планируемый темп производства по годам и месяцам, а также, как правило, программные производственные мощности. Программная мощность — это производственная мощность, на создание которой средства выделяются парламентом при принятии решения о начале производства данной системы оружия. При этом мощности как по сборке, так и по производству всех узлов и компонентов системы создаются без резерва в каком-либо звене производства, за исключением тех случаев, когда создание таких резервов предусматривается четко оговоренными и профинансированными мероприятиями. Так, при одобрении в конце 70-х годов Конгрессом США программы производства основных танков М-1 «Абрамс» заранее в полном объеме были выделены средства на создание производственных мощностей по выпуску 1800 танков в год при трехсменной работе (720 штук/год при односменной работе, при двухсменной — 1080 штук/год). Максимальный объем производства в первой половине 80-х годов составлял 840-850 штук в год, что свидетельствовало об односменной работе одного завода (Детройт) и двухсменной — второго (Лайма). Каких-либо дополнительных средств на расширение производства танков в случае мобилизации программа не предусматривала.

Всего одобренная Конгрессом США программа предусматривала закупку в течение примерно десятилетия 8 400 танков М-1. Они должны были пойти не только на обеспечение потребностей штатных формирований сухопутных войск и корпуса морской пехоты, учебных школ, ремонта и замены в условиях мирного времени, но и на создание запаса для возмещения потерь в танках в течение первых 60 суток боевых действий.

Если данные о программных мощностях отсутствуют, то за исходную для расчетов информацию можно брать сведения о пиковых (то есть

максимальных) уровнях текущего или планируемого производства на протяжении более или менее длительного промежутка времени (по условиям методики — не менее 10 лет). Правомочность такого подхода вытекает из того обстоятельства, что в условиях рыночной экономики предприниматели не заинтересованы в содержании или создании за свой счет производственных мощностей у себя и тем более у субподрядчиков сверх тех, которые гарантированно обеспечиваются правительственными или экспортными заказами. Следовательно, пиковые уровни производства приближаются к производственной мощности всей существующей кооперационной системы по выпуску данного образца вооружения.

Таким образом, при мобилизационном развертывании максимальный выпуск оружия и военной техники на действующих предприятиях может быть достигнут прежде всего за счет увеличения рабочего времени и количества занятых на производстве.

На основе данных по программным мощностям (пикам производства) мобилизационные возможности военной промышленности могут быть рассчитаны как $V_{ВП} = V_M \square Mt$, где $V_{ВП}$ — мобилизационные возможности военной промышленности (единиц/год); V_M — программная мощность или пик производства в мирное время (единиц/год); Mt — коэффициент увеличения объема производства за счет увеличения сменности, длительности рабочей смены и количества рабочих дней в году.

Для снижения вероятности ошибки и большей убедительности я приказал произвести перерасчет мобмощностей, используя обе новые методики, но не смешивая одну с другой с тем, чтобы потом вывести единый интегрированный показатель. Работа была трудоемкой и кропотливой, но уже к концу 1985 г. мы получили новые методики расчета мобмощностей по всем основным странам и категориям вооружения. Надо сказать, что обе методики дали довольно сходные результаты. При использовании программных мощностей по американской военной промышленности, например, были получены следующие результаты: боевые самолеты — 2000 единиц в год, танки 2400 единиц (1800 танков М-1 и 600 танков М-60), САУ — 230 единиц. Расчеты специалистов ВПК по узким местам производства дали 3460 боевых самолетов, 3720 танков и 480 САУ. Каждая полученная цифра подтверждалась или документальными данными, или другими достоверными источниками, подкрепленными запротоколированными расчетами специалистов ВПК. Конечно, и эти цифры мы не рассматривали в качестве истины в последней инстанции, ибо США, возможно, имели совсем другие планы мобилизационного развертывания своей военной промышленности (об этом ниже). Поэтому все эти расчетные данные по моему указанию сопровождались следующей оговоркой: «При условии сохранения существующей структуры и номенклатуры продукции военной промышленности, без учета воздействия со стороны противника и реальных мобилизационных потребностей вооруженных сил». Тем не менее, мы га-

рантировали, что полученные нами расчеты мощностей представляли собой максимум того, что была способна произвести военная промышленность США и других стран Запада в случае мобилизации.

Не буду останавливаться подробно на описании того сопротивления, на которое натолкнулись наши новые цифры. Я говорю «мы», «наши», потому что в этот период меня решительно поддерживало большинство сотрудников управления, которые положили немало труда на получение новых данных и готовы были стоять за них горой. Это может показаться странным сегодня, но моей основной опорой в борьбе за пересмотр взглядов на характер мобилизационной подготовки Запада стала партийная организация. Мало кто сейчас, наверное, помнит, что в апреле 1985 г. после апрельского Пленума ЦК КПСС было издано постановление Политбюро «О необходимости повышения достоверности информации, предоставляемой в руководящие органы страны». Как всегда после подобных постановлений, во всех парторганизациях ГРУ прошли партийные собрания, где руководители всех уровней с пафосом требовали от сотрудников абсолютной честности при подготовке документов «наверх» и т.д.

Естественно, мы воспользовались подобной кампанией и придали требованию о пересмотре оценок мобмощностей, употребляя лексику того времени, «политический характер». В этом требовании меня полностью поддерживали мой заместитель по политической части (замполит) и начальник политотдела института. Ни тот, ни другой не были кадровыми политработниками. Начальник политотдела полковник И., например, в прошлом был летчиком-истребителем, затем многие годы провел за рубежом на оперативной работе и к нам в институт был назначен с должности резидента в одной из западных стран. Человек прямой и горячий, к тому же знавший и ценивший меня по «основной» работе, он, не слишком соблюдая субординацию, стал ходить к различным вышестоящим начальникам в ГРУ и, конечно же, к начальнику политотдела ГРУ и требовать, чтобы те меня поддержали. Короче говоря, вынес «сор из избы». Правда, добился он только того, что и в институт, и в управление зачастили различные проверяющие по служебной и партийной линиям. Они мало что понимали в сути вопроса и изрядно мешали в работе, но все же начали разрушать келейный и псевдонаучный характер наших споров о мобмощностях и методиках их расчета. Этому же способствовала и научно-практическая конференция, проведенная в управлении 17 сентября 1986 г., на которую мы также вынесли вопрос о необходимости пересмотра не только данных о мобмощностях, но и взглядов Генштаба на характер грядущей войны. На конференцию мы пригласили представителей Военной Академии Генштаба, ИМЭМО (в том числе Сергея Благоволитина) и большую группу работников Госплана довольно высокого ранга из мобилизационного отдела и отделов оборонных отраслей промышленности. Так как их список у меня сохранился, перечислю поименно: Ефимов В.И., Ефимов Л.М.,

Ильин О.В., Котов Ю.Ф., Кузнецов Ю.А., Лопухов В.А., Семенушкин А.И., Фастенко О.В., Штрингиль А.Ф.

Короче говоря, нам казалось, что мы, хотя и постепенно, но продвигаемся вперед. Во всяком случае, новые данные по мобмощностям командование института уже открыто не оспаривало. В конце 1986 г. они были даже утверждены на Ученом Совете института и отправлены в качестве официальной оценки института в информационно-аналитические подразделения центрального аппарата ГРУ как базовые материалы для ежегодных учений Министерства обороны и Генштаба «Центр-87». Как раз начиналась подготовка к этим учениям, на которых традиционно проигрывался сценарий глобального военного конфликта с участием СССР и других стран Варшавского Договора.

У читателя к этому времени, возможно, сложилось впечатление, что я и сотрудники экономического управления только тем и занимались, что упрямо пытались убедить начальство в необходимости резкого сокращения официальных оценок ГРУ в отношении мобилизационных мощностей военной промышленности вероятных противников. Это, конечно, не так. Основные усилия (во всяком случае, до 80-90% моего личного времени) направлялись на разгадку того, как все-таки противник реально планирует вести длительную неядерную войну, не имея ни больших запасов вооружения, ни достаточных мобилизационных мощностей по производству традиционных средств ведения такой войны (танков, самолетов, артиллерии, боеприпасов и т.д.).

Долгие годы ответ, казалось бы, был очевиден — переход стран НАТО после исчерпания запасов обычного вооружения к использованию ядерного оружия. Однако этот аргумент утратил свою внешнюю убедительность после провозглашения администрацией Р.Рейгана в начале 80-х гг. курса на подготовку США к ведению длительной обычной (безъядерной) войны.

Напомню об этом незаслуженно забытом опаснейшем периоде «холодной войны», который, по моему мнению, переломил ее ход в пользу Запада и в немалой степени способствовал развалу СССР. Во многом этот поворот в американском военном планировании остался без сколько-нибудь серьезного внимания потому, что его заслонило провозглашение президентом Р.Рейганом внешне более сенсационной программы «звездных войн», которая, как я считаю, являлась производной от концепции длительной безъядерной войны.

О начале пересмотра своих взглядов американские политики заговорили сразу после прихода к власти новой администрации. Выступая на съезде ветеранов иностранных войн в Филадельфии в августе 1981 г., министр обороны США Каспар Уайнбергер объявил, что «при выполнении своих обязательств США не могут, как они это делали в прошлом, строить свои вооруженные силы и разрабатывать свою доктрину только на предположении, что после первоначальных оборонительных дей-

ствий обычными средствами последуют быстрая ядерная эскалация, а тем самым и раннее окончание войны».²⁰ Официально курс на подготовку к длительной обычной войне был провозглашен 8 февраля 1982 года К.Уайнбергером в ежегодном докладе Конгрессу о военном бюджете:

Другим заблуждением нашей недавней оборонной политики в отношении обычной войны было предположение о возможности «короткой войны», а именно наша уверенность в том, что при разработке своей стратегии и подготовке наших вооруженных сил мы можем исходить из предположения, что обычная война будет носить непродолжительный характер. Здравый смысл и опыт прошлого подсказывают иное. Поэтому я внес изменения в нашу оборонную политику с целью исправления этого заблуждения. Должно быть очевидным, что в случае, если наша политика сдерживания агрессии потерпит неудачу и нам будет навязан неядерный конфликт, США приложат все усилия для того, чтобы одержать победу в максимально сжатые сроки. Однако обе войны, которые были навязаны США после начала ядерной эры, оказались длительными. Поэтому, за исключением тех случаев, когда мы будем настолько сильны или противник настолько слаб, что сделает нашу победу быстрой, мы не можем рассчитывать на окончание войны в течение нескольких месяцев.²¹

Господствовавшая ранее стратегия «короткой войны» стала подвергаться уничтожающей критике. В статье «Обанкротившаяся военная стратегия» известный военный теоретик и обозреватель Гарри Саммерс младший писал:

Опора нашей военной стратегии на ядерное оружие была достаточно скверным делом, но еще хуже оказались те ошибочные предположения, которые породило это оружие. Наиболее вредным из них была так называемая теория короткой войны, а именно предположение, что всякая большая будущая война неизбежно будет ядерной, в результате чего она закончится в течение нескольких часов или, самое большее, дней. Всего несколько лет назад большинство сценариев глобальной войны завершались в течение девяноста суток. Те войска, которые не успевали достичь поля боя в течение этого времени, рассматривались как практически бесполезные.²²

Далее Саммерс рассказывал, что еще в середине 70-х гг. тогда еще бригадный генерал Джон Вэсси (впоследствии председатель Комитета начальников штабов) постоянно задавал вопрос, за который, по словам Саммерса, он был не раз задержан в продвижении по службе: «А что будет на девяносто первый день?». Однако отсутствие продвижения по службе не остановило Дж.Вэсси и он настаивал на своем вопросе до тех пор, пока не добился полномасштабного рассмотрения вопроса об аме-

²⁰ *Defense Daily*, 20 August, 1981. P. 281.

²¹ Caspar Weinberger, Annual Report to the Congress FY 1983. February 8, 1982. P. I-16.

²² *The Atlantic Monthly*, June 1989. P. 36.

риканских мобилизационных возможностях. Результаты оказались шокирующими. При существовавшем тогда положении дел, писал Саммерс, на девяносто первый день мы или проигрывали войну, или переходили к использованию ядерного оружия, ибо у нас практически отсутствовала какая-либо процедура мобилизации. Стало очевидно, что необходим пересмотр «теории короткой войны».

Фактически, США брали курс на отказ от применения ядерного оружия.

Выступая в военном колледже Армии США в Карлайле в мае 1982 г., К.Уайнбергер заявлял, что предположение о возможности победы в ядерной войне «не имеет места в нашей стратегии». «Готовясь к обычному длительному конфликту, — говорил он, — администрация Рейгана подчеркивает, что она считает любую ядерную войну маловероятной».²³

Бывший чешский разведчик-нелегал Карел Кэхэр, работавший в этот период в руководимом Збигневом Бжезинским институте, призывая рассекретить относящиеся к этому переломному периоду «холодной войны» советские архивные данные, вспоминает:

Вначале поддерживая идею о возможности ограниченной ядерной войны, администрация Рейгана неожиданно и внешне необъяснимо сделала разворот на 180 градусов. Тогдашний министр обороны США Каспар Уайнбергер, до того момента один из сторонников этой идеи, даже предпринял необычный шаг, написав в августе 1982 года письмо редакторам сорока ведущих американских и европейских газет. В нем он призывал не связывать администрацию Рейгана с подобными воззрениями, заявив от ее имени, что в ядерном конфликте не может быть победителей и что единственной причиной наличия у Америки ядерного арсенала является сдерживание.²⁴

В упомянутом выше выступлении в Военном колледже армии Уайнбергер подчеркнул, что Советский Союз имеет достаточно боеприпасов, чтобы продержаться в войне вдвое дольше, чем НАТО, и что его превосходство в запасах других вооружений является еще большим. Поэтому, по убеждению Уайнбергера, сохранение подобного положения будет только «поощрять противника думать, что он может выиграть войну, продержавшись в ней дольше, чем мы».²⁵

Возникал естественный вопрос, как США планируют обеспечивать потребности подобной длительной безъядерной войны. У Генштаба сомнений не было, что американцы пойдут прежде всего по пути увеличения мобилизационных мощностей своей военной промышленности по производству традиционного вооружения. Легко понять, что в этих условиях мои попытки сократить мощности этой самой промышленно-

²³ *Defense Daily*, May 4, 1982.

²⁴ *Независимое военное обозрение*, № 40, 2001 г.

²⁵ *Defense Daily*, May 4, 1982.

сти стали еще менее популярными, чем прежде. Особенно в условиях, когда администрация Рейгана начала резко увеличивать военные расходы и проводить различные мобилизационные учения в промышленности. И тем не менее, никаких доказательств, что США увеличивают свои мобилизационные мощности мы, как ни искали, не находили. Более того, к нам продолжала поступать информация, что американцы продолжают сокращать свои мощности по производству вооружения с длительными циклами производства, к которым относятся, в частности, танки и самолеты.

Впрочем, загадку новой американской стратегии мы вскоре разгадали. К тому же американцы ее суть не очень и скрывали. Я дал ей определение «стратегии ранней победы в длительной войне», хотя сами американцы называли ее короче, а именно «стратегией ранней победы». Чтобы не казаться умным задним числом и по возможности воссоздать обстановку того времени, я воспроизведу несколько написанных мною в то время справок на эту тему, которые я направил командованию ГРУ и коллегам по институту.

Это, конечно, были совершенно нетипичные для ГРУ документы. Выбор несекретной, с обильным цитированием американских должностных лиц формы моих докладных объяснялся несколькими причинами. Во-первых, в секретных документах, которые я, разумеется, тоже посылал, по традиции ГРУ не принято цитировать источники информации, во-вторых, чтобы не «засветить» их, а во-вторых, и это главное, чтобы показать, что ГРУ пользуется какой-то особой, недоступной простым смертным информацией. В-третьих, секретные, как, впрочем, и несекретные официальные документы нельзя направлять «наверх» через голову непосредственного начальника. В моем случае это был уже упоминавшийся генерал-лейтенант К., категорически запретивший проводить какие-либо сокращения мобмощностей (увеличение — пожалуйста), и шансов получить его подпись под подобным документом у меня не было никаких. На его неодобрительные вопросы, почему я рассылаю подобные «подметные письма», копии которых я, естественно, направлял и ему, я отвечал, что это наброски из моей докторской диссертации и мне важно узнать мнение других, в правильном ли направлении я иду.

Мобилизационная концепция "ранней победы" в длительной обычной войне

Военное руководство США считает, что оно нашло выход из того мобилизационного тупика, в который его завела бы установка на развертывание массового производства традиционных видов обычного оружия при подготовке и в ходе большой, а тем более длительной безъядерной войны. Этот выход оно видит в принятии концепции (по американской терминологии — стратегии) «ранней победы», опирающейся на резко возрастающие, так называемые мультипликативные (то есть многократно превосходящие по эффективности

предшествующее поколение вооружения) поражающие свойства современного и особенно перспективного обычного оружия.

Непременным условием и основной гарантией успеха новой стратегии считается достижение решающего военно-технического превосходства над противником. По словам заместителя министра обороны США по НИОКР Д.Хикса, «стратегия «ранней победы» уделяет меньшее внимание поддержанию запасов стандартного обычного вооружения. Вместо этого новая стратегия делает упор на как можно более раннее использование самого технологически совершенного оружия против наиболее опасных целей. После поражения этих целей вооруженные силы перейдут к использованию традиционного оружия и боеприпасов».²⁶

Д.Мандельбаум, заместитель начальника управления тыла, готовности и обеспечения способности к ведению длительных боевых действий в аппарате помощника министра обороны по приобретению (*acquisition*) и тылу следующим образом характеризует основные черты новой стратегии: «Учитывая эти факты» (неспособность промышленности своевременно обеспечить потребности длительной войны в О и ВТ и ограниченность созданных в мирное время запасов — В.Ш.) «мы в министерстве обороны пытаемся найти другую стратегию, другой способ решения этих задач. Мы хотим как можно скорее оснастить наши вооруженные силы оружием и боеприпасами мультипликаторного эффекта. Это оружие и боеприпасы ввиду своей резко возросшей мощности смогут, как мы рассчитываем, существенным образом снизить эффективность первого удара противника и тем самым повысить выживаемость наших сил. Повышая свою выживаемость, мы тем самым повышаем свою способность к ведению длительной войны».

В качестве примера способности оружия мультипликаторного эффекта заменить традиционные виды вооружения приводится стратегический бомбардировщик-«невидимка» «АТБ» (первоначальное название бомбардировщика «В-2» — В.Ш.). По утверждению командующего стратегическим авиационным командованием генерала Д.Чейна один такой бомбардировщик при применении его в качестве носителя современного неядерного оружия смог бы осуществить всю операцию по нанесению удара по Ливии в 1986 г., в ходе которой американцы использовали 18 бомбардировщиков «F-111», 15 штурмовиков палубной авиации, 28 самолетов-заправщиков, несколько самолетов радиоэлектронного противодействия, самолеты управления и другие, всего около 70 единиц.²⁷ Программа производства бомбардировщика «АТБ» предусматривает закупку 132 самолетов этого типа. Тем самым мультипликаторный эффект 132 бомбардировщиков «АТБ» при проведении подобных операций равнялся бы эффекту от использования 9240 самолетов, аналогичных примененным в Ливии (132x70=9240), что почти в пять раз превышает производственные возможности всей авиационной промышленности США.

²⁶ Jim Coghlan. Making it tough for tanks. *Defense Electronics*. August 1986. P. 51.

²⁷ *The New York Times*, November 7, 1986.

Наиболее массовым представителем оружия мультипликаторного эффекта считается высокоточное оружие.

Сторонники новой стратегии не скрывают, что она отводит второстепенную роль многим видам традиционного вооружения, и в первую очередь боеприпасам.

Ниже приводятся выдержки из прений в сенате США в декабре 1985 года.

Сенатор А.Диксон: «Многие из нас считают, что нам, возможно, следовало бы расходовать меньше средств на сверхсложное оружие и больше внимания уделять повседневным потребностям вооруженных сил».

Генерал-майор Р.Молинелли (директор управления обеспечения боевых систем в аппарате заместителя начальника штаба армии по НИОКР и приобретению): «Говоря о выделяемых на закупки средствах, я могу с уверенностью утверждать, что целью армии является переход на «умное», как его называют, оружие, хотя, как я уже говорил, имеются различные степени «умности». Например, если нам удастся, как я надеюсь, получить все, что требуется для обеспечения более широкого использования высокоточного снаряда «Копперхед», то это позволит нам сократить свои потребности в обычных артиллерийских снарядах. В таком случае часть финансовых средств будет переброшена с традиционных боеприпасов на закупки более «умного» оружия».

Сенатор Р.Диксон: «Доктор Мандельбаум, во сколько обойдется в текущих долларах закупка боеприпасов, необходимых для того, чтобы обеспечить потребности вооруженных сил США, от дня начала боевых действий (день «Д») до того момента, когда производство сможет удовлетворить потребности войны?»

Д.Мандельбаум: «Я не имею сейчас под рукой точной оценки, однако могу с уверенностью сказать, что на это потребуется свыше 130 млрд. долл. Будучи реалистами, мы не планируем расходовать подобные деньги на боеприпасы. Вот почему в своем докладе я говорил о разработке новых инициатив и новой стратегии, направленных на обеспечение нашей способности к ведению длительных боевых действий».

Наметилась отчетливая тенденция к снижению расходов на закупки боеприпасов для сухопутных войск США, у которых доля высокоточных боеприпасов в общих закупках боеприпасов еще относительно невелика. Так, на 1987 ф.г. министерством армии было запрошено на закупки традиционных боеприпасов 2,1 млрд. долл. по сравнению с 2,6 млрд. долл. в 1986 г. Доля боеприпасов в общих закупках армии с 1982 по 1986 ф.г.г. снизились с 4,4% до 3,2%. Сокращается выделение средств на развитие производственной базы боеприпасной промышленности. В 1986 ф.г. на ее развитие было запрошено 368,4 млн. долл., в 1987 ф.г. — 310 млн. долл.

В то же самое время закупки высокоточных боеприпасов резко возрастают. Так, закупки боеприпасов для ВВС, которые из всех видов вооруженных сил наиболее интенсивно переходят на высокоточное

оружие, возросли с 1981 ф.г. по 1986 ф.г. в шесть раз (с 0,5 до 3 млрд. долл.). В течение пяти лет, с 1986 г. по 1990 ф.г., на приобретение боеприпасов для ВВС намечено выделить 21 млрд. долл., что должно обеспечить удовлетворение мобилизационных потребностей ВВС на 75-100%.

Только на приобретение противотанкового высокоточного оружия ВВС и армия США планируют израсходовать в 1987 ф.г. 4 млрд. долл.

Стратегия «ранней победы» не предполагает мобилизационного развертывания военной промышленности после начала войны. Генерал-майор А.Дэвидсон, начальник управления планирования в штабе ВВС США, заявил в Сенате: «Другим важным изменением последних лет, сильно осложнившим данный вопрос [определение мобилизационных потребностей в вооружении — В.Ш.] является тот факт, что следующая обычная война вероятнее всего начнется внезапно из исходного положения сторон. А это попросту означает, что ввиду резко возросшей поражающей мощи современного даже обычного оружия у нас вряд ли когда-нибудь появится время на полное развертывание производства подобно тому, как это нам удалось сделать в последнюю мировую войну».

Ставка явно делается на нанесение решающего поражения противнику уже на начальном этапе войны. «Я надеюсь», говорил А.Дэвидсон, «что в целом ряде конфликтов мы сможем закончить их до того, как они перерастут в большую войну. В этом смысле наше планирование исходит из финансовых ограничений мирного времени и обеспечении минимально необходимого уровня способности к ведению продолжительных боевых действий, который дает нам чувство уверенности в своих силах и способен обеспечить нам раннюю победу».

В связи с отказом от ставки на мобилизационное развертывание военной промышленности стратегия «ранней победы» подчеркивает возрастающую роль мобилизационных запасов вооружения, в том числе и традиционного.

Сенатор Т.Хэмфри (председатель подкомитета готовности сенатского комитета по делам вооруженных сил): «Если министерство обороны действительно считает, что подобное возрастающее использование оружия мультипликаторного эффекта сокращает потребности в запасах боеприпасов, то почему бы нам не уменьшить наши запасы?»

Д.Мандельбаум: «Мы считаем, что после применения оружия мультипликаторного эффекта, интенсивность боевых действий понизится по сравнению с нашими прогнозами, но мы не можем этого гарантировать. Поэтому мы нуждаемся в поддержании запасов на том уровне их расходов, который рассчитан на наших моделях боевых действий».

Сенатор Г.Хэмфри: «Правильно ли я Вас понял, что мы сокращаем закупки обычных боеприпасов, так как все более полагаемся на оружие мультипликаторного эффекта?»

Д.Мандельбаум: «Делая упор на подобное оружие, мы одновременно стремимся увеличить запасы традиционных боеприпасов, ибо во многих случаях некоторые из образцов оружия мультипликаторного эффекта все еще находятся в стадии НИОКР. Мы ускоряем их разработку с целью скорейшего запуска в производство... Поэтому наше стремление увеличить запасы традиционных боеприпасов, на которые мы перейдем после первых дней конфликта, все еще остается частью этой новой стратегии».

Сенатор Г.Хэмфри: «Когда мы перейдем к закрытому заседанию, сможем ли мы найти подтверждение Вашему заявлению в цифрах? Увидим ли мы на примере последних лет рост запасов тех боеприпасов, на которые мы перейдем после начальных стадий конфликта?»

Д.Мандельбаум: «Если Вы посмотрите на последние несколько лет, то увидите большое увеличение денежных средств, которые мы выделяем на создание запасов боеприпасов».

Сенатор Г.Хэмфри: «Как, однако, это выражается в сутках потребления боеприпасов? Я веду речь не об израсходованных долларах, а о том, увидим ли мы это увеличение выраженном в фактическом росте запасов?»

Д.Мандельбаум: «Да, на закрытом заседании Вы это увидите».²⁸

Таким образом, материальной основой стратегии «ранней победы» является заблаговременное, до начала войны удовлетворение основных мобилизационных потребностей в вооружении, прежде всего новейшем, в рамках бюджета и планирования мирного времени. Тем самым возможности удовлетворения мобилизационных потребностей закладываются уже в текущем планировании развития вооруженных сил, без проведения отчетливо выраженных демаскирующих мероприятий в области мобилизационной подготовки промышленности.

Требования стратегии «ранней победы» к мобилизационной подготовке военной промышленности

В течение более чем двух десятилетий, с 1953 года по июль 1976 года, требования военно-политического руководства США к мобилизационной готовности военной промышленности определялись в соответствии с концепцией «от Д до П», согласно которой промышленность должна была быть готовой к удовлетворению потребностей вооруженных сил в ходе войны к определенному дню «П». Этот день рассчитывался таким образом, чтобы дать промышленности время для мобилизационного развертывания производства в необходимых масштабах. От дня «Д» (времени начала военных действий) до дня «П» потребности войны в средствах вооруженной борьбы планировалось обеспечивать за счет заблаговременно создаваемых запасов

²⁸ Department of Defense Ammunition Requirements and Production Base. Hearings before the Subcommittee on Preparedness of the Committee on Armed Services. United States Senate. Ninety-Ninth Congress. December 10, 11, 1985. U.S. Government Printing Office. Washington, 1986.

оружия и военной техники. Накопление необходимых запасов вооружения должно было предусматриваться текущими программами закупок министерства обороны.

Перед военной промышленностью ставилась задача создания и поддержания в высокой степени мобилизационной готовности соответствующего резерва мощностей. Создание такого резерва производственных мощностей рассматривалось в качестве более дешевого способа удовлетворения мобилизационных потребностей, чем их полное обеспечение за счет одних только запасов.

В полном объеме концепция «от Д до П», однако, никогда реализована не была.

Уже в 1953 году руководством США было признано, что постоянное поддержание запасов и мобилизационной готовности промышленности на уровне, необходимом для удовлетворения потребностей мировой войны, превышает возможности экономики США. В связи с этим было решено предусматривать в рамках бюджета министерства обороны создание мобилизационных запасов вооружения только на первый год войны, то есть на период, который уже в начале 50-х гг. считался недостаточным для мобилизационного развертывания промышленности.

Помимо этого, концепция «от Д до П» была отвергнута руководством военно-воздушных сил США, придерживавшимся стратегии «массированного возмездия». Видный американский специалист в области экономической мобилизации Р.Воутер следующим образом описывает позицию ВВС в вопросах мобилизационного планирования: «В то время, как мобилизационные потребности армии предусматривали создание многомесечных запасов на случай войны, ВВС измеряли свои потребности в сутках, причем в весьма немногих. В результате с 1958 по 1967 годы ВВС не осуществляли мобилизационного планирования с промышленностью, за исключением того планирования, которое заложено в самом процессе закупок мирного времени. Планы же, которые предусматривали бы будущее производство О и ВТ для удовлетворения потребностей ВВС после дня «М», не разрабатывались».

Естественно, что отказ ВВС от реализации концепции «от Д до П» не мог не отразиться на общем состоянии мобилизационного планирования. Выступая в мае 1985 г. на 4-й мобилизационной конференции, организованной Национальным университетом обороны США, бывший помощник министра обороны Б.Шиллитоу так охарактеризовал состояние мобилизационного планирования в 50-60-х годах: «С одной стороны, армия и ВМС разрабатывали свои потребности в мобилизационных запасах на основе формулы «от Д до П» в целях обеспечения потребностей длительной обычной войны. ВВС, в отличие от них, готовились к ведению и обеспечению 60-дневной ядерной войны, которая исключала возможность самой постановки вопроса о развертывании производства после дня «Д». Не удивительно, что мобилизационное планирование в министерстве обороны находилось в состоянии неразберихи, и, как следствие такого поло-

жения, в условиях реальных бюджетных ограничений выделение средств на создание запасов постоянно сокращалось».

В 1959 г. решением Совета национальной безопасности министерству обороны было предписано ограничить планируемые мобилизационные запасы потребностями ведения 6-месячной войны. Б.Шиллитоу отмечал далее в своем выступлении, что уже вскоре после этого решения «стало ясно, что финансовые ресурсы не позволяют поддерживать запасы и на уровне 6-месячного потребления в условиях войны. Со временем бюджетные ассигнования на эту статью расходов были значительно сокращены. Даже в течение 80-х гг., когда отмечался реальный рост военных расходов, мобилизационные запасы планировались на уровне 60 суток».

Сокращение планируемых мобилизационных запасов до уровня обеспечения 45-60 суток боевых действий сделали, по мнению американского военно-политического руководства, совершенно нереальной задачей поддержание мобилизационной готовности промышленности в соответствии с требованиями концепции «от Д до П». По этой причине в июле 1976 года было принято решение концепцию отменить.

Главное счетно-финансовое управление Конгресса США в своем докладе от 4 апреля 1985 года так оценивало влияние этого решения на мобилизационную подготовку промышленности:

«В июле 1976 года концепция «от Д до П» была заменена установкой на ведение короткой войны с малым сроком предупреждения об ее начале. В повышении способности промышленной базы к мобилизационному развертыванию более не было необходимости, так как не вызывало сомнений, что подобная война завершится еще до того, как промышленная мобилизация сможет оказать влияние на ее ход».

Р.Воутер в следующих выражениях описывает этот период в своей монографии по истории американской промышленной мобилизации: «В ходе 70-х гг., по мере сокращения бюджетных ресурсов министерства обороны, не только вновь снизилось внимание к вопросам развития мобилизационной промышленной базы. Даже сама идея создания такой базы стала рассматриваться многими людьми в правительстве как анахронизм».

Требования министерства обороны к способности промышленности к мобилизационному развертыванию, в первую очередь к созданию и поддержанию резервных мощностей, были резко сокращены.

В изданном в 1979 г. Главным управлением (то есть ГРУ — В.Ш.) переводе доклада ассоциации армии США по вопросам мобилизационной подготовки промышленности (инв. 10432) этот процесс описывается следующим образом (стр.25): «Начиная с 1974 г., ... министерство обороны стало ограничивать ассигнования на промышленную базу, что поставило под угрозу мобилизационные возможности по производству основных систем оружия и боеприпасов... В прошлом мобилизационные возможности закладывались в проектах предприятий. Предполагалось, что максимальные возможности про-

мышленности ... должны достигаться через 6 месяцев после начала войны (вывод предприятия на максимальную мощность). Поскольку такие мощности значительно превышали потребности мирного времени, заводы строились и работали в одну смену. ... Таким образом, на предприятиях, где были заранее заложены мобилизационные возможности, они могли достигаться за счет введения второй и третьей смен... Новая директива министра обороны делает упор на использование наиболее экономичных методов. Поскольку многосменная работа с экономической точки зрения обеспечивает наиболее эффективное использование мощностей заводов, министерство обороны предлагает использовать предприятия в режиме двухсменной работы для полного удовлетворения потребностей мирного времени. Это приводит к исключению второй смены из процесса мобилизационного планирования и уменьшает возможности по наращиванию производства приблизительно с 50% до 8-16%. Повсеместное проведение такой политики подорвало способность США обеспечивать ведение войны, которая потребует больших запасов вооружения, чем имеется на складах».

Далее в переводе ГУ указывается (стр.58): «Средства министерства обороны на содержание резервных мощностей по боеприпасам в достаточной готовности были значительно урезаны. В настоящее время менее 1% от стоимости основных фондов резервной промышленной базы отрасли боеприпасов (7,8 млрд. долл.) расходуется ежегодно на обслуживание резервных заводов и оборудования. В результате техническое состояние резервной промышленной базы ежегодно ухудшается».

Было также вначале ограничено, а затем прекращено финансирование резервных мощностей при новом промышленном строительстве.

До 1973 года видам вооруженных сил разрешалось создавать и содержать в резерве производственные мощности, достаточные для удовлетворения потребностей мобилизации. В последующие годы право финансирования резервных мощностей в объеме мобилизационных потребностей было оставлено только для вновь создаваемых образцов О и ВТ.

В 1979 году министерство обороны запретило создавать новые мощности, превышающие 6-месячные программные потребности вооруженных сил при условии односменной работы промышленности. В 1980 году этот срок был ограничен тремя месяцами, а в 1981-1982 годах был вообще введен запрет на создание производственных мощностей, превышающих потребности 5-летней программы закупок министерства обороны при условии многосменной загрузки оборудования.

Тем самым практически исключалось создание резервных мощностей при освоении производства новых образцов вооружения, и появление резерва мощностей в промышленности могло явиться в основном следствием сокращения соответствующих программ закупок уже в ходе начавшегося производства.

В 1985 г. министерство обороны США вернулось к концепции «от Д до П» радикально, однако, изменив ее содержание. Если первоначально министерство обороны стремилось в максимальной степени использовать мобилизационные возможности промышленности для сокращения запасов вооружения в рамках общей задачи обеспечения потребностей войны, то в настоящее время приоритет решению этой задачи отдан заблаговременному созданию запасов вооружения и боеприпасов. Мобилизационному развертыванию военной промышленности после начала войны отводится второстепенная роль, а по многим образцам вооружения оно вообще не планируется.

Подобное изменение подхода к концепции «от Д до П» объясняется резко возросшими поражающими свойствами новейшего обычного оружия, которое, по мнению сторонников стратегии «ранней победы», впервые в истории современных войн делает реальной постановку вопроса об обеспечении мобилизационных потребностей вооруженных сил заблаговременно, еще до начала войны, то есть так же, как это делается в отношении стратегических ракет и ядерного оружия.

Д.Мандельбаум, заместитель начальника управления в аппарате помощника министра обороны по приобретению и тылу, следующим образом характеризует новое соотношение двух основных компонентов концепции «от Д до П» — запасов О и ВТ и мобилизационных возможностей промышленности:

«Потребности в запасах вооружения целевого назначения рассчитываются как количество единиц вооружения, необходимое для уничтожения с достаточной степенью надежности всех целей противника определенного типа. Теоретически, после уничтожения этих целей необходимость в дополнительном вооружении отпадает. Таким образом, для оружия целевого назначения мобилизационные потребности равны числу единиц вооружения, необходимого для уничтожения новых целей по мере их выпуска промышленностью противника. Следовательно, в том случае, когда мы закупаем необходимый нам объем запасов того или иного оружия, мы фактически выходим на уровень удовлетворения потребностей «от Д до П». Единственное, что нам может потребоваться после достижения данной цели, так это капиталовложения на повышение способности промышленности к импульсному ускорению производства в случае необходимости. Наглядным примером могут служить ракеты класса «воздух-воздух». Мобилизационные потребности в этих ракетах рассчитываются на основе нашей оценки способности противника к выпуску после начала войны дополнительного числа самолетов. Так как на производство ракеты затрачивается меньше времени, чем на производство самолета, наращивание выпуска ракет потребует от нашей промышленности только в том случае, если возникнет необходимость уничтожения дополнительных целей. Поэтому от промышленности требуются не дополнительные мощности, а рост производительности труда и способность к импульсному наращиванию производства».

Отводя ведущую роль заблаговременному созданию запасов вооружения, стратегия «ранней победы» предусматривает дифференцированный подход к созданию запасов по принципу целевого назначения и по уровню потребления. Первоочередным считается создание запасов вооружения по целевому назначению, то есть новейшего, в первую очередь высокоточного оружия.

Дифференцированность подхода закладывается уже в самой методике определения уровня запасов и порядке финансирования их создания. Уровень запасов оружия целевого назначения устанавливается и обеспечивается финансовыми ресурсами в рамках так называемых среднесрочных задач пятилетней программы строительства вооруженных сил, разрабатываемой министерством обороны США и включаемой в программу ППБ (планирование—программирование—бюджетирование). Утверждение и последующее выполнение этой программы означает, что мобилизационные запасы оружия целевого назначения выходят на уровень «от Д до П», то есть обеспечивают, по мнению руководства министерства обороны, достижение «ранней победы».

Для запасов оружия, рассчитываемого по уровню потребления, установлена иная процедура. В ежегодном «Руководстве по обороне» министр обороны устанавливает видам вооруженных сил не одну, как для оружия целевого назначения, а две задачи в области создания таких запасов — долгосрочную и среднесрочную. Долгосрочная задача соответствует требованиям формулы «от Д до П», однако не обеспечивается финансовыми ресурсами и не включается в систему ППБ.

Среднесрочная задача, называемая также «среднесрочная закупочная задача», включается в пятилетнюю программу строительства вооруженных сил, однако, согласно заявлениям официальных представителей Пентагона, предусматриваемый ею объем запасов значительно уступает уровню потребностей, прогнозируемому на период войны.

Так, уже упоминавшийся ответственный сотрудник Пентагона Д.Мандельбаум в ходе своих показаний в Комитете по делам вооруженных сил сената США заявил в декабре 1985 г.:

«Устанавливаемая «Руководством по обороне» среднесрочная закупочная задача, если ее выразить в сутках потребления в ходе войны, уступает потребностям, соответствующим уровню «от Д до П». Ввиду этого наши запасы большинства видов боеприпасов и ракет, определяемых по уровню потребления, значительно ниже тех, которые соответствуют нашей долгосрочной задаче».

Свидетельством того, что накопление запасов оружия целевого назначения пользуется более высоким приоритетом с точки зрения обеспечения потребностей войны по сравнению с накоплением запасов оружия по уровню потребления, может служить нижеследующая выдержка из слушаний в Сенате США:

«Сенатор А.Диксон: Доктор Мандельбаум и свидетели, представляющие виды вооруженных сил, имеются ли среди наших современ-

ных боеприпасов и тактических ракет такие, по которым мы действительно создали запасы, достаточные для того, чтобы обеспечить потребности войны до момента, когда промышленная база сможет взять на себя эту задачу?

Д.Мандельбаум: Представители видов вооруженных сил ответят сами за свои сферы ответственности. Если говорить за министерство обороны в целом, то в тех случаях, когда мы покупаем боеприпасы и ракеты целевого назначения в объеме, предусмотренном среднесрочными задачами нашего «Руководства по обороне», мы выходим тем самым на уровень обеспечения потребностей «от Д до П». При закупке в запасы боеприпасов и ракет по уровню потребления наши среднесрочные закупочные задачи весьма далеки от достижения поставленных нами долгосрочных целей» (то есть от уровня «от Д до П»).

Свидетельством того, что военно-политическое руководство США ставит заблаговременное удовлетворение основных потребностей будущей войны как вполне реальную задачу даже в условиях бюджетов мирного времени, могут служить данные, приведенные в Сенате в декабре 1985 года генерал-майором А.Дэвидсоном, начальником управления планирования в штабе ВВС США. По его показаниям, пятилетняя программа ВВС предусматривает на 1986-1990 гг. выделение на закупки неядерных боеприпасов и ракет 21 млрд. долл. Это обеспечит по всем видам боеприпасов, за исключением некоторых новых образцов, производство которых ожидается лишь в конце пятилетнего программного периода, достижение 100-процентного уровня выполнения среднесрочных задач (то есть полного обеспечения потребностей «ранней победы» в боеприпасах и ракетах целевого назначения) и 75% уровня выполнения долгосрочных задач (мобилизационные потребности по уровню потребления).

Подтверждение приоритета вооружения целевого назначения перед традиционным, рассчитываемым главным образом по уровню потребления, содержится в последнем докладе министра обороны США К.Уайнбергера на 1988 и 1989 фин. годы. В докладе указывается, что на закупки боеприпасов для армии и корпуса морской пехоты, у которых доля боеприпасов целевого назначения еще относительно невелика, в 1988 и 1989 финансовых годах будет выделено соответственно на 9% и 7% меньше средств, чем ассигновано в 1987 году. В то же время, по словам К.Уайнбергера, несмотря на это сокращение намечается значительно увеличить запасы военного времени 155 мм кассетных боеприпасов и 155 мм снарядов «Копперхед» с лазерной системой наведения. В частности, закупки высокоточных снарядов «Копперхед», то есть боеприпасов целевого назначения, возрастают по сравнению с 1987 фин. годом в 1988 фин. году в 5,5 раз, а в 1989 фин. году — в 6 раз.

Аналогичный подход прослеживается и в подходе министерства обороны к вопросам мобилизационной подготовки промышленной базы.

В то время как, например, по высокоточному оружию необходимые для удовлетворения мобилизационных потребностей производственные мощности закладываются и обеспечиваются в полном объеме финансовыми ресурсами с самого начала осуществления соответ-

ствующих программ производства, мощности промышленности по производству традиционного вооружения далеко отстают от потребностей мобилизации.

Вот как оценивает министерство обороны США положение в боеприпасной промышленности (приводится цитата из слушаний в Сенате США, декабрь 1985 г.): «Сенатор А.Диксон: Доктор Мандельбаум, Вы утверждаете в своем представленном докладе, что «мощности производственной базы далеко отстают от мобилизационных потребностей». Где именно ощущается наибольшая нехватка мощностей — в производстве танковых боеприпасов, артиллерийских снарядов, боеприпасов целевого назначения или где?

Д.Мандельбаум: Нехватка мощностей имеется главным образом в производстве боеприпасов, потребности в которых рассчитываются по уровню потребления. Эта нехватка распространяется на весь диапазон подобных боеприпасов. Мобилизационные потребности не обеспечены производственными мощностями по многим видам танковых боеприпасов, артиллерийским и минометным выстрелам, авиабомбам.

Нехватка мощностей может рассматриваться как с количественной стороны, так и под углом зрения важности того или иного боеприпаса. Используя эти критерии, я бы сказал, что артиллерийские боеприпасы являются одним из наших самых слабых мест».

Тем не менее руководство министерства обороны не считает целесообразным расширять существующие или создавать резервные мощности. Д.Мандельбаум так излагает позицию министерства обороны в данном вопросе.

«Создание производственной базы с большими мощностями, чем те, которые необходимы для выполнения среднесрочных закупочных задач в рамках пятилетней программы обороны, не является приоритетным направлением расходования наших ограниченных финансовых ресурсов по ряду причин.

Если исходить из того, что наши закупки останутся на существующем уровне, то в этом случае расширенная производственная база будет вынуждена работать в неэкономичном режиме, следствием чего будет рост стоимости единицы продукции.

Конечно, часть расширенной производственной базы можно было бы перевести в резерв, однако при этом польза от расширения мощностей будет сведена на нет длительными сроками, которые потребуются для перевода резервных мощностей в действующее состояние. Кроме того, содержание резервных мощностей повлечет за собой дополнительные расходы.

Среднесрочные закупочные задачи, которые ставятся в «Руководстве по обороне», не обеспечивают наши потребности на весь период, который необходим для полной мобилизации промышленной базы. Мы не располагаем ресурсами, достаточными для финансирования подобных задач. Поэтому капиталовложения в расширение производственных мощностей (новое строительство) в целом менее предпочтительны, чем капиталовложения в импульсное ускорение произ-

водства, модернизацию производственной базы в целях повышения ее производительности и в создание запасов вооружения».

В основе американского подхода к мобилизационной подготовке промышленности лежит признание нереалистичности постановки задачи достижения целей концепции «от Д до П» по традиционному вооружению в современных условиях.

Д.Мандельбаум таким образом, например, формулирует подобное признание: «Как я уже говорил, производственная база неспособна обеспечить необходимый нам уровень обеспечения наших потребностей. Поэтому усилия министерства обороны в сфере политики приобретения вооружения и тылового обеспечения направлены на разработку новой стратегии в данной области, стратегии, которая бы учитывала как наши финансовые ограничения, так и те цели, которые мы ставим перед собой».

Такой стратегией, по мнению военно-политического руководства США, является концепция «ранней победы» в длительной обычной войне.

Таким образом, в рамках стратегии «ранней победы» основными требованиями к военной промышленности при подготовке к войне становятся:

- 1) способность к освоению в кратчайшие сроки производства новейшего О и ВТ;
- 2) высокий уровень производительности труда;
- 3) готовность к проведению «импульсной» мобилизации.

Это означает, что руководство США не считает мобилизационное развертывание массового производства традиционного вооружения единственным способом обеспечения материальных потребностей обычной, в том числе длительной, войны.

Как, надеюсь, видно из вышеизложенного, ключом к «ранней победе» было высокоточное оружие (ВТО). Именно путем массированного применения новейшего ВТО в стратегическом, оперативно-тактическом и тактическом звеньях американцы рассчитывали, даже не имея общего превосходства в численности вооруженных сил и количестве традиционного вооружения, уже на начальном этапе обычной войны добиться решающего изменения соотношения сил в свою пользу. Доказательства подобных замыслов мы находили в изобилии. И надо сказать, что добывающие органы ГРУ максимально стремились удовлетворить наши запросы по поводу новой стратегии и особенно ВТО.

Приведу еще несколько цитат. Дж.Копчак, директор управления ядерных боеприпасов министерства обороны США, заявлял во время слушаний в Сенате США:

Наша цель состоит в том, чтобы обеспечить выживание наших платформ (на жаргоне Пентагона «платформами» называются корабли, самолеты, вертолеты и другие сложные боевые машины, способные

доставлять боеприпасы к цели — В.Ш.) в первые дни конфликта. Вот почему мы делаем упор на первоочередное использование более дорогостоящего и более эффективного высокоточного оружия с тем, чтобы до минимума сократить потери наших платформ на начальном этапе войны. После того, как оборона противника будет резко ослаблена, наши вооруженные силы перейдут к более широкому использованию нормативных (то есть по нормам расхода в сутки — В.Ш.) боеприпасов, которые на последующей стадии войны могут быть применены с меньшим риском для наших платформ.

А вот что говорил 27 февраля 1985 г. в Сенате США первый заместитель заместителя министра обороны по программам тактической войны М.Адамс:

Наша долговременная цель состоит в создании такого запаса оружия, как высокоточного, так и менее сложного, который был бы достаточен для обеспечения потребностей наших вооруженных сил в войне до тех пор, пока промышленность не сможет взять на себя эту функцию.

... Я думаю, что мы все отдаем себе отчет в том, что нам не угнаться за столь большим количеством боевой техники, которое имеет противник. Поэтому нашей основной целью должно быть опережение противника в технологии вооружений с тем, чтобы быть в состоянии нанести противнику более тяжелые потери и тем самым компенсировать существующее в настоящее время крайне неблагоприятное для нас количественное соотношение сил.

Говоря об увеличении закупок ВТО в 1986 ф.г. на 2 млрд. долларов по сравнению с истекшим годом, М.Адамс подчеркивал: «Это как раз те образцы вооружения, которые я имел в виду, говоря о нашей потребности в мультипликаторном вооружении для преодоления количественного превосходства противника».

При этом США не только стремительно увеличивали свои расходы на закупки ВТО, но и принимали энергичные меры по повышению мобилизационной готовности предприятий, занятых его производством. С ноября 1984 г. по октябрь 1985 г. КНШ провел обследование мобилизационных возможностей промышленности по выпуску ВТО, получившее официальное название «Исследование комитетом начальников штабов производственной базы по выпуску ВТО». Обследование не было американцами засекречено и мое управление получило по нему довольно подробные материалы. Оно отличалось беспрецедентной для подобных мероприятий детализацией проработки рассматриваемых вопросов, конкретностью и целенаправленностью выводов и рекомендаций. Его результаты еще раз продемонстрировали нам, насколько серьезно и дотошно США подходят к подведению достаточной материальной базы под свою концепцию «ранней победы».

Необычно широк был уже сам состав участников обследования, а фактически длительного военно-промышленного учения, которому был

придан межведомственный и даже международный характер. Для его проведения была создана объединенная рабочая группа, в которую вошли не только представители КНШ, аппарата министерства обороны, всех видов вооруженных сил, но и представители Федерального агентства по действиям в чрезвычайных условиях (FEMA), министерства торговли, министерства обороны Канады и канадского министерства снабжения и услуг, отвечавшего за мобилизационную подготовку экономики Канады. Кроме того, в рабочую группу вошли представители (на уровне президентов или вице-президентов) девяти американских фирм, занимавшихся серийным производством ВТО и участвовавших в обследовании.

Для постановки задач промышленности были разработаны общие для всех видов вооруженных сил мобилизационные потребности в ВТО (обычно в США мобилизационные потребности в вооружении и военной технике разрабатываются каждым видом вооруженных сил в отдельности). При разработке мобилизационных потребностей использовался единый сценарий, основывавшийся на реальных задачах, поставленных в ежегодном «Руководстве по обороне» министра обороны. Список образцов ВТО, подлежащих выпуску при мобилизации, был составлен на основе официальных заявок главнокомандующих объединенными и специальными командованиями вооруженных сил. При разработке заявок главнокомандующим было предложено включать в них только критически важные, по их мнению, образцы ВТО, которые понадобятся им в первые же дни войны в соответствии с имеющимися у них реальными планами боевых действий.

Обследованием были охвачены не только головные подрядчики, но и все субподрядчики. Были обследованы также такие сектора американской и канадской промышленности, участвующие в выпуске ВТО, как производство ракетных двигателей, радиоэлектроника и металлообработка, производство механических компонентов, микроволновая технология, производство взрывчатых веществ и ракетных топлив. Все данные, предоставлявшиеся производителями ВТО, были взяты из текущей производственной деятельности. Условные данные не использовались. Ввиду того, что частные промышленники неохотно делятся подобными данными не только друг с другом, но и с правительством, для защиты коммерческой тайны в качестве единственного хранителя всей собранной производственной информации была нанята специальная частная фирма Д.Х.Р.

В качестве расчетной даты начала мобилизации было установлено 1 октября 1986 г. В случае мобилизации планировалось увеличить в течение 24 месяцев производство ВТО почти в 6 раз по сравнению с октябрём 1986 г. Увеличение предусматривалось по всем включенным в обследование образцам ВТО в целом. По отдельным образцам уровень мобилизационного наращивания устанавливался дифференцированно. При этом при разработке своих планов увеличения производства про-

мышленникам было предложено руководствоваться следующими условиями:

1. Мобилизация начнется в мирное время без предварительного предупреждения и какого-либо предмобилизационного периода.
2. Промышленности будут немедленно предоставлены неограниченные финансовые средства.
3. Увеличение производства не должно сопровождаться увеличением стоимости единицы продукции.
4. Будет введена и жестко соблюдаться предусмотренная мобилизационным законодательством государственная система приоритетного обеспечения производства ВТО дефицитным сырьем и материалами.
5. При мобилизации не должно допускаться какого-либо снижения качества и надежности выпускаемой продукции по сравнению с требованиями мирного времени.

Обследованим были охвачены 20 образцов ВТО, находившихся в серийном производстве, в том числе крылатые ракеты «Томахок», ЗУР «Патриот», управляемые авиабомбы «Пейвуэй-3», «АТМ-130» и другие.

В нем участвовали 9 головных подрядчиков («Форд аэроспейс», «Мартин Мариетта», «Тексас Инструментс», «Рокуэлл», «Макдоннел-Дуглас», «Хьюз», «Дженерал-Дайнэмикс», «Рэйтеон» и «Ханиуэлл»), выпускавшие все 20 систем ВТО на 24 своих заводах (четыре системы — «Томахок», «Спэрроу», «Сайдуиндер» и «Патриот» выпускались одновременно двумя фирмами).

График роста производства при мобилизации выглядел следующим образом:²⁹

Месяц после начала мобилизации	0	6	12	18	24
Производство ВТО (единиц в месяц)	6100	9386	16196	28558	35968
Рост (разы)	—	1.54	2.66	4.68	5.89

Рабочая группа по проведению обследования пришла к выводу, что предприятия по производству ВТО не способны к значительному увеличению производства без целого комплекса дополнительных мероприятий. Даже для того, чтобы увеличить производство в 1,54 раза в течение первых шести месяцев должны быть не позднее, чем за 12-22 месяца до начала мобилизации, выделены средства (в объеме 1,45 млрд. долларов) на создание запаса критических узлов и компонентов, требующих длительных сроков для своего изготовления. Помимо этого,

²⁹ "The Industrial Base: Can It Provide Enough Precision Guided Munitions?" *Air Force Journal of Logistics*, Spring 1986.

требовались заблаговременные дополнительные закупки специального и контрольно-диагностического оборудования, так как имеющееся оборудование было почти «под завязку» загружено выполнением текущих заказов (38,1% оборудования работало в 1,5-2 смены, 33,3% — в 2-3 смены и 14,3% — в 3-4 смены).

Представитель корпорации «Рейтеон» Р.Мелансон, выступавший в ходе обследования в качестве официального представителя всех фирм-участниц, констатировал: «Что касается специального и испытательного оборудования, то его загрузка в настоящее время отвечает наиболее рациональным требованиям его эффективной эксплуатации. Должно быть ясно, однако, что столь интенсивное использование оборудования в мирное время не оставляет практически никаких резервов для увеличения производства в случае кризиса».

Было также установлено, что ни Пентагон, ни сами фирмы-производители ВТО не располагают сколько-нибудь полной и достоверной статистической информацией, которая позволила бы определить степень зависимости производства от зарубежных поставщиков компонентов и материалов. Было высказано предположение, что эта зависимость может быть значительной. Основанием для подобного вывода послужила информация по ракете «Спэрроу 7М», в отношении которой имелись подобные данные. Оказалось, что 28% основных поставщиков (16 из 57) головного подрядчика зависели от поставщиков компонентов из-за рубежа.

В целом, по заключению рабочей группы, для подготовки производственной базы фирм-участниц к увеличению выпуска ВТО в течение 24 месяцев в 5,89 раза потребовались бы дополнительно 7,45 млрд. долларов.

Проведенное исследование, при всей его информативности и скрупулезности расчетов, не давало, конечно, полной картины возможностей США по производству ВТО. К этому времени мы в управлении уже знали, что основные расходы на разработку ВТО осуществляются по сверхсекретным так называемым «черным» программам (я еще остановлюсь на них подробнее), которые, разумеется, не были включены в обследование КНШ. Так, по опубликованным в американской печати оценкам, только на стратегическую крылатую ракету «АСМ» и тактическую ракетную систему «Джейтакмс»³⁰ (обе осуществлялись по «черным» программам) в 1983-1987 ф.гг. было израсходовано соответственно 2,645 млрд. и 1,12 млрд. долларов. При этом у нас были основания считать, что ряд таких программ находятся в высокой степени готовности к производству.

В качестве примера мы приводили крылатую противорадиолокационную ракету «AGM-136А», разрабатывавшуюся по «черной» программе под кодовым наименованием «Тэсит рэйнбоу». Как только данные

³⁰ АСМ — Advanced Cruise Missile; JTACMS — Joint Tactical [Cruise] Missile System.

по ней были впервые частично рассекречены в начале 1987 г. (указано предназначение, даны такие габариты, как длина, размах крыльев, опубликована фотография), головной подрядчик по ее разработке фирма «Нортроп» объявила о начале строительства завода по сборке ракет «AGM-136A» в г.Перри, шт.Джорджия (сборка прототипов осуществлялась в другом месте, на предприятии фирмы в г.Ньюбери-Парк, шт.Калифорния). Срок начала серийного производства на новом заводе в Перри был запланирован на первый или второй квартал 1988 г. О масштабах намеченного производства говорил тот факт, что для работы на заводе в Перри намечалось нанять 750 человек, что весьма много для такого узкоспециализированного и автоматизированного производства, как сборка крылатых ракет.

Созданию новейшего ВТО придавался широкий межведомственный характер с привлечением, в частности, государственных лабораторий министерства энергетики, традиционно специализировавшихся в области ядерного оружия. Говоря о совместной программе Пентагона и министерства энергетики по созданию высокотехнологичных боеприпасов, К.Уайнбергер подчеркивал:

Эта программа направлена на объединение усилий в НИОКР с министерством энергетики для достижения крупного рывка в технологии неядерных боеприпасов. Лаборатории министерства энергетики по разработкам и инжинирингу в области ядерного оружия обладают уникальными возможностями, дополняющими возможности лабораторий министерства обороны.

Рассмотренное выше военно-промышленное учение по ВТО стало для нас дополнительным аргументом в отстаивании нашей позиции по мобилизационным мощностям.

Во-первых, оно показывало, что даже в такой передовой и высоковольтребованной отрасли, как промышленность по выпуску ВТО, США не содержат сколько-нибудь значительных резервных мощностей на случай мобилизации или войны.

Во-вторых, из него вытекало, что в случае необходимости резкого увеличения производства ВТО, США будут добиваться этого не столько путем повышения производственных возможностей действующих предприятий, сколько путем строительства новых заводов и ввода новых мощностей.

Высказывания американских политиков и военных по вопросам стратегии «ранней победы» также свидетельствовали, что США не планируют увеличивать свои мощности по производству традиционного вооружения и собираются добиться своей «ранней победы» преимущественно путем заблаговременного создания запасов оружия, прежде всего высокоточного, которые позволяли бы еще на раннем этапе войны уничтожить все запланированные наиболее опасные для себя цели.

На тот же случай, если Советский Союз, как ожидалось, ответит на это запуском своей огромной мобилизационной машины, как это было в период Великой Отечественной войны, и начнет в большом количестве выпускать взамен потерянных новые самолеты, танки и т.д., то США не будут соревноваться с ним в этом отношении. Вместо этого они развернут, в частности, массовое производство ВТО, технологический цикл производства которого значительно короче, чем цикл производства современного танка или самолета.

А доказательств, что США интенсивно увеличивают свои запасы оружия поступало все больше и больше. Так, в своем очередном бюджетном докладе Конгрессу от 12 января 1987 г. К.Уайнбергер привел таблицу по обеспеченности вооруженных сил США запасами боеприпасов на военное время (см. таблицу 1).

Таблица 1

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ США ЗАПАСАМИ БОЕПРИПАСОВ НА ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

ВИД ВООРУЖЕННЫХ СИЛ	ПРОЦЕНТ ОТ НОРМЫ НАКОПЛЕНИЯ		РАСХОДЫ НА СОЗДАНИЕ ЗАПАСОВ ЗА 1981-1985 ГГ. (В МЛРД. ДОЛЛ.)	ПОТРЕБНОСТЬ В ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ РАСХОДАХ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ НОРМЫ НАКОПЛЕНИЯ (В МЛРД. ДОЛЛ.)	КОЛИЧЕСТВО ЛЕТ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ НОРМЫ ЗАПАСОВ (ПРИ УРОВНЕ РАСХОДОВ 1985 Ф.Г.)
	1980 г.	1984 г.			
Армия	65	77	19,1	15,4	3
ВМС	12	22	12,1	25,4	7
Корпус морской пехоты	32	44	2,8	3,8	5
ВВС	21	30	11,8	25,8	9
Всего	45,8	70,4	6

В феврале 1988 г. сменивший К.Уайнбергера на посту главы Пентагона Фрэнк Карлуччи объявил, что американские запасы боеприпасов достигли в денежном исчислении 70 млрд. долларов. Он также заявил, что к апрелю 1988 г. Пентагон планирует завершить разработку мастер-плана (СММР)³¹ по приобретению достаточного количества бое-

³¹ СММР - Conventional Munitions Master Plan.

припасов на случай войны в Европе. По его словам, новый мастер-план

будет базовым документом министерства обороны по планированию наиболее эффективного использования обычных боеприпасов всех типов в целях достижения «ранней победы» и поддержки наших общих усилий по модернизации.³²

Согласно Карлуччи, этот план не только предусматривал выполнение плана закупок, но и определял те образцы боеприпасов, производство которых должно быть ускорено, а также форсировал проекты НИОКР, реализация которых была необходима для пресечения прогнозируемых угроз.

При разработке новых образцов ВТО и других боеприпасов особое внимание обращалось на обеспечение их способности к длительному хранению. В 1984 г. был издан специальный закон, требующий от фирм-разработчиков вооружения гарантий долговечности и надежности оружия при длительном складском хранении. Появились специальные образцы боеприпасов (за их способность к длительному хранению без обслуживания американцы называли их «деревянными») с 5-10-летней гарантией хранения. Первую такую гарантию сроком на 10 лет выдала в октябре 1985 г. фирма «Аэроджет орднанс» на новую управляемую авиабомбу комбинированного действия «СБУ-87». До 1990 г. ВВС США планировали закупить 111 тысяч таких авиабомб на сумму, превышающую 2 млрд. долларов.

Особенно бурными темпами росли запасы боеприпасов в ВВС. По данным начальника управления оперативной подготовки ВВС США генерал-майора Д.Лоха, с 1981 по 1986 ф.гг. закупки всех видов ракет класса «воздух-земля» выросли более чем в 5 раз (с 600 млн. долл. до 3,2 млрд. долл.). По его словам, боеприпасы стали поступать в войска в таком количестве, что, например, в Западной Европе строительство новых складов для их хранения стало отставать от темпов поставки боеприпасов промышленностью на полгода.³³

Главнокомандующий сухопутными войсками США в Европе генерал Глен Отис хвастался корреспонденту военного журнала:

У меня очень много запасов. Я не хочу вдаваться в детали, чтобы не говорить о засекреченных вещах. Однако сейчас у нас положение с запасами на порядок лучше, чем пять лет назад.³⁴

Однако главную опасность стратегии «ранней победы» мы видели даже не в том, что она таила в себе риск превращения советских самолетов, танков и кораблей в простые мишени для американского высокоточного оружия. В конце концов и Германия на первом этапе Вели-

³² *Jane's Defense Weekly*. 20 February 1988.

³³ *Armed Forces Journal*, June 1987. P. 69.

³⁴ *Armed Forces Journal International*, January 1987. P. 48.

кой Отечественной войны уничтожила практически все советские танки и самолеты, стоявшие на западной границе, а затяжную войну все-таки проиграла. Опасность, на наш взгляд, была в том, что «ранняя победа» давала США возможность реализации в ходе войны огромного потенциала своей гражданской экономики.

До появления этой стратегии США не считали возможным ведение длительной обычной войны с превосходящими по численности и вооружению армиями советского блока, подкрепленными централизованной и всеохватывающей системой мобилизационной подготовки экономики. В подобных условиях США просто не успевали перевести свою экономику на военные рельсы.

Таково было единодушное мнение всех американских специалистов по мобилизации. Выступая в 1985 г. на 4-й мобилизационной конференции Военно-промышленного колледжа вооруженных сил США, Генри Фаулер, возглавлявший во время войны в Корее управление оборонной мобилизации, отвечавшее за мобилизационную подготовку американской экономики, говорил:

Во время обеих мировых войн наша страна доказала, что она обладает решающей военной мощью после того, как — и я подчеркиваю **ПОСЛЕ ТОГО КАК** — она сумела посредством эффективной экономической мобилизации переключить свои гигантские ресурсы на ведение войны. Однако оба эти выпавшие на долю США испытания произошли в условиях, когда наша главная слабость, зависимость от фактора времени, была сведена к минимуму. Я хочу процитировать слова бывшего начальника вашего колледжа генерала А.Ваннемана, который сказал: «Ахиллесова пята американской военной мощи — это время. Необходимое для нашей мобилизации в первой и второй мировых войнах время было оплачено жертвами и кровью наших союзников».

Те из нас, кто имеет опыт проведения экономической мобилизации, будь то всеобщая или частичная мобилизация, могут подтвердить, что основным препятствием на пути массового производства в США необходимого для победы вооружения в сложном мире современных технологий является время изготовления вооружения. С самых первых дней после окончания второй мировой войны мы стояли перед угрозой того, что в будущей большой войне, которая потребует полной или всеобщей мобилизации, у США не будет того времени на подготовку к войне, которое мы имели благодаря крови и жертвам союзников в 1914-1917 гг. или 1939-1942 гг.

Очень кратко и емко динамику мобилизации рыночной экономики обрисовал в одном из своих выступлений в начале 1942 г. время У.Черчилль: «Производство вооружения разворачивается медленно. Первый год не дает ничего, второй год очень мало, третий год много, четвертый — столько, сколько угодно».³⁵

³⁵ Эвентов Л.Я. Военная экономика Англии. Москва, 1946. С. 160.

Жак Генслер в своем труде «Военная промышленность», вышедшем в 1980 г., констатировал:

В настоящее время военная промышленность США в целом не готова к сколько-нибудь продолжительному конфликту. В случае, если бы война продолжалась три года или более, промышленность США была бы способна отобилизоваться и дать ответ на вызов, но к войне, длящейся больше, чем несколько дней, но меньше, чем несколько лет, она не готова.³⁶

... США и Советский Союз дают себе отчет в своих относительно сильных и слабых сторонах в отношении возможных сценариев войны. Советы обладают подавляющим превосходством в количестве обычных войск и уровне текущего производства своих новых систем оружия. Поэтому они, судя по всему, гораздо лучше подготовлены к войне, которая длится всего несколько месяцев или даже от одного года до двух лет.³⁷

Теперь, благодаря стратегии «ранней победы», США получали возможность диктовать по своему усмотрению любую продолжительность обычной войны. Грубо такой конфликт можно было бы представить себе следующим образом. В начале войны США благодаря превосходству в ВТО «выбивают» обычные советские наступательные средства (танки, самолеты, вертолеты, корабли), не трогая, естественно, стратегические ядерные силы СССР, чтобы не спровоцировать ядерный ответ. Затем наступает нечто вроде пата. У СССР нет больше возможности проводить крупномасштабные наступательные боевые действия, но остается огромная армия, способная вести длительные оборонительные бои. У США и их союзников, с другой стороны, нет ни сил, ни желания захватывать территорию противника и ввязываться в изнурительные бои со все еще сильным и многочисленным противником. Затем СССР запускает в ход свои огромные мобилизационные мощности по производству традиционного вооружения и бросает на фронт десятки тысяч новых танков и самолетов, в то время как США отобилизовывают свои мощности по производству ВТО. Такая война в принципе может длиться с переменным успехом годы и годы. Однако параллельно с увеличением производства ВТО США начинают перестраивать на военные рельсы свою огромную экономику с целью создания подавляющего превосходства в обычных наступательных вооружениях. Как это делается, США убедительно продемонстрировали во время второй мировой войны.

То есть решающим фактором войны становится потенциал всей экономики, а не только военной промышленности. В своем докладе Конгрессу «Стратегия национальной безопасности США» в январе 1988 г. президент Р.Рейган подчеркивал, что «мы полагаемся на масштабы и мощь американской экономики как на нашу последнюю и решающую линию обороны».

³⁶ Jacques S. Gansler. The Defense Industry. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1980. P. 242.

³⁷ Ibid. P. 25.

Одновременно с мобилизационной перестройкой экономики интенсифицируются работы по программе «Стратегической оборонной инициативы» (СОИ), до завершения работ над которой США не приступают к заключительной наступательной фазе войны во избежание ядерного контрудара СССР. Конечно, СОИ — сложная и многоцелевая программа (развитие прорывных технологий и т.д.), но для меня она всегда была прежде всего частью стратегии «ранней победы» в длительной войне. Может быть потому, что без СОИ эта стратегия зависала в воздухе. Ведь невозможно было себе представить, что США могут нанести окончательное поражение СССР в обычной войне любой длительности при наличии у последнего огромного ядерного арсенала. Не случайно американцы, расписывая свою «раннюю победу», ничего не говорили о том, как они собираются завершить войну в целом. В отличие от большинства советских, а затем российских исследователей СОИ я с самого начала считал и продолжаю считать эту программу осуществимой.³⁸ Но с одной оговоркой — осуществимой не в условиях мирного времени, а в условиях мобилизации. К такому выводу я пришел на основе изучения опыта функционирования американской экономики в годы второй мировой войны³⁹ и особенно Манхэттенского атомного проекта. Не углубляясь в детали, подчеркну только, что в условиях мобилизации американская экономика обнаружила невиданные, почти экспоненциальные темпы развития, фактически профинансировав всю войну за счет экономического роста. Более того, при осуществлении Манхэттенского проекта США продемонстрировали, что в случае крайней необходимости они могут лучше любого Госплана сконцентрировать силы на жизненно важном направлении. Объясняется это прежде всего тем, что в отличие от СССР в США в мирное время лучшие менеджерские и научные силы сконцентрированы именно в гражданском секторе, а отнюдь не в военном, и только в условиях мобилизации они могут поступить в распоряжение государства. Кроме того, в условиях войны на СОИ можно выделять уже не миллиарды или даже не десятки миллиардов, а триллионы долларов.

Мне бы не хотелось, чтобы у читателя сложилось впечатление, что я или мои коллеги высказывали такие радикальные взгляды, а кто-то нам возражал или даже преследовал за них. В действительности они никого не интересовали. Дело в том, что ГРУ представляет собой строго структурированную организацию, где каждому подразделению нарезан свой «участок». Одни подразделения отслеживают развитие стратегии и строительство вооруженных сил вероятного противника, другие — развитие вооружений и военной техники, третьи — вопросами мобили-

³⁸ Подробнее свои взгляды на этот счет я изложил в интервью С.Белановскому в журнале *Проблемы прогнозирования* № 4, 1996 г.

³⁹ Этому вопросу в большой мере посвящен выпуск *Военного вестника МФИТ* «Управление экономикой США в кризисных и чрезвычайных условиях: Уроки для России». См. *Военный вестник МФИТ*, № 4, декабрь 1998 г. http://svop.ru/wp-content/uploads/2018/10/VoennyVestnikMFIT_No4_UPRAVLENIE-EKONOMIKOI-SSHA_.pdf

зации личного состава вооруженных сил и т.д. И даже запасы вооружения, о которых я так много написал выше, были прерогативой не моего управления. За них отвечало управление, занимавшееся вооруженными силами. Вторжение в сферу деятельности соседа (например, экономисту высказываться по вопросам стратегии) считалось недопустимым. Поэтому мы, собственно говоря, и не имели каких-либо каналов для разъяснения своих взглядов, кроме составления несекретных справок вроде приведенных выше, которые мы давали почитать коллегам или благожелательно настроенным начальникам.

Я думаю, что в официальных документах ГРУ того времени вообще не найти никакого упоминания стратегии «ранней победы». Да и запасы традиционного вооружения (танков, самолетов, артиллерийских орудий), которые выдавали коллеги из другого управления, окажутся при проверке завышенными по сравнению с действительными во много раз. Я не раз протестовал против подобного завышения, но безрезультатно. Дело в том, что вся деятельность информационных подразделений ГРУ (я не говорю об оперативных) была подчинена, в сущности, одной задаче — обосновать планы мобилизационного развертывания вероятных противников, которые разрабатывал Генштаб. Планы эти, во всяком случае те, с которыми я соприкасался при подготовке документов по военной промышленности для учений «Центр», то есть учений, где прорабатывались сценарии отмобилизования армий возможных противников, казались мне верхом абсурда. Моему управлению на этих учениях отводилась роль какой-то скатерти-самобранки, которая выдает столько мобилизационных мощностей, сколько надо Генштабу. Выглядело это примерно так. Генштабисты подсчитывали численность населения вероятных противников и вычисляли, какую его часть можно призвать в армию. Получалось что-то около 800 дивизий против 200-250 советских. Вопрос о том, чем вооружать эти орды, решался просто — «оружие дадут экономисты», то есть мое управление. Всякие наши оговорки по поводу низкой достоверности выдаваемых нами мобилизационных мощностей, которые мы так старательно вписывали в свои документы, бесцеремонно игнорировались, а все наши данные рассматривались как достоверная информация разведки.

Естественно, что в условиях столь подавляющего превосходства противника в обычных вооружениях и численности войск в случае мобилизации, которое рисовал себе Генштаб, у СССР, по мнению генштабистов, не оставалось иного выхода, как прибегнуть к ядерному оружию. Возможность ведения длительной безъядерной войны Генштабом никогда всерьез не изучалась. Не считали ее вероятной и политики. Влиятельный в те годы академик Георгий Арбатов писал:

Затяжная обычная война невозможна, задача вооруженных сил состоит в том, чтобы не допустить победы противника в интенсивных

краткосрочных боевых действиях и не позволить безнаказанной ядерной эскалации.⁴⁰

Что касается СОИ, то она рассматривалась советскими генералами как неопровержимое доказательство подготовки США к ядерной войне. Внешнеполитический рупор Генштаба тех лет генерал-полковник Н.Червов, говоря о СОИ на одной из своих пресс-конференций, подчеркивал:

Вашингтоном ставится цель — для США обрести способность безнаказанного нанесения первого ядерного удара, а для СССР — лишить его возможности ответного удара, то есть разоружить Советский Союз. Это означает, что СОИ объективно признает и допускает возможность применения ядерного оружия, нанесения первого ядерного удара, возможность победы в ядерной войне.⁴¹

Подходы Пентагона и Генштаба к роли ядерного оружия и обычной войне, во всяком случае на том отрезке времени, который я описываю, диктовались совершенно разными мотивами. Для США опора на ядерное оружие давала прежде всего возможность экономить на обычных силах. В одном из своих докладов Конгрессу К.Уайнбергер прямо признавался в этом:

Со времени окончания второй мировой войны наша политика продолжает полагаться на американское ядерное оружие как на средство предотвращения не только ядерной, но и обычной войны. Это объясняется главным образом тем обстоятельством, что увеличение сил обычного назначения обходится намного дороже, чем увеличение сил ядерных, а ни мы, ни наши союзники не в состоянии повысить свои расходы на оборону.⁴²

Что касается Генштаба, то для него обладание ядерным оружием, этим «великим уравниателем», давало возможность десятилетиями ничего не менять ни в своих взглядах на войну, казавшуюся по мере накопления гигантского советского ядерного арсенала (большего, чем у всех вероятных противников вместе взятых) все менее вероятной, ни в неповоротливой структуре обычных вооруженных сил, построенных на опыте Великой Отечественной войны. В качестве же основного метода сокрытия своей интеллектуальной косности от несведущего в военных вопросах советского политического руководства Генштаб избрал требование все больших и больших ресурсов на оборону. Рост военных расходов продолжался и при М.Горбачеве. По его собственным словам, на пятилетку 1985-1990 гг. прирост национального дохода намечался в пределах 22%, а расходов на военные нужды — 40% с лишним,⁴³ и это не считая расходов на вооружение и мобилизационные мощности, за

⁴⁰ *Международная жизнь*, № 3, 1989 г. С. 37.

⁴¹ *Правда*, 26 июля 1985 г.

⁴² Caspar Weinberger, Annual Report to the Congress. FY 1988. P. 51.

⁴³ *Красная звезда*, 10 декабря 1989 г.

которые советское министерство обороны никогда не платило ни копейки. (Впрочем, российское министерство обороны также ничего не платит за поддержание мобмощностей.)

Пишу об этом, чтобы было понятно, на что мы «замахивались» и какую игру генштабовских плановиков пытались испортить. И тем не менее нам казалось, что мы продвигаемся вперед. Во всяком случае, наш вывод о том, что в случае мобилизации основой мобилизационного производства вооружения будет вся экономика, а не только военная промышленность, был принят. Особенно понравилось командованию наше утверждение, что, будучи загруженной в мирное время военным производством всего на 2%, экономика США в случае мобилизации сможет увеличить производство вооружения в 20-30 раз (по стоимости), то есть несравненно больше, чем кадровая военная промышленность. Наши ранее отвергаемые оценки по мобмощностям промышленности были приняты на уровне командования института, утверждены на его Ученом Совете и отправлены в ГРУ. Правда, оставался без ответа вопрос, какое оружие будет выпускать американская экономика в случае мобилизации. Я считал, что на этот вопрос можно ответить, только зная мобилизационные потребности вооруженных сил США на случай войны, определением которых и должна заняться вся разведка, и что решение такой задачи, конечно же, не по силам одному моему управлению. Однако при этом я высказывал уверенность, что в случае мобилизации экономика США не будет выпускать уже состоящие на вооружении традиционные образцы вооружения (танки, самолеты, артиллерию), слишком технологически специализированные и потому мало-пригодные для освоения гражданской промышленностью, а приступит к производству нового вооружения, технологически совместимого с выпускаемой гражданской продукцией.

Вот как примерно я объяснял эту свою позицию в еще одной разосланной мною справке, которую привожу ниже дословно.

О системах мобилизации экономики в СССР и США

Ведущие американские эксперты в области мобилизации сходятся в том, что в условиях США основой мобилизации должна быть не кадровая военная промышленность, а прежде всего гражданский сектор экономики, мобилизационные возможности которого несопоставимы с возможностями кадровой военной промышленности. По американским расчетам, экономика США при мобилизации способна увеличить объем военного производства по сравнению с текущим уровнем в 20-30 раз. Такие масштабы увеличения выпуска вооружения считаются недостижимыми для СССР по ряду причин.

1. Валовой национальный продукт Советского Союза уступает американскому (примерно на одну треть).

2. СССР уже в настоящее время задействовал на нужды обороны одну шестую часть своей экономики и тем самым располагает значи-

тельно меньшими резервами увеличения военного производства за счет гражданского сектора.

3. Военное производство в СССР поглощает основную часть продукции наиболее передовых и наукоемких отраслей, в то время как в США доля гражданской продукции в этих отраслях намного выше (в радиоэлектронике, например, на военные цели идет всего 5-7% продукции отрасли).

4. Между контролем за качеством продукции гражданского и военного назначения в США нет такого разрыва, как в СССР, где контролю за качеством военной продукции уделяется гораздо больше внимания, чем контролю за качеством в гражданском секторе. В США, особенно в наукоемких отраслях с экспортной ориентацией, качество продукции в гражданском секторе зачастую выше, чем в военном.

5. Система мобилизационного планирования в СССР жестко привязана к уже существующей структуре производственной кооперации на базе заранее отработанной технологии выпуска конкретных мобилизационных образцов и мало приспособлена к быстрому освоению принципиально новых систем оружия и радикальному изменению номенклатуры выпускаемой продукции.

В одном из исследований Гудзоновского института, длительное время возглавлявшегося Германом Каном, дается следующая характеристика способности СССР к проведению эффективной экономической мобилизации:

Традиционный образ советской политической системы ассоциируется с диктаторскими полномочиями, которыми наделено руководство страны. Тем самым создается впечатление, будто Советский Союз может направлять развитие экономики в любое желаемое русло, и что политическая власть в стране ничем не ограничена. Такая точка зрения не учитывает, однако, одного весьма важного ограничения.

Руководство политикой в СССР в такой степени централизовано, что без одобрения на самом высоком уровне не могут приниматься решения даже по весьма тривиальным, с точки зрения Запада, вопросам. Работа обслуживающего аппарата, занятого подготовкой всей массы решений, выносимых на уровень Политбюро, носит в лучшем случае несогласованный характер, что неизбежно приводит к появлению так до конца и не разрешаемых конфликтов по вопросам приоритетности выполнения принимаемых решений. Вот образец конфликтов по вполне конкретным вопросам, которые затрудняют принятие решений в области промышленной мобилизации. Например, что более важно — производство НУРС или ракет класса «воздух-воздух»? Танко-десантных кораблей или десантных катеров? Тральщиков или противолодочных кораблей? Какие РЛС или ЭВМ военного назначения представляют наибольшую мобилизационную ценность? Этот перечень бесконечен, и решение по каждому из возникающих вопросов связано с большими трудностями, в чем убедились США при проведении мобилизации в 1940-1942 гг.

В то же время решение о мобилизации обученного людского резерва, лежащее в основе советской концепции мобилизации, чрезвычайно легко выполнимо. Оно не требует какого-то выбора между приорите-

тами в производстве вооружений, по крайней мере до тех пор, пока резервисты не попадут на фронт. Кроме того, в отличие от мероприятий по мобилизации и наращиванию производства О и ВТ, призыв обученных резервистов дает немедленный эффект. Можно еще добавить, что большие масштабы военного производства мирного времени дают возможность заблаговременного создания за рубежом запасов вооружения для советских войск, которые могут быть переброшены за рубеж в случае необходимости. Перебрасывать же личный состав значительно проще, чем материальную часть, что подтверждается практикой создания Соединенными Штатами собственных запасов вооружения в Европе.

Советское руководство может принять решение о проведении промышленной мобилизации, но такое решение, по крайней мере первоначально, приведет всего лишь к стремлению каждого директора предприятия максимально ускорить выпуск продукции своего предприятия. Оно не приведет к пропорциональному увеличению производства во всей сети поставщиков узлов и компонентов, многие из которых (особенно в радиоэлектронной промышленности) уже сейчас полностью загружены выполнением военных заказов. Более того, подобное решение никоим образом не снимет вопрос о том, производство какого именно вооружения является наиболее важным.

В 1941 г. вопрос о выборе тех или иных образцов вооружения для мобилизационного производства серьезно не вставал, так как для Советского Союза приоритеты были предельно ясны. Единственное крупное перераспределение ресурсов произошло, когда Сталин отменил кораблестроительную программу и перебрал предназначенные для строительства кораблей мощности по выпуску брони и специальных сталей на нужды танкостроения. В то время существовало лишь несколько моделей танков и немногим большее число моделей боевых самолетов. Более того, все эти модели основывались на технологии, присущей гражданскому сектору советской экономики. Например, тракторостроительный завод мог быть переведен на выпуск танков, а тракторомоторный — на выпуск двигателей для них. Советские самолеты имели много деревянных деталей, что облегчало подбор квалифицированной рабочей силы в гражданском секторе.

«Революция в военном деле», создавшая современные советские вооруженные силы, одновременно уничтожила то близкое сходство между военной и гражданской продукцией, которое было характерно для сталинских времен.

Более того, несоизмеримо расширился ассортимент военной продукции, с которым вынуждены иметь дело советские специалисты в области мобилизационного планирования. Подобно Соединенным Штатам в 1942 г., Советский Союз стоит перед проблемой выбора из огромного числа изделий, потенциально подлежащих мобилизационному производству.

В настоящее время советская экономика направляет на военные цели примерно в два раза большую долю своего национального дохода, чем США. Однако скорее всего эта доля еще выше, если учесть, что основные советские усилия в области НИОКР имеют военную направленность, а во многих отраслях промышленности (таких, как радиоэлектроника) доля военной продукции значительно выше, чем в среднем для всей экономики.

Все это вместе взятое позволяет сделать вывод, что Советский Союз не располагает какими-то огромными резервами увеличения своих военных возможностей в случае кризисной ситуации за счет конверсии гражданского сектора. Нынешняя ситуация радикально отличается от ситуации 1941 г. хотя бы в том отношении, к примеру, что сейчас появились важные военные технологии, которые не имеют столь же развитых аналогов в гражданском секторе. В отличие от нынешней ситуации в 1941 г. важнейшие образцы вооружения (такие как танки) были вполне сопоставимы по сложности с распространенной продукцией гражданской промышленности (например, железнодорожными локомотивами), что делало конверсию предприятий относительно простой задачей. Можно ожидать, что по мере возрастания роли новейших технологий в производстве вооружений ситуация для Советского Союза в данной области будет продолжать ухудшаться.

Возможно, более наглядным примером препятствий на пути эффективной конверсии советской экономики являются те трудности, которые Советский Союз испытывает на протяжении своей истории в налаживании контроля за высоким качеством продукции на уровне цеха или производственного участка. В настоящее время контроль за качеством военной продукции часто сводится к тому, что основная часть полученных по кооперации компонентов, например, радиоэлектронных деталей, отвергается как брак. Эти выбракованные детали затем сбываются в гражданский сектор, где их низкое качество (например, недостаточная надежность) считается приемлемым. Однако подобная практика на деле означает, что конверсия гражданского сектора будет равнозначна простому снижению качества военной продукции в связи с тем, например, что радиоэлектронная промышленность уже сейчас с трудом справляется с обеспечением потребностей военного производства, хотя и работает с полной нагрузкой.

В мирное время, к примеру, советская промышленность гораздо легче справляется с производством корпусов боевых кораблей (которые не требуют какого-то особенно жесткого контроля за качеством), чем с выпуском радиоэлектронных систем оружия, для которых, собственно говоря, эти корпуса и строятся. Типичными стали случаи ввода в строй советских боевых кораблей без значительной части их средств радиоэлектронной борьбы и даже, в некоторых случаях, их противокорабельного и противолодочного ракетного вооружения. Конечно, достоверно установить, что то же самое происходит с тем огромным количеством боевых самолетов, которые выпускает Советский Союз, много труднее, однако нельзя не удержаться от подозрения, что там происходит нечто подобное.

С другой стороны, Советский Союз, очевидно, не испытывает каких-либо затруднений в производстве большого количества современных танков или в переводе предприятий, выпускающих грузовые автомобили для гражданского сектора, на выпуск военных грузовиков. В ряде случаев такая конверсия сводится к изменению числа ведущих осей и цвета окраски готовой продукции. Танки и грузовики представляют собой виды военной техники, сыгравшие ключевую роль в годы второй мировой войны. Им придается важное значение во всех советских послевоенных концепциях применения сухопутных войск. Можно, однако, с полным основанием предполагать, что по мере рас-

пространения микроэлектроники и высокоточного оружия значение техники, подобной танкам и грузовикам, будет неуклонно снижаться.

В основе механизма советской мобилизации лежит принцип жесткого централизованного планирования, контролируемого мощным бюрократическим аппаратом. Такой централизованный контроль имеет два последствия для мобилизации. Первое состоит в том, что предприятия в случае мобилизации будут просто выполнять имеющиеся у них планы конверсии. Более важным является, однако, второе последствие. Планирование предполагает заблаговременное согласование связей каждого предприятия со своими смежниками, разработку детальных графиков поставок комплектующих и готовых изделий, увязку их с возможностями транспорта и т.д. Однако смежники несут ответственность не перед своими заказчиками, а перед Госпланом. Вследствие этого любые серьезные изменения в выполняемых планах приведут к экономическому хаосу, а, как известно, главный закон всякой бюрократии гласит: «Не поднимай волн!». Из этого следует, что, во-первых, Госплан отдает себе отчет в том, что первым следствием принятия решения о мобилизации будет не увеличение производства, а хаос. Во-вторых, бюрократический аппарат планирования будет оказывать определенное сопротивление принятию решения о частичной мобилизации.

Естественно, при переходе от одного пятилетнего плана к другому бюрократия почти наверняка будет стремиться сохранить в новом плане как можно больше черт и элементов старого плана, хотя бы для того, чтобы облегчить себе сложные задачи координации производства. Помимо этого, важным последствием бюрократизации жизни в Советском Союзе является то, что оценка директорам предприятий дается в зависимости от установленных планом количественных заданий. Поэтому директора противятся изменению номенклатуры производимых изделий или пересмотру плановых показателей, превращаясь тем самым в важную инерционную силу, тормозящую внесение серьезных конструктивных изменений в производимые системы оружия.

Речь не идет, конечно, о том, что эти директора обладают большим влиянием, чем Политбюро, ибо это, разумеется, не так. Суть заключается в том, что в такой в высшей степени централизованной системе, как Советский Союз, такое множество возникающих вопросов может быть разрешено лишь на самом высшем уровне власти, что во многих случаях оказывается гораздо проще продолжать выполнять ранее принятое решение, чем ставить вопрос о его пересмотре. Советские эсминцы класса «Кашин» и истребители «МиГ-25» могут быть приведены в качестве примера систем оружия, остающихся на вооружении даже после того, как потребности вооруженных сил радикально изменились. Они служат немymi свидетелями сопротивления советской бюрократии изменениям в конструктивных схемах вооружения. Что касается руководства вооруженных сил, то ему проще согласиться с увеличением количества поставляемого в войска вооружения, чем препираться о деталях его конструкции.

...

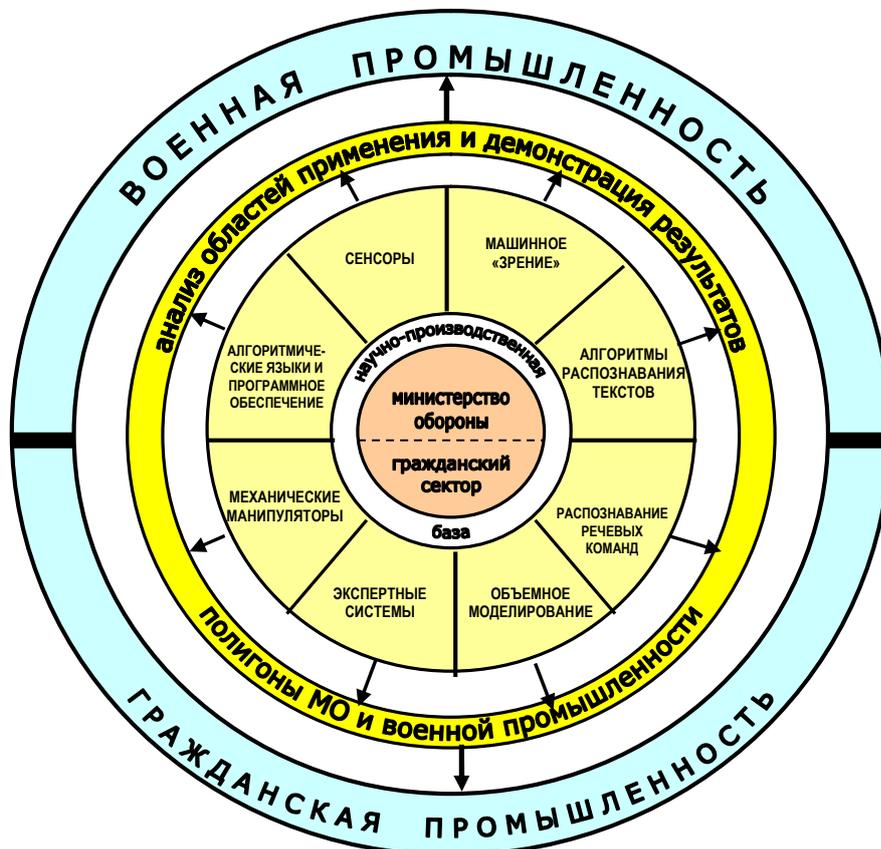
Все это приводит к выводу о том, что с точки зрения СССР лучше не предпринимать серьезных попыток проведения промышленной мобилизации в любых ситуациях, за исключением самого крайнего случая. Гораздо выгоднее продолжать производство О и ВТ устойчиво высокими темпами и складировать его на случай массового призыва ре-

зервистов, поскольку непосредственным результатом любого решения о мобилизации почти наверняка будет резкое снижение эффективности производства и даже его значительное сокращение.

Американские специалисты считают решающей предпосылкой использования преимуществ экономики США в области мобилизации создание таких мобилизационных образцов вооружения, которые пригодны для массового внедрения в гражданский сектор в максимально сжатые сроки. Традиционное вооружение считается непригодным для этой цели как ввиду его чрезвычайной специализации, делающей его технологически неприемлемым для освоения гражданским сектором, так и вследствие длительных сроков изготовления. Выход, по американским взглядам, состоит в использовании в качестве мобилизационных образцов такого вооружения, технология производства которого базируется на технологии производства продукции гражданского назначения (ЭВМ, микропроцессоры, лазерная техника). С целью избежания недостатков, присущих кадровой военной промышленности, предпочтение должно отдаваться созданию принципиально нового вооружения, основанного на передовой гражданской технологии. Задействование под массовое производство вооружения элементной базы, комплектующих узлов и самих конечных образцов продукции гражданских отраслей промышленности призвано резко расширить возможности и сократить сроки перевода экономики с мирного на военное положение.

Схема 1

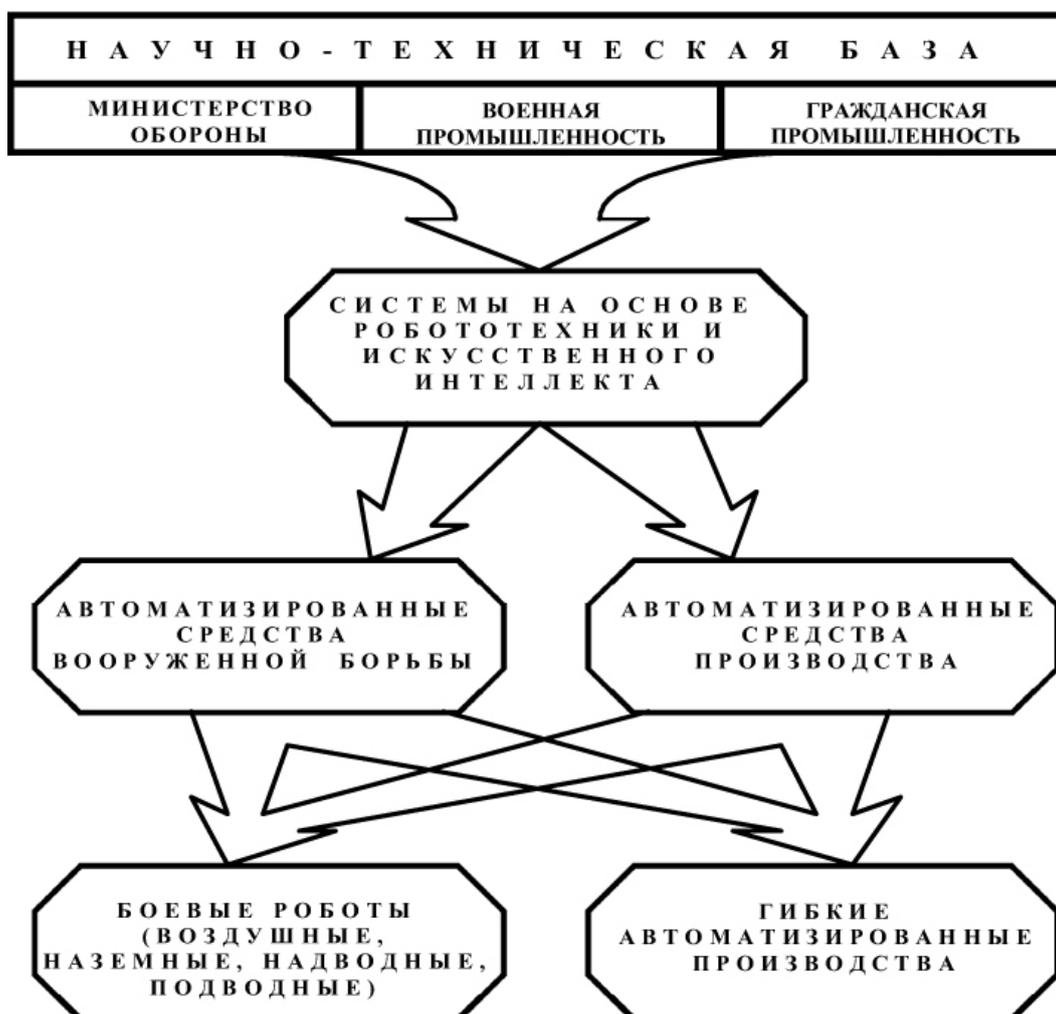
Совместные разработки робототехники и искусственного интеллекта

Опережающее развитие наукоемких отраслей сопровождается появлением принципиально новых малооперационных технологий, коренным образом сокращающих количество смежников, затраты времени на выпуск продукции, и снижающих уязвимость экономики от вооруженного воздействия и иностранных поставщиков. Намечился процесс создания заводов-комбинатов с полной автоматизацией процессов изготовления гражданской или военной продукции с использованием единых технологий и конструкционных материалов.

Схема 2

Возможности применения роботов в промышленности и вооруженных силах

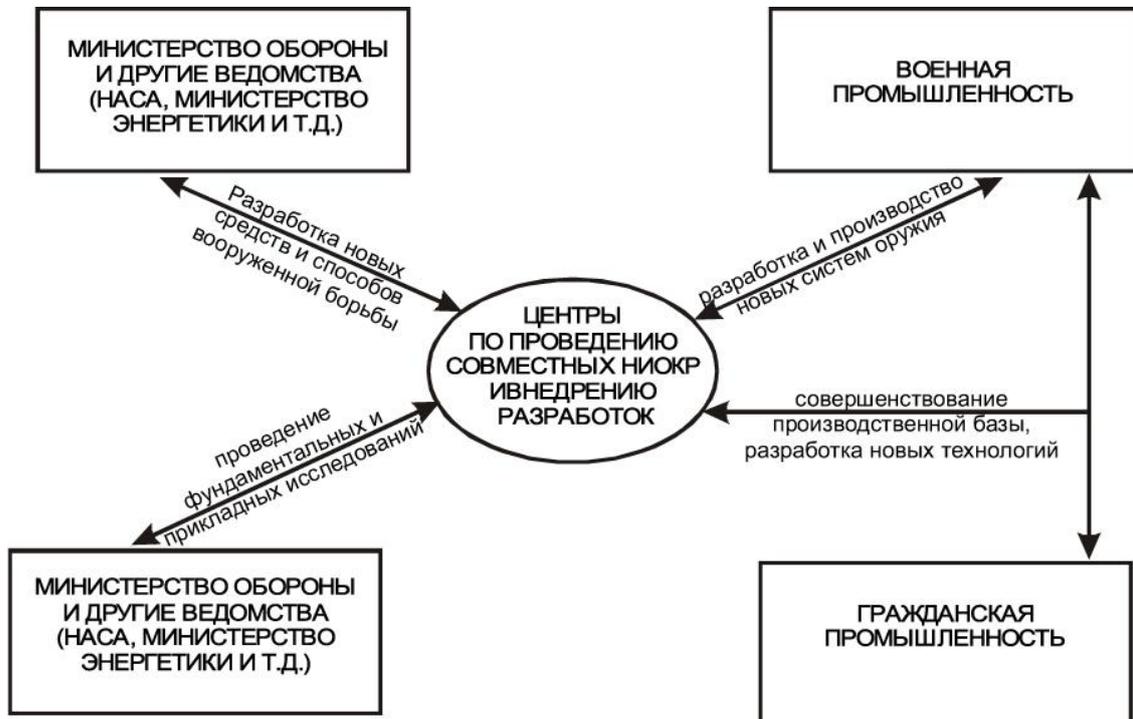

Всем этим обуславливается взаимная заинтересованность министерства обороны, гражданской и военной промышленности в организации совместных разработок и внедрении полученных результатов в производство. Необходимость организации взаимодействия всех участников создания и внедрения военной и гражданской робототехники привела к разработке единой научно-технической политики, призванной обеспечить координацию усилий государства, промышленности, исследовательских учреждений, высших учебных заведений и создать благоприятные условия для взаимного обмена технологией и техническими решениями. Примером практической

реализации этой политики является создание национальных центров по проведению совместных НИОКР и внедрению разработок в области робототехники. Финансирование центров осуществляется совместно государством и частным сектором (см. схему 3).

Схема 3

Организация разработок робототехники и искусственного интеллекта в США

Разработка и внедрение роботизированных систем с искусственным интеллектом позволят США существенно расширить мобилизационные возможности военной и гражданской промышленности и приведут к существенному стиранию граней между ними. Уже в настоящее время гибкие автоматизированные производства ряда предприятий гражданской промышленности могут быть в случае необходимости без особой перестройки переведены на выпуск компонентов систем оружия с элементами искусственного интеллекта. В более отдаленной перспективе необходимо считаться с массовым поступлением на вооружение боевых роботов различного назначения и даже созданием на их базе маневренных роботизированных боевых формирований.

Со стороны государства основная роль в разработке гибких производственных систем и робототехники отводится министерству обороны. Оно же играет совместно с НАСА и министерством энергетики ключевую роль в реализации и испытаниях полученных разработок, организует обмен технологией между гражданской и военной промышленностью. В частности, резко увеличиваются расходы министерства обороны на целевую программу «Промышленная готовность», основная доля средств в рамках которой направляется на внедрение в экономику новейших производственных технологий. За пятилетие (1986-1990 ф.г.) расходы на программу намечено увели-

чить втрое (с 2 млрд. долл. в 1986 ф.г. до 6 млрд. долл. в 1990 ф.г.), а общая сумма средств на программу составит за пятилетку около 20 млрд. долл. Только по одному из элементов этой программы, «Производственная технология», ежегодно разрабатывается от 400 до 500 различных технологических процессов, предназначенных для безвозмездного использования как военной, так и гражданской промышленностью. В начале 1987 г. объявлено об объединении программы «Промышленная готовность» и всех других программ в области внедрения в экономику результатов проводимых под эгидой министерства обороны исследований и разработок в рамках единой «Промышленной оборонной инициативы» (ПОИ).

Особенностью военных приготовлений США в 80-х гг. является большой рост ассигнований на секретные, так называемые «черные», программы. Только средства, выделенные на секретные программы НИОКР и закупок (существуют также секретные программы в области строительства, подготовки личного состава и т.д.) увеличились за 1981-1987 ф.гг. более чем в 4 раза и достигли в 1987 ф.г. 22,5 млрд. долл., а за 1981-1991 ф.гг. они составят не менее 175 млрд. долл. Такие объемы выделяемых на секретные программы ресурсов делают вполне реальной возможность создания в рамках этих программ чисто мобилизационных образцов вооружения, предназначенных не для поступления в регулярные вооруженные силы, а для массового производства в случае мобилизации.

Эти и другие факты свидетельствуют о том, что в военных приготовлениях США упор переносится на создание во всей экономике предпосылок для проведения такой мобилизации, которая бы не позволила СССР принять своевременные ответные меры.

Справок, докладных записок и других документов, доказывающих, что в случае большой и длительной войны основой развертывания массового военного производства вооружения будет гражданская экономика, а не кадровая военная промышленность, было написано нами немало. Некоторые из них даже попадали наверх. Так, в ноябре 1985 г. начальник ГРУ подписал у начальника Генштаба подготовленную мною записку на имя М.С.Горбачева о том, что, по данным ГРУ, США считают основой экономической мобилизации гражданскую экономику и что проводимая администрацией Р.Рейгана структурная перестройка экономики на базе новых наукоемких отраслей направлена на повышение ее мобилизационных возможностей и мобилизационной готовности.

Наше упорство начало, казалось, приносить плоды. В конце 1986 г. командование института согласилось признать, наконец, наши оценки мобмощностей, которые мы получили на основе приведенных выше новых методик (которые начальник института, впрочем, так и не утвердил), а также с помощью экспертов ВПК. Более того, 11 декабря 1986 года эти данные были направлены в ГРУ в качестве исходных для подготовки новых военных учений «Центр-87». Новые данные были в разы ниже ранее выдававшихся. Так, для США мы определили мощности

по боевым самолетам в 2000 единиц, танкам — 2400, САУ — 230. Несколько выше были цифры, согласованные с ВПК: 3500 боевых самолетов, 3700 танков, 480 САУ. Мощности по военной промышленности Западной Европы тоже стали заметно скромнее. Так, по согласованным с ВПК данным танковая промышленность Великобритании в случае мобилизации была бы способна выпустить 2800 танков, ФРГ — 2900, Италии — 1200, Франции — 1000.

Все эти цифры были доложены мною с методическими и документальными обоснованиями на Ученом Совете института и одобрены им. Успокоенный, я ушел в полугодовой отпуск для работы над докторской диссертацией на тему «Мобилизационная подготовка экономики США в современных условиях». Предложение взять отпуск мне сделал начальник института генерал-лейтенант К., сказав, что высказываемые мною взгляды хорошо бы систематизировать и изложить в простом и законченном виде. Спорить с этим было трудно, и я написал рапорт с просьбой об академическом отпуске. Дела я передал своему заместителю полковнику Ст., который был назначен ВРИО начальника управления. Человек он был порядочный и надежный, профессиональный разведчик, к тому же имевший наряду с военным еще и высшее экономическое образование.

Очень быстро я понял, что предложение генерала К. об отпуске оказалось элементарной ловушкой, рассчитанной на устранение меня от руководства управлением. Уже 17 декабря 1986 г., менее чем через неделю после отправки (11 декабря) утвержденных мною и Ученым Советом исходных данных для учений «Центр-87», в ГРУ (считай в Генштаб) были направлены совершенно другие данные по мобмощностям. Так, по США они составили около 8 тыс. боевых самолетов, 25 тыс. танков и 6 тыс. САУ. Эти цифры поразительно напоминали те, которые были внесены в сборник СОП ВЭП по США на 1986 г. (7200 самолетов, 28 500 танков и 6000 САУ).

Разница заключалась в сноске к таблице с мобмощностями, направленной в ГРУ 17 декабря. Эта сноска гласила: «с учетом конверсии». Напомню, что американцы вплоть до 90-х гг. конверсией называли как раз перевод гражданской экономики на военные рельсы, а обратный процесс — реконверсией. Естественно, что мы пользовались в своих документах по США американской терминологией. Расчет авторов сноски был прост. Генштабу было абсолютно безразлично, кто производит эти танки и самолеты, экономика в целом или только военная промышленность. Генштабовским генералам нужны были только голые цифры, которые обосновывали бы мобилизационное развертывание сотен дивизий противника в установленные на Арбате сроки.

При этом аппетиты Генштаба, начиная с 1987 г., стали быстро расти. Его явно больше не устраивали те цифры мобмощностей, которые ГРУ выдавало раньше. Уже в марте 1987 г. от моего управления (в мое отсутствие) Генштаб потребовал увеличить мощности по танкам для

НАТО, например, на 15 тыс. единиц. Командование ГРУ, естественно, не возражало. Вовсю был запущен так называемый «административный ресурс». Первым делом было приказано вернуться к старым мощностям военной промышленности. Но этого Генштабу показалось недостаточно. Поэтому, чтобы сломить наше сопротивление требованиям об увеличении мобмощностей, против нас было использовано наше же оружие, а именно наше утверждение, что основой мобилизационного развертывания будет гражданская экономика, а не военная промышленность. А раз основа мобилизации — вся экономика, значит, по мнению наших оппонентов, ее можно конвертировать для производства тех же танков. Из ГРУ поступили прямые указания добавить, например, 4 конвертируемых завода по выпуску танков для США, 5 заводов для ФРГ и один для Великобритании. Всего 10 заводов. При этом опять же из ГРУ поступило указание установить мощность этих заводов в 750 танков для каждого. Один такой нехитрый прием сразу дал прибавку в 7500 танков. Но этого оказалось мало и генерал ГРУ, ответственный за подготовку материалов к учениям (генерал-майор Л.) собственноручно «в порядке уточнения» добавил еще 7500 танков. Получились искомые 15 тысяч. Единственное, на что согласились в ГРУ, так это растянуть сроки выхода конвертируемых предприятий на полную мощность до М720, то есть на два года. В результате подобной «конверсии» и «уточнений» мобилизационные мощности стран НАТО, на основе которых Генштаб проводил свои учения «Центр-87», составили 80 тыс. танков (42 тысячи для США, 16 тысяч для ФРГ, 12 тысяч для Великобритании и по 5 тысяч для Франции и Италии). Если добавить к этому 10 тысяч японских танков (во столько были «оценены» возможности этого островного государства), танки Китая, Израиля и т.д., то в результате подобных расчетов Генштаба получалось, что в случае войны противники СССР будут в состоянии выпускать более 100 тыс. танков в год.

Полковник Ст. мужественно бился против этого беспредела. Он даже обращался в военный отдел Комитета народного контроля при ЦК КПСС с жалобой на то, что его вынуждают заниматься приписками. Помощи там он никакой не получил, однако о его обращении в КПК стало известно в ГРУ. Кончилось тем, что 10 июня 1987 г. он обратился к генерал-лейтенанту К. с рапортом, выдержки из которого привожу ниже:

Докладываю, что, временно исполняя обязанности начальника 3 подразделения с декабря 1986 г. по настоящее время, считал своим долгом и важнейшей задачей повышение достоверности и исключение необоснованности выдаваемых подразделением данных.

Однако мои попытки добиться ее решения не получили поддержки со стороны командования части, несмотря на неоднократные устные обращения и рапорты с конкретными предложениями на Ваше имя.

Учитывая, что выдача ошибочных и необоснованных данных по указанию командования части продолжается, а сотрудники подразделения, несущие личную ответственность за упущения, ошибки и

сопротивляющиеся их устранению пользуются демонстративной поддержкой с Вашей стороны, полагаю целесообразным просить об увольнении меня из рядов ВС СССР в запас. Тем более, что в последнее время Вами неоднократно высказывалось пожелание о моем уходе из части.

Этот рапорт вполне адекватно отражает обстановку, сложившуюся в управлении к этому времени, что избавляет меня от необходимости подробно писать об использовании «административного ресурса» против меня самого. Правда, полностью избежать этой неприятной темы, к сожалению, не удастся. Иначе не будет понятно дальнейшее развитие событий.

Из академического отпуска я вышел на службу 23 июля 1987 г. Диссертацию я написал, уделив в ней большое внимание обоснованию тезиса о непригодности в современных условиях специализированной кадровой военной промышленности для удовлетворения мобилизационных потребностей длительной обычной войны в традиционных вооружениях. Однако за время моего отпуска данная проблема потеряла в глазах вышестоящего начальства всякую актуальность. Это мне стало ясно после изучения приказа начальника ГРУ от 15 июня 1987 г. об открытии научно-исследовательской работы (НИР) «Потенциал-М» «Разработка методик и определение мобилизационных возможностей экономики основных стран НАТО, Японии и Китая». Во всем тексте тематической карточки на новую НИР военная промышленность была упомянута вообще всего одной строкой. Причина такого невнимания к ней была понятна. После того, как мы доказали с помощью экспертов ВПК неспособность военной промышленности удовлетворить запросы Генштаба по обеспечению запланированного им мобилизационного развертывания многих сотен дивизий НАТО, она утратила для Генштаба и его «подносчиков патронов» из ГРУ всякий интерес.

Внешне новая НИР выглядела большой уступкой мне. Ведь это я на протяжении ряда лет доказывал, что решающее значение в длительной безъядерной войне будет иметь общеэкономический потенциал страны, а вовсе не состояние кадровой военной промышленности. Однако мотивы разработчиков новой НИР (а ими был начальник института и его заместитель по науке генерал-майор П., автор знаменитой и бессмертной методики оценки мобмощностей 1973 г.) были гораздо прозаичнее.

Во-первых, они понимали, что беспардонное увеличение мобмощностей путем указаний сверху, которое они проделали в мое отсутствие, нуждается в каком-то обосновании. Документально подтвердить выдаваемые ГРУ цифры мобмощностей было, естественно, невозможно. Именно поэтому НИР «Потенциал-М» ставила своей целью разработку методик определения мобвозможностей, а не собственно расчет таких возможностей. А при помощи «правильной» методики, как свидетельствовал опыт той же методики 1973 г., можно было «обосновать» что угодно.

Во-вторых, помня опыт второй мировой войны, когда американская экономика выпускала танки и самолеты сотнями тысяч, они были уверены, что и сейчас экономика Запада может произвести их если не столько же, то уж во всяком случае достаточно, чтобы удовлетворить любые аппетиты Генштаба. Здесь, впрочем, авторов новой НИР ждал пренеприятнейший сюрприз. Однако об этом чуть позже.

За основу расчетов был взят опыт второй мировой войны, когда США тратили на военные цели на пике войны от 40% до 45% ВВП. На 1987 ф.г. американский ВВП был оценен в 4444 млрд. долл. Из этой суммы по заданному сценарию на конечный военный продукт полностью отобилизованной экономики должно было пойти 1818 млрд. долл., то есть 41,2% ВВП. Около половины этой суммы — 913 млрд. долл. (20,7% ВВП) — должно было быть израсходовано на закупки вооружения и военной техники. Другая половина предназначалась на содержание личного состава, боевую подготовку, закупку продовольствия и т.д.

Далее эти 913 млрд. долл. были разбиты на 12 агрегированных групп вооружения и военной техники. В результате получилось, что США смогут закупить вооружения в заданной разбивке на следующие суммы (в млн. долл.):

1. Управляемые ракеты и космические аппараты.....	287 370
2. Самолеты и вертолеты.....	245 280
3. Танки и их компоненты.....	87 170
4. Артиллерийские и другие боеприпасы.....	209 470
5. Стрелковое оружие.....	130
6. Малокалиберные боеприпасы.....	4 340
7. Артиллерийское вооружение и принадлежности.....	21 660
8. Взрывчатые вещества.....	3 060
9. Аппаратура радиосвязи, навигации и управления.....	21 180
10. Авиационные и ракетные двигатели, их узлы и детали.....	13 070
11. Комплектующие узлы и оборудование авиационной и ракетно-космической техники.....	7 100
12. Строительство и ремонт кораблей и судов.....	13 400
<hr/> Всего.....	<hr/> 913 000

Расчеты проводились на основе американского межотраслевого баланса (МОБ) с помощью специально закупленной для этих целей на Западе мощной ЭВМ. Расчеты были очень трудоемкие, однако весьма полезные как тренировка для сотрудников управления хотя бы потому, что приучали их к работе с МОБ и к тому же требовали для получения результатов введения реальной стоимости образцов закупаемого вооружения и реальных технологических сроков выпуска продукции. А это ста-

вило определенные пределы желанию руководства Института и отдельных карьеристов из числа моих подчиненных выдавать такие цифры мобмощностей, которые бы удовлетворили любые, самые безудержные аппетиты Генштаба. Для сравнения приведу некоторые цифры по США и Японии, полученные в результате выполнения НИР «Потенциал-М». Напомню, что по США цифры были получены с помощью МОБ и на основе реальной стоимости образцов вооружения. По Японии они были выполнены на основе «резиновой» методики 1973 г., позволявшей определять мощности по площадям сборочных заводов. Несмотря на то, что в Японии практически не было военной промышленности (в середине 80-х гг. ее доля составляла 0,4% продукции обрабатывающей промышленности), Япония, по расчетам ГРУ, уже через 1,5 года после начала мобилизации, значительно раньше, чем США, выходила на максимальный годовой выпуск О и ВТ. В результате к М720 Япония почти сравнивалась с США по производству танков и опережала их по выпуску боевых самолетов (3400 против 3200 в США). Что же касается боевых кораблей, то и по ним Япония умудрялась обогнать США, спустив со стапелей к М720 620 боевых кораблей против 36 в США (правда, составители задания по США почти не выделяли средств на ВМС).

НИР «Потенциал-М» была разбита на разделы по США, ведущим странам Западной Европы, Китаю и Японии. По каждой стране первое управление Института, отвечавшее за состояние и прогнозирование вооруженных сил вероятных противников, задавало свой сценарий поэтапного мобилизационного развертывания вооруженных сил (на М30, М60 и т.д.). Предполагалось, что к М720 противник полностью отмобилизует свои силы. Темпы и масштабы развертывания войск ставились в полную зависимость от способности военной промышленности и экономики в целом к производству необходимого вооружения и военной техники. Пропорции между затратами отдельных видов вооруженных сил на приобретение вооружения также задавались первым управлением. Естественно, в соответствии с взглядами советских генштабистов, среди которых монопольно господствовали «сухопутчики». Только они могли придумать такую структуру военных закупок, при которой, как видно из приведенной выше таблицы, на приобретение кораблей для ВМС США было предусмотрено всего 13,4 млрд. долларов, почти в семь раз меньше, чем на закупку танков (87,7 млрд. долларов). А ведь США — великая морская держава и доля ВМС в суммарных закупках Пентагона всегда была огромна как в мирное, так и в военное время. Вообще весь сценарий мобразвертывания был ориентирован на то, чтобы доказать, что страны НАТО и Япония собирались в случае мобилизации развернуть огромные сухопутные и поддерживающие их военно-воздушные силы. С этой целью разработчики сценариев шли на всевозможные ухищрения и допущения. Так, был введен так называемый предмобилизационный период продолжительностью в 180 суток, в течение которого страны НАТО, Япония и Китай скрытно осуществляли

мобилизацию своей промышленности и экономики до объявления официальной мобилизации. Тем самым фактическая мобилизация растягивалась с 720 до 900 суток. Сделано это было с той целью, чтобы уложиться в технологические циклы производства вооружения (танков — до 2 лет, боевых самолетов — до 2,5 лет и т.д.). Кроме того, по сценарию все вновь производимое вооружение должно было пойти только на формирование новых дивизий, авиационных крыльев и т.д. Необходимость возмещения боевых и иных потерь военной техники полностью игнорировалось. Все это делалось для того, чтобы доказать, что Запад в случае мобилизации будет действовать так же, как и страны Варшавского Договора, то есть формировать и вооружать традиционным оружием сотни новых дивизий.

Чтобы максимально увеличить число вновь создаваемых дивизий уже на ранних стадиях мобилизации, наши коллеги из первого управления «формировали» их за счет якобы имеющихся запасов вооружения мирного времени, создаваемых на случай мобилизации. Первоначально за определение запасов вооружения отвечало мое управление, однако после того, как мы установили, что США не имеют и не планируют создавать сколько-нибудь значительных запасов тяжелого вооружения (танков, САУ, самолетов), помимо той резервной техники, которая имеется в действующих частях для поддержания стабильного боевого состава (на случай катастрофы, ремонта и т.д.), эта задача была передана первому управлению. После этого запасы начали быстро «расти». В 1987 г., например, запасы по танкам составили 6 тыс. единиц, а по прогнозу на 2000 г. должны были составить 11 тыс. единиц. Все эти данные и допущения содержатся в изданном в 1987 г. под эгидой Генштаба СССР научном труде «Военный потенциал США». На самом деле, по нашим данным, в середине 80-х гг. американские войсковые запасы танков лишь немногим превышали 500 машин.

От контроля за выполнением НИР «Потенциал-М» я был фактически отстранен. Это было достигнуто тем, что руководство расчетами было возложено на заместителя начальника института полковника С., уже взвинтившего однажды мобмощности во время моего отсутствия в 1983-1985 гг. Никакие новые методики при этом не разрабатывались, а использовалась все та же пресловутая методика 1973 г. Только сейчас по производственным площадям рассчитывались мощности не одних только кадровых военных заводов, но и так называемых «конвертируемых» гражданских предприятий. В качестве последних произвольно бралось какое-нибудь гражданское предприятие, на котором, по мнению исполнителя, можно производить военную технику в случае мобилизации (например, танки на судостроительной верфи или автомобильном заводе). Так как у подобных гражданских предприятий производственные площади зачастую намного больше, чем у военных, а ограничения по кооперации, рабочей силе и т.д. в расчет не принимаются, то и мощности по производству вооружения можно задавать им

какие угодно. Что и требовалось Генштабу. Единственным исключением было определение максимальных возможностей экономики США. Здесь расчеты производились на основе межотраслевого баланса (МОБ) США 1982 г. с использованием реальных стоимостных характеристик планируемого к производству вооружения. Выделение на военные нужды конкретной доли ВВП (41,2%) также ставило определенный предел аппетитам Генштаба. Все расчеты производились на ЭВМ с использованием большого объема стоимостных и натуральных показателей, что также ограничивало волюнтаризм исполнителей.

Работы в рамках НИР шли форсированно (чтобы успеть к следующим учениям «Центр») и были завершены в конце 1987 г. Стремление угодить Генштабу и дать как можно более высокие цифры военного производства при мобилизации привело во многих случаях к абсурдным результатам. Так, островная Япония, судя по планировавшимся для нее темпам и масштабам мобилизации, помимо большого флота намеревалась развернуть в случае войны огромную сухопутную армию, для чего должна была произвести на своих конвертируемых предприятиях к М360 в шесть раз больше танков, чем ФРГ на своих. Выпуск минометов Япония планировала увеличить в 300 раз и произвести их больше, чем США, а к М180 произвести в 12 раз больше орудий полевой артиллерии, чем американцы.

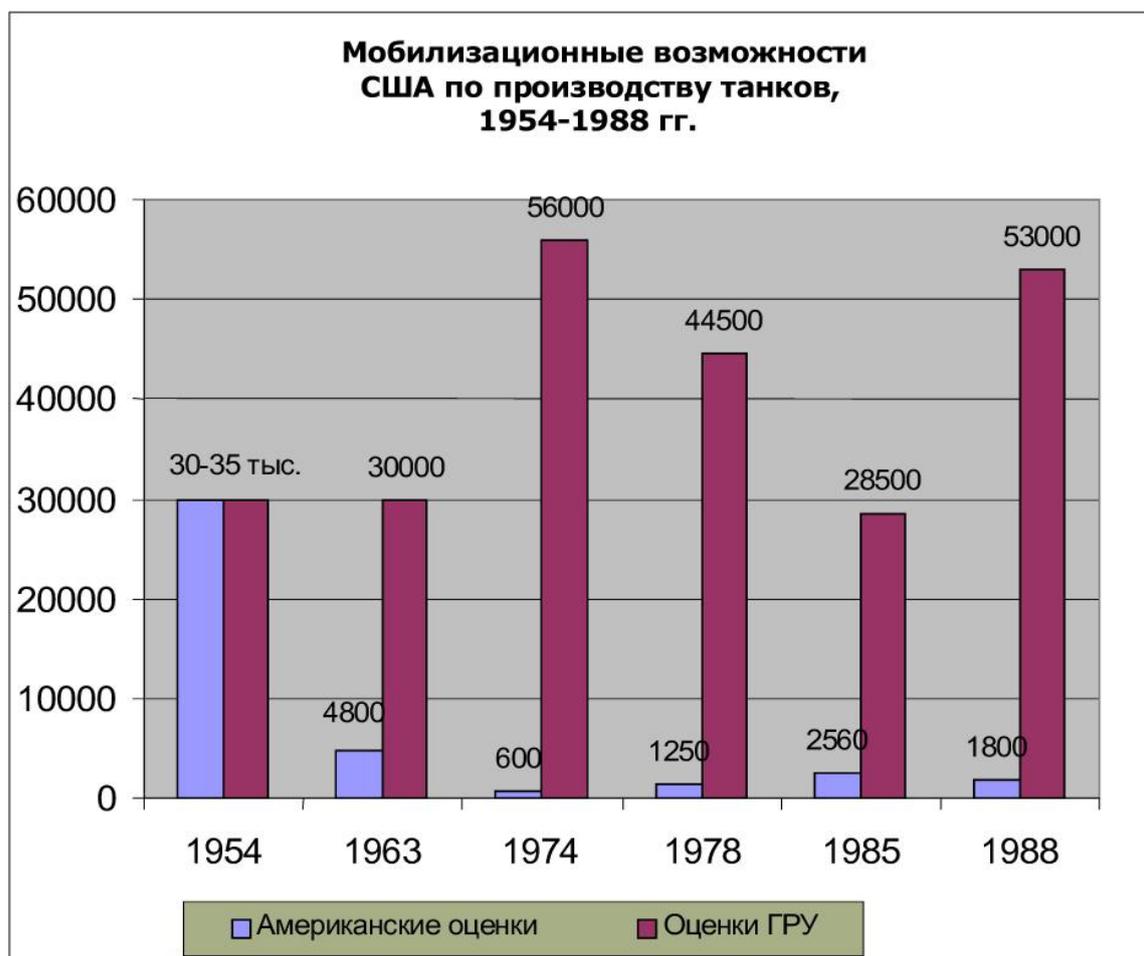
Еще большие нестыковки встречались при расчетах мобразвертывания действующих военных заводов. В частности, при одном и том же уровне текущего производства зенитных управляемых ракет (ЗУР) средней дальности производственные мощности японских заводов оказались в 35 раз больше, чем в Великобритании (17 200 ед./год против 500 ед./год соответственно). Не удивительно, что при такой разнице в мощностях Япония успевала произвести за первый год мобилизации в 10 раз больше таких ЗУР, чем Великобритания. При этом было известно, что все системы наведения для японских ЗУР поступали из США, которые вряд ли рассчитывали на подобный рост японского производства ЗУР.

Мне бы не хотелось, чтобы у читателя сложилось впечатление, что вся эта галиматья выдавалась без какого-либо сопротивления со стороны сотрудников или с моей стороны. Приведенные цифры по Японии я взял из рапорта начальника японо-китайского отдела полковника Г., в котором он докладывал, что эти цифры ему навязаны сверху полковником С. Когда я попросил объяснения у С., тот ответил, что эти данные были подготовлены под руководством генерал-майора П., заместителя начальника Института по науке (сам П. к этому времени уволился) и что он полностью им доверяет. И таких рапортов было немало.

Не удивительно, что полученные в ходе НИР «Потенциал-М» данные позволяли Генштабу при планировании мобилизационного развертывания армий вероятного противника «сформировать» десятки и сотни японских, западногерманских, итальянских дивизий, в основном танко-

вых и механизированных. Единственная осечка вышла в отношении главного противника — Соединенных Штатов Америки. Их возможности по оснащению вновь формируемых дивизий оказались значительно ниже, чем на это рассчитывали авторы НИР «Потенциал-М». Так, оказалось, что при полностью отобилизованной экономике (то есть через два с половиной года) США будут в состоянии приобрести всего 28 тыс. танков в год даже по подогнанной первым управлением под запросы Генштаба схеме военных закупок (почти полным исключением из них мобилизационных потребностей ВМС и ряда других компонентов вооруженных сил). Действительно, при стоимости танка М-1 «Абрамс» (с комплектом запасных частей) в три миллиона долларов, получаемых при помощи межотраслевого баланса 87 млрд. долл. хватало как раз на такую цифру. А это было меньше, чем, по недавним оценкам ГРУ, способна была произвести одна только американская кадровая военная промышленность (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

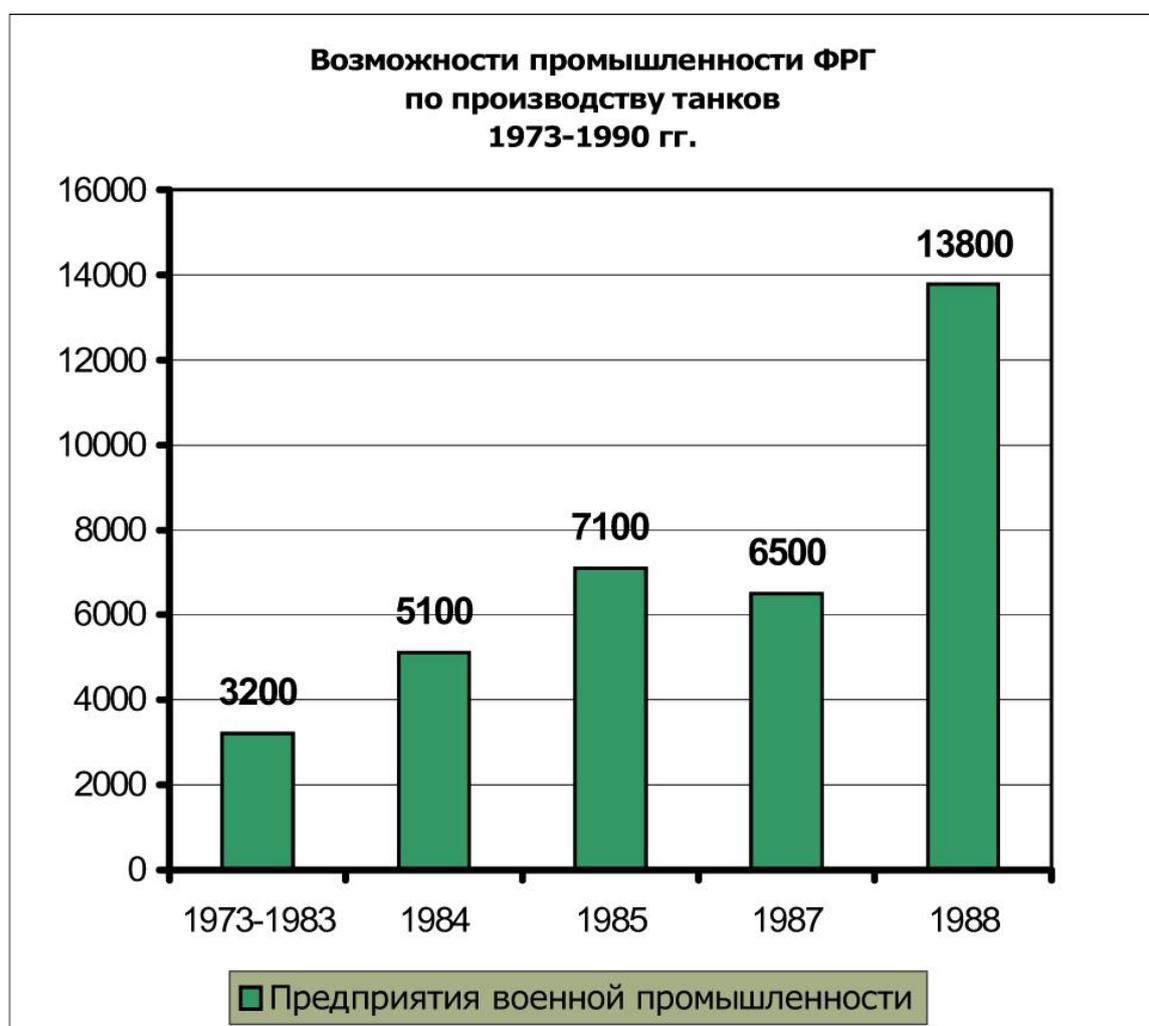

Правда, это в какой-то мере компенсировалось мобилизационными возможностями по выпуску танков экономики стран Западной Европы, которые оказывались намного выше, чем у США. Одна только ФРГ, по результатам НИР «Потенциал-М», оказывалась способной произвести 13,8 тыс. танков в год (см. диаграмму 2). Но при этом рушились сло-

жившиеся у советского генералитета представления о США как о главном арсенале блока НАТО.

Намного меньше ожидаемых оказались возможности экономики США по производству и других видов вооружения (боевых самолетов, вертолетов и т.п.). Короче говоря, получился конфуз, несмотря на все подтасовки при разработке сценария американской мобилизации. Как мне рассказывали, когда один из руководителей ГРУ доложил начальнику Генштаба маршалу С.Ахромееву, что по результатам НИР «Потенциал-М» США будут не в состоянии выпустить при мобилизации более 28 тыс. танков в год, маршал пригрозил «всех разогнать» и приказал добавить к имеющимся 28 тыс. танков еще 25 тыс. В результате получились те же полсотни тысяч танков, которыми ГРУ оперировало при оценке американских мобмощностей почти 15 лет назад, когда я попросил направить меня служить в военно-экономическое управление ГРУ. Получалось, что я 15 лет боролся с ветряными мельницами.

Диаграмма 2

Конечно, и я, и поддерживавший меня костяк управления пытались доказать необходимость опоры на документальные данные и на взгляды на экономическую мобилизацию самих стран НАТО, и прежде всего

США, а не подменять эту работу взятыми «с потолка» расчетами на базе примитивных доморощенных «методик». Однако наши возможности по отстаиванию своей точки зрения были в корне подорваны кадровыми переменами в руководстве Министерства обороны и ГРУ. Вскоре после утверждения им НИР «Потенциал-М» многоопытный кадровый разведчик П.Ивашутин (возглавлял ГРУ четверть века, с 1962 по 1987 гг.), никогда не рубивший с плеча, был отправлен в отставку. На его место был назначен генерал-полковник (впоследствии генерал армии) Владлен Михайлов. Прибыл он к нам прямо с Дальнего Востока, где служил под началом Дмитрия Язова, назначенного новым министром обороны после приземления 28 мая 1987 г. на Красной площади Матиаса Руста. Став министром, Язов решил «посадить на разведку» своего человека, нисколько не смущаясь тем, что В.Михайлов не имел о ней ни малейшего представления, ибо всю жизнь прослужил в войсках, в основном танковых.

Новый начальник ГРУ начал свою деятельность на новом месте с того, что приказал всем офицерам ГРУ, в том числе и «крышевикам», появляться на службе только в военной форме. Пришлось и мне, впервые за годы службы в ГРУ, начать носить военную форму. Это был типичный танковый генерал, чем не замедлили воспользоваться мои «оппоненты», доложив ему, что есть в ГРУ люди, недооценивающие роль танков в современной войне и даже подвергающие сомнению мобпланы Генштаба. Реакция старого танкиста была вполне предсказуема. Уже на одном из первых совещаний руководящего состава ГРУ он обрушился на присутствующих за то, что они «не могут справиться с какими-то там полковниками» и пообещал показать, как это делается. Так что апеллировать к нему по поводу завышения мобмощностей и других безобразий под прикрытием НИР «Потенциал-М» было бесполезно. Нужен был более объективный третейский судья.

В поисках такового я обратился в отдел административных органов ЦК КПСС к куратору ГРУ, а в прошлом сотруднику военной разведки. Я попросил его направить наши данные по мобмощностям на независимую экспертизу, лучше всего академикам Е.Примакову и Г.Арбатову, возглавлявшим в то время соответственно ИМЭМО и ИСКАН. Он меня внимательно выслушал, взял почитать мои записи и обещал дать ответ после того, как посоветуется «со старшими товарищами». Через некоторое время он сообщил мне вердикт «старших товарищей». По их мнению, привлекать внешних экспертов было нельзя, так как, как он выразился, «мы не можем доверить Примакову и Арбатову подобные секретные данные».

Со своей стороны, начальник политотдела Института полковник И. обратился с письмами сразу в две инстанции — к министру обороны Д.Язову и начальнику Главного политического управления. В письмах он призывал обоих поддержать мои взгляды на характер будущей войны и оградить меня от преследований. От Язова никакой реакции не

последовало, однако ГлавПУР прислал целую делегацию во главе с генерал-майором Смирновым, которая долго пыталась разобраться в сути вопроса. Так и не поняв, в чем суть споров, делегация завершила свою работу призывом «жить дружно».

Я со своей стороны категорически отбивался от попыток придать всей проблеме оценки мобпотенциалов какой-то личностный характер (как это делали мои оппоненты и, к сожалению, исходя из благих намерений, начальник политотдела полковник И.) и тем более не намеревался жаловаться на гонения на себя. Я прекрасно понимал, что дело было не в начальнике Института генерале К. или в его заместителях. Причина была в ошибочной политике ГРУ, взвалившей в угоду Генштабу (чтобы получать «удобные» данные) вполне конкретную задачу военно-экономической разведки на научно-исследовательский институт широкого профиля, в деятельности которого вопросы экономики играли второстепенную по сравнению с другими задачами роль. На эту тему я высказывался не раз, начиная с роспуска 10-го военно-экономического управления ГРУ в 1978 г. Приведу в качестве примера свое выступление на партийном активе Института 11 февраля 1988 г., на котором присутствовали представители руководства ГРУ, в частности, начальник политического отдела и начальник управления кадров. Подобные выступления были весьма эффективной формой доведения своей точки зрения до командования, ибо все они сдавались на хранение в партийный архив, что не позволяло просто отмахнуться от них в отличие от выступлений на служебных совещаниях или от рапортов и служебных записок. По сравнению с тем текстом, который я сдал в партархив, внесены лишь два изменения: убран номер войсковой части и упомянутые фамилии заменены на инициалы.

ВЫСТУПЛЕНИЕ

коммуниста Шлыкова В.В.

на собрании партийного актива Н-ской войсковой части
11 февраля 1988 г.

Перестройке уже более двух лет. Естественно возникает вопрос, велика ли отдача от усилий руководства, партийных организаций, партийного бюро 3-го управления (до апреля 1987 г. парткома) по претворению ее требований в практические дела? Говоря по большому счету, такая отдача невелика. Причины этого кроются как в специфике деятельности, так и в конкретных действиях руководства и партийных организаций управления по перестройке своей работы.

Усилия 3-го управления по перестройке своей научной работы наиболее известны за пределами управления по НИР «Потенциал-М», заданной в июне прошлого года бывшим начальником Главного Управления генералом армии Ивашутиным П.И. Напомню, что задачей НИР «Потенциал-М» были разработка методик с целью определения мобилизационных возможностей экономики основных зарубежных стран. Необходимость в новой НИР появилась в связи с тем, что руководство 3-го управления, бывший партком управления и ряд сотрудников ост-

ро поставили вопрос об устарелости и непригодности для получения достоверных данных применяемых в управлении методик оценки моб-возможностей военной промышленности противника.

Однако столь необходимый управлению теоретический и методический прорыв в области оценки ВЭП в ходе выполнения НИР «Потенциал-М» так и не был достигнут. Всякий, кто внимательно прочитает итоговый отчет по этой НИР, легко может убедиться, что практически все представленные в нем методические обоснования есть простое повторение методик, разработанных экспресс-методом сотрудниками расформированного в 1978 г. 10-го военно-экономического управления ГРУ при подготовке первых сборников СОП ВЭП и не претендовавших в силу своей крайней простоты на выпавшее на их долю научное «бессмертие».

В организационно-методических указаниях НГУ генерал-полковника Михайлова В.М. на 1988 г. говорится, что в исследовании ВЭП главной задачей следует считать кардинальное совершенствование существующих и разработку новых методик военно-экономических исследований, организацию глубоких, научно обоснованных комплексных исследований возможностей экономики зарубежных стран по обеспечению ведения длительной войны. Короче говоря, в указаниях НГУ ставится четкая задача вернуться к поставленной в НИР «Потенциал-М» проблеме.

Несмотря на это, работа в рамках НИР «Потенциал-М» была бесспорно полезна. Она не только впервые заставила 1-е управление дать оценку мобилизационных потребностей на длительную войну, но и внесла в научно-методическую работу столь необходимый ей дух состязательности и элементы демократизма.

Но у перестройки, помимо демократизации, есть и другая сторона, диалектически связанная с ней. Это повышение дисциплины, организованности, личной ответственности за порученное дело. Именно по этому вопросу в последние два года возникали наиболее острые, порой конфликтные ситуации в 3-м управлении. В основе конфликтных ситуаций лежали, однако, не столько закономерная в условиях перестройки острота постановки этих вопросов со стороны командования и бывшего парткома управления, сколько более глубокие давно назревавшие процессы.

Я не уверен, что все присутствующие здесь знают, что в отличие, например, от первого или второго управлений, по характеру решаемых задач третье управление представляет собой не столько научно-исследовательское подразделение Института, сколько информационное подразделение Главного Управления (то есть ГРУ — В.Ш.). Такое положение существует с 1978 г., когда третьему управлению были переданы в полном объеме все задачи распущенного 10 военно-экономического управления, включая все сборники СОП ВЭП, разделы в информационные справочники и сборники ГУ, а также оперативное освещение всех запросов по военно-экономической тематике (финансы, торговля оружием и т.д.).

Такое решение командования ГУ не могло не сказаться отрицательно как на уровне научно-исследовательской, так и информационной работы управления. Вопрос не в том, какая работа — научно-исследовательская или информационная — более важна. Просто и та, и другая, для того чтобы быть эффективными, требуют соблюдения своих собственных, зачастую весьма отличных друг от друга, принципов управления, специфических форм профессиональной подготовки и стимулирования сотрудников, их вполне конкретной специализации. Попытка длительного совмещения в одном и том же подразделении обоих видов деятельности неизбежно приводит к дилетантству и другим отрицательным последствиям.

Информационная работа в разведке — это по сути своей оперативно-штабная работа, резко отличающаяся как по содержанию, так и по форме от деятельности научно-исследовательского института. В научно-исследовательской работе важны прежде всего коллективность обсуждения, а также максимально широкий учет различных точек зрения, предполагающий длительный многоступенчатый процесс критического рассмотрения вопроса на НТС отдела, в секции Ученого Совета, в самом Ученом Совете, привлечения экспертов, научного руководителя, оппонентов и т.д.

В информационной работе, напротив, решающее значение имеют быстродействие и персональная ответственность, максимально возможное устранение промежуточных звеньев между начальником и подчиненным, глубина оперативной памяти того и другого. Если в научно-исследовательской работе более важны теоретическая глубина и методическая обоснованность выводов и оценок, то в информационной деятельности приоритет отдается документальной доказательности.

Короче говоря, это два разных, объективно трудно совместимых процесса. Тем не менее заложенный в 1978 г. в структуру 3-го управления конфликт длительное время был мало замечен за пределами 3-го управления, хотя и очевиден его руководству.

Это объяснялось в основном двумя причинами:

- сравнительно малым интересом руководства ГУ и МО к военно-экономическим вопросам;
- наличием в 3-м управлении, особенно в его руководящем звене, крепкого костяка офицеров-информаторов, перешедших в Институт из 10-го военно-экономического управления Информации.

Тем не менее, негативные стороны такого «симбиоза» двух самостоятельных видов деятельности в рамках одного подразделения не могли не сказаться со временем. Следует учитывать, что со времени роспуска 10-го управления прошло 10 лет.

Постепенно падал интерес сотрудников к информационной работе. Молодые сотрудники управления рвались в адъюнктуру, аспирантуру, в соискатели. Основным критерием деятельности того или иного сотрудника стала работа над диссертацией. Выбор темы определялся прежде всего ее диссертательностью в соответствии с требовани-

ями Ученого Совета, члены которого, как правило, весьма далеки от проблем конкретной информационной работы в области военной экономики. Информационная работа все больше стала опираться не на интересы сотрудников, а на требовательность руководства управления и отделов, то есть на методы, которые сейчас принято называть «командно-административными».

Сначала постепенно, а затем все быстрее стала снижаться достоверность выдаваемой информации по мере того, как опытные информаторы уходили из управления, а на их место приходили новые руководители, выросшие по службе уже в условиях Института.

После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и особенно после известного постановления Политбюро ЦК КПСС о необходимости повышения достоверности представляемой в руководящие органы страны информации, руководство 3 управления, опираясь на партком и партийные организации, приступило к трудной и кропотливой работе по проверке обоснованности основных показателей ВЭП зарубежных стран. Естественно, что эти усилия неизбежно пришли в столкновение с потребностями развития «диссертационной науки» с ее собственными приоритетами. В этом столкновении победителем оказалась «диссертационная наука».

Сейчас, на мой взгляд, положение дел в информационной работе по военной экономике достигло кризисной точки.

Управление потеряло практически всех опытных информаторов-экономистов. Демобилизовался заместитель начальника управления коммунист С., наиболее квалифицированный специалист в области военных финансов, к тому же с высшим экономическим образованием и опытом работы в международных экономических организациях.

Ушел на другую работу (в ШОВС ОВД) коммунист Ш., за плечами которого десятилетний опыт изучения программ вооружения. Замечать такого специалиста некем, для подготовки равнозначного специалиста потребуется не менее 5 лет.

Без какого-либо согласования со мной представлен к увольнению начальник 33-го отдела коммунист полковник Г., единственный оставшийся офицер, имеющий опыт работы в 10-м управлении Информации, где он служил с 1973 г., то есть фактически со времени его создания.

Наконец, подал рапорт об увольнении из Вооруженных Сил в возрасте 38 лет начальник 34-го отдела коммунист подполковник Я., блестящий информационный работник и талантливый исследователь в области экспортного контроля и секретных военных программ.

Уход этих сотрудников, у каждого из которых за плечами более 10 лет опыта работы в области военной экономики зарубежных стран, наносит невосполнимый ущерб управлению. Военных экономистов по зарубежным странам в СССР никто не готовит и как специалисты они формировались поштучно, в ходе практической работы, следуя, прежде всего, призванию. Обстановка сейчас такова, что возникла угроза утраты столь дорого доставшегося опыта изучения ВЭП. Ведь

если бы не было, например, коммуниста Г., никто бы и не обнаружил, что все методики, использованные в НИР «Потенциал-М», заимствованы из старого методического пособия, разработанного в 10-м управлении еще в 1973 г., и их продолжали бы превозносить на Ученых Советах как последнее достижение военно-экономической мысли, защищая на их основе все новые и новые диссертации.

Уход — а на деле выживание — из 3-го управления опытных и добросовестных экономистов-практиков, совпал по времени с резким возрастанием объема информационной работы, прежде всего в связи с переговорами по разоружению и контролю. Только запросы, связанные с переговорами по ракетам средней и меньшей дальности, привели к тому, что уже в течение нескольких месяцев сотрудники 35-го отдела забыли, что такое суббота, праздники, или уход с работы ранее 10 часов вечера.

Не вызывает сомнений, что по мере распространения переговоров на стратегическое и обычное вооружение объем аналогичных запросов будет лавинообразно возрастать. Спрашивается, кто будет на них отвечать? «Остепененные» специалисты по межотраслевому балансу или математическому моделированию, не знающие иностранного языка?

Простым увеличением штата управления проблему не решить. В отсутствие опытных информаторов-экономистов слабые будут учить слабых, что просто увеличит неразбериху, в которой зачахнет и еще не окрепшая по-настоящему научно-методическая работа управления.

В этих условиях я считаю, что единственно правильный и надежный выход состоит в решительном организационном размежевании научно-исследовательской и информационной работы с передачей последней в Информацию ГУ. Прежде всего, ГУ должно взять на себя освещение всех вопросов переговоров по вооружению и контролю, а не перекладывать свои ведомственные задачи на Институт. Только тогда 3-е управление сможет по-настоящему сосредоточить свои усилия на решении наиболее сложных и важных теоретических проблем исследования ВЭП, и прежде всего на исследовании проблем подготовки экономики к войне и оценке ее мобилизационных возможностей. Кстати сказать, только в США исследованием подобных проблем заняты десятки исследовательских центров и консультативных фирм.

Однако это в будущем. А пока что придется отвечать на надвигающийся шквал запросов теми силами, которые есть в наличии. И в этом деле 3-му управлению нужна прямая, значительная и безотлагательная помощь командования и политического отдела как Института, так и прежде всего ГУ. Помощь Главного Управления необходима потому, что для переговоров по разоружению, как показывает опыт по ракетам средней и меньшей дальности, потребуется поднять ретроспективу за последние 20-25 лет, за период, когда данные по производству О и ВТ выдавались еще ГУ, то есть до создания Института. Систематически достоверность этих данных никогда не проверялась, так как Институт был создан для прогнозирования будущего, а не анализа прошлого.

Поэтому было бы целесообразно создать под руководством представителей ГУ полномочную группу по проверке достоверности имеющейся военно-экономической информации подобного тому, как это было сделано в методической области в рамках НИР «Потенциал-М».

Опыт последних двух лет показывает, что силами 3 управления подобную работу сделать нельзя. Простое повышение требовательности со стороны одного лишь руководства 3-го управления в условиях утраты опытных кадров офицеров-руководителей может повести лишь к непродуктивному и ненужному накаливанию обстановки.

Я, конечно, понимал, что, делая подобные заявления, я уже ничего изменить не смогу. Новый начальник ГРУ генерал В.Михайлов, особенно после того, как НИР «Потенциал-М» принес столь чахлые, с точки зрения начальника Генштаба и его самого, результаты в отношении мобвозможностей экономики США, явно не хотел больше зависеть от методических споров и от «каких-то полковников». В его распоряжении был проверенный метод разрешения подобных ситуаций: нет человека — нет проблемы. И я не сомневался, что он выберет подобный путь. Мне было важно оставить какой-то документальный след для будущих военных экономистов, чтобы им не пришлось, как мне дважды, в 1974 г. после создания 10-го управления и в 1978 г. после его роспуска, начинать с чистого листа разбираться в происхождении тех или иных данных, оставленных мне предшественниками без каких-либо пояснений. Этой же цели я решил подчинить и свою докторскую диссертацию. Я, разумеется, понимал, что никто ее мне защитить не даст, однако надеялся, что сам процесс ее обсуждения позволит мне зафиксировать свою позицию. После этого, я считал, можно будет со спокойной совестью подавать в отставку.

Поэтому первую главу диссертации я посвятил разбору ошибок при оценке мобилизационных мощностей со времени создания 10-го военно-экономического управления в 1972 г., поскольку на тот момент я оставался единственным сотрудником ГРУ, кто когда-то работал в нем и продолжал заниматься военной экономикой.

А ведь от 10-го управления практически не осталось никаких следов, кроме «голых», ничем не обоснованных цифр в сборниках СОП ВЭП. Расформировано оно было практически в одночасье, а весь его личный состав, за исключением нескольких человек, откомандированных на работу в Институт, разбросан по другим подразделениям ГРУ. Все личные секретные картотеки и рабочие тетради были уничтожены (так полагалось по секретному делопроизводству). Единственное, что нам досталось в наследство от 10-го управления — это груда иностранных книг и справочников, сваленных однажды в одну из комнат нашего 3-го управления, из которой сотрудники выбрали те книги, которые их интересовали. Остальные были просто уничтожены. Дело в том, что в ГРУ не было библиотеки иностранной литературы, где можно было бы хранить и брать иностранные издания и периодику. Правда, еще в се-

редине 60-х гг., когда ГРУ располагалось на Арбате, такая библиотека имела. Возглавлял ее подполковник Х., большой книголюб и интеллигентнейший человек. Именно в этой библиотеке я подобрал материалы для своей кандидатской диссертации. Однако после переселения ГРУ с Арбата в пресловутый «Аквариум» места для библиотеки там не нашлось и она, подобно библиотеке Ивана Грозного, бесследно исчезла. Думаю, что скорее всего ее просто сожгли. Основание так считать дает мне практика, сложившаяся у нас в Институте. В его довольно просторном здании также не нашлось места для библиотеки иностранной литературы, как, впрочем, и для несекретной библиотеки на русском языке (в ГРУ ее тоже не было). Поэтому каждый сотрудник хранил необходимую ему литературу на рабочем месте в шкафу. Места всегда не хватало (нужно ведь было еще хранить литературу по марксистско-ленинской и командирской подготовке, воинские уставы и т.п.), проверки «порядка на рабочих местах» проводились регулярно, поэтому основная часть вновь поступавшей литературы вскоре после ознакомления с нею отправлялась в печку. Выносить подобную литературу с территории части, равно как и передавать ее в другие организации (вроде ИМЭМО и других исполнителей наших же заданий) не разрешалось. Дело в том, что при регистрации поступавшей литературы на каждый экземпляр ставился штамп с номером нашей войсковой части, а это было уже нечто вроде грифа «для служебного пользования».

Я уже упоминал в начале, что в 1972 г., при создании 10-го управления, в ГРУ почти не было своих экономистов. Долгое время я думал, что так было всегда. Однако со временем я начал обнаруживать следы какой-то погибшей и забытой «военно-экономической Атлантиды ГРУ», отличавшейся, по-видимому, высоким уровнем цивилизации. Впервые я натолкнулся на ее след, перечитывая переписку И.Сталина с У.Черчиллем и Ф.Рузвельтом в годы войны. В своем письме от 23 сентября 1942 г. Черчилль информирует Сталина о производстве Германией боевых самолетов с детальнейшей разбивкой производственных мощностей по каждому авиационному заводу. По данным Черчилля, суммарная мощность всей германской авиационной промышленности составляла 1250 самолетов в месяц. В ответном письме от 3 октября того же года, в котором Сталин просит союзников о поставке СССР «хотя бы» 800 истребителей в месяц, Сталин сообщает Черчиллю, что, по советским оценкам, Германия способна производить не менее 2500 боевых самолетов в месяц, правда, с включением в это число производства деталей самолетов на территории оккупированных стран.⁴⁴

Поразило меня в этой переписке следующее. Конечно, у Черчилля были абсолютно точные данные. Ведь английская разведка через

⁴⁴ Correspondence between the Chairman of the Council of Ministers of the USSR and the Presidents of the USA and the Prime Ministers of Great Britain during the Great Patriotic War of 1941-1945. Vol. 1. Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1957. Pp. 67-70.

«Энигму» читала всю переписку германских ВВС. У СССР подобных источников информации не было. И тем не менее советская оценка лишь в два раза превышала английскую, в то время как ГРУ в 70-е годы превышало американские мощности в десятки раз, а по танкам в 50-100 раз. Более того, судя по ссылке Сталина на поставки авиационных деталей из оккупированных стран, отслеживались даже кооперационные связи, чего в мое время ГРУ тоже не делало.

Кое-что стало мне понятней после того, как я натолкнулся в секретной библиотеке на сохранившуюся в единственном экземпляре брошюру «Военная экономика США» 1945 г. издания, с указанием автора, кандидата экономических наук подполковника В.А.Чепракова. Судя по обложке, брошюра была подготовлена в Управлении по изучению военно-экономического потенциала иностранных государств. То есть даже в военные годы, когда центральный аппарат ГРУ был в десятки раз меньше нынешнего, руководство разведки считало необходимым иметь целое управление по ВЭП! И при этом его сотрудники подписывались под своими исследованиями собственными именами!! Если взять для сравнения поздние издания ГРУ, во всяком случае, 70-х — 80-х годов, то все они, даже аналитические работы, абсолютно анонимны.

Уже позже, после увольнения из ГРУ, я обнаружил, насколько широко и открыто вопросы мобилизационной подготовки экономики обсуждались в разведке и правительстве во второй половине 20-х и начале 30-х гг. Этим вопросам был посвящен так называемый «Мобилизационный сборник», издававшийся ограниченным тиражом, начиная с 1926 г. Собственно военная разведка даже выпускала закрытый «Военно-экономический бюллетень», освещавший военно-экономические приготовления зарубежных стран. Руководство военной разведки уделяло постоянное внимание вопросам изучения зарубежных экономических приготовлений к войне. Так, возглавлявший в те годы разведку Ян Берзин требовал от правительства увеличения ассигнований на нужды экономической разведки и для создания особого экономического бюро при Разведывательном (4-м) управлении штаба РККА (правда, судьбу этого бюро мне выяснить пока не удалось). Правительство, со своей стороны, требовало от разведки еще больших усилий по изучению экономики противника. Так, в 1929 г. председатель Госплана Глеб Кржижановский высказывал претензии, что разведка использует слишком мало своих ресурсов для изучения зарубежного опыта подготовки экономики к крупномасштабной войне и выражал свое недовольство прекращением выхода «Военно-экономического бюллетеня», закрытого в 1927 г. после выпуска всего трех номеров.

Забывтая работа подполковника Чепракова поразила меня глубиной анализа, четкостью и конкретностью формулировок и выводов, лишенных какой-либо идеологической окраски. Я мог позволить себе подобное суждение о ней, ибо к этому времени прочитал большое количество американской литературы, посвященной истории экономической мобилиза-

ции США в годы второй мировой войны и войны в Корее 1950-1953 гг. Я не сомневался, что в случае новой мировой войны США будут использовать те же рычаги перевода экономики на военные рельсы, которые доказали свою эффективность в прошлом. Мне казалось, что если подробно описать этот американский опыт, то станет очевидной ошибочность взглядов Генштаба на американскую систему мобилизации.

Но оказалось, что мне ничего и не нужно было описывать, достаточно было заглянуть в секретную библиотеку. Я уже представлял себе, насколько эффективно будут смотреться в диссертации мои ссылки в подкрепление своих выводов на собственные оценки ГРУ. Но прежде всего я считал необходимым показать, что полученные в результате выполнения НИР «Потенциал-М» данные по мобилизационным возможностям противников не могли рассматриваться как достоверные и не отражали реальных планов подготовки Запада к «большой» войне. Более того, многократное завышение в документах ГРУ мобвозможностей США и их союзников по выпуску традиционного вооружения вело к опасному занижению реальной способности Запада к ведению обычной, в том числе и длительной войны, и отвлекало внимание и средства разведки от вскрытия новых форм и способов подготовки противника к такой войне. Кроме того, систематическое завышение мобвозможностей США и других государств по производству традиционного вооружения объективно способствовало втягиванию СССР в трату ресурсов по второстепенным направлениям и тем самым наносило ущерб обороноспособности страны.

Чтобы ускорить обсуждение диссертации и таким образом хотя бы попытаться предотвратить использование абсурдных, по моему убеждению, данных по НИР «Потенциал-М» в ходе приближавшихся учений «Центр-88», я решил представить диссертацию в двух частях. В первой части содержался анализ ошибок, допущенных ГРУ при оценке мобвозможностей, начиная с 1972 г. и вплоть до проведения НИР «Потенциал-М». Вторая часть диссертации состояла из моих рекомендаций по исправлению ошибочных данных и прогноза реального, на мой взгляд, сценария мобилизации американской экономики в случае мирового конфликта. Ее я обещал представить через две недели после первой части. Чтобы не выступать в роли праведника, я специально указал в представленном тексте диссертации, что всю вину за допущенные ошибки я, как начальник управления, беру на себя. Однако эта оговорка не помогла. Никто из моих высокопоставленных «оппонентов» и не собирался вникать в суть моих аргументов или давать мне шанс «оставить след для потомков».

Примерно через неделю после представления диссертации для обсуждения, не дожидаясь ее второй части, начальник Института с торжеством вручил мне направление в госпиталь в связи с предстоящим увольнением из Вооруженных Сил. Случилось это в марте или начале апреля 1988 г. Далее события развивались сумбурно и с элементами

детектива. Мой замполит полковник В. решил предотвратить мое увольнение. С этой целью он написал большое письмо (20-25 страниц) в ЦК КПСС с изложением истории нашей «борьбы за правду» и даже таблицами данных по мобмощностям за последний десяток лет (исх. № 329/00932 от 18 апреля 1988 г.). Так как данные по мобмощностям за 70-е гг. считались совершенно секретными (позднее, как я писал, удалось снизить гриф по ним до просто «секретно»), то и весь документ, естественно, получился «совершенно секретным». С этим письмом на имя Анатолия Лукьянова, в то время заведующего отделом административных органов ЦК КПСС, то есть партийного органа, осуществлявшего контроль за вооруженными силами и спецслужбами, он пробился к помощнику Лукьянова Косову. Однако Косов отказался принять письмо, сославшись на то, что секретные письма должны направляться только по официальным каналам. Пришлось В. сдавать письмо в секретную часть Института с просьбой направить его А.Лукьянову. После этого возникла нелепая ситуация, продолжавшаяся несколько дней. Командование ГРУ отказывалось направить письмо адресату, мой замполит бомбардировал Косова сообщениями, что письмо не отправляют, тот, в свою очередь, звонил в ГРУ с вопросами, почему письма нет, а ГРУ твердо стояло на своем и письмо не отсылало.

По-видимому, чтобы обезглавить «мятеж», у меня на всякий случай отобрали пропуск на территорию части. Похоже было, что над моей головой сгущались серьезные тучи. Во всяком случае, первый заместитель начальника ГРУ генерал-полковник П. сказал позднее мне довольно странную фразу о том, что «если бы я попытался тогда Вам помочь, то сделал бы только хуже». Но в целом все закончилось довольно спокойно. Начальник ГРУ генерал-полковник В.Михайлов в конце концов дал указание направить письмо замполита А.Лукьянову. Мне по его же указанию вернули пропуск с тем, чтобы я смог сдать дела. От начальника Генштаба маршала С.Ахромеева я даже получил благодарственную грамоту «за безупречную службу». Хуже обошлись с моим замполитом, которого Лукьянов, как сейчас выражаются, просто «сдал» на расправу. Его уже после моего увольнения вызвали на большое собрание начальства, где заставили торжественно пообещать, что он «никогда больше не будет жаловаться в ЦК». Получив от него подобное обещание, полковника В. тут же уволили, правда, оставив ему пенсию. Одновременно уволили и другого моего сторонника, начальника политотдела полковника И. Ряд сотрудников сами подали рапорта на увольнение.

В общем, перефразируя Владимира Высоцкого, «ратный подвиг совершили, дом спалили». Спалили и мою диссертацию. Дело в том, что все секретные тетради и рукописи, не зарегистрированные в качестве официальных в секретной части, подлежат уничтожению. Впрочем, один экземпляр я направил в архив ГРУ (по должности я имел на это право). Надежда была на то, что в эйфории своей победы начальство

не заметит этой «диверсии» с моей стороны и диссертация все же попадет хотя бы в архив.

Не хотелось бы заканчивать это повествование на горькой ноте. Генерал-полковник П. остался лоялен до конца и даже предложил мне в очередной раз вернуться на оперативную работу. Но мне это было уже не интересно. За тридцать лет службы в ГРУ я слишком часто, особенно в последние годы, видел, как ценнейшие агентурные документы, в том числе и по мобилизационной подготовке, добытые за большие деньги и с большим риском для агентов и разведчиков, без колебаний отбрасывались в сторону, если они противоречили взглядам какого-нибудь невежественного министра обороны или начальника Генштаба. Но это, как говорится, тема для разговора в узком кругу.

ЭПИЛОГ

18 апреля 1991 г. газета «Красная звезда» провела редакционный «круглый стол» под названием «Броня и люди», посвятив его танкам и танкостроению. В заседании приняли участие заместитель министра оборонной промышленности М.Захаров, начальник главного бронетанкового управления Минобороны генерал-полковник А.Галкин, его первый заместитель генерал-майор Н.Журавлев, начальник Военной академии бронетанковых войск генерал-полковник В.Гордиенко, директор ВНИИ «Трансмаш» профессор Э.Потемкин и начальник военного НИИ генерал-майор В.Брызгов. Немалое место в обсуждении заняли и вопросы мобподготовки. Генерал-полковник А.Галкин, отметив, что расходы на танкостроение в СССР сократились более чем в два раза, а на выпуск боевых машин пехоты — даже более чем в пять раз, подчеркнул, что «это, в конце концов, ведет к потере мобилизационных возможностей танковой промышленности». А генерал-полковник В.Гордиенко вообще оправдывал численное превосходство СССР в танках над странами НАТО огромными мобилизационными мощностями Запада. «Американцам столько техники (как у Советского Союза танков — В.Ш.) ни к чему, — говорил он. — Но это вовсе не значит, что при необходимости они не смогут наладить ее выпуск в нужных количествах. При мобилизационном развертывании (в течение полугода) промышленность США способна строить по 50 тыс. танков в год. Мощность Западной Европы — 25 тысяч. Согласитесь, цифры красноречивые».

Это были до боли знакомые мне цифры, и 50 тыс. танков в год, и выход американской промышленности на полную мобмощность в течение полугода. Именно такие оценки, если помнит читатель, давало ГРУ в вышедшем в 1975 г. труде «Военный потенциал США» под редакцией начальника Генштаба маршала В.Куликова.

Досталось на «круглом столе» и мне за недооценку роли танков. Имелись в виду мои нашумевшие в свое время статьи в журнале «Меж-

дународная жизнь» за 1988 г. «И танки наши быстры» (№ 9) и «Броня крепка. Танковая асимметрия и реальная безопасность» (№ 11), которые принесли мне мешки писем от читателей и звание лауреата года от редакции журнала.

Надо сказать, что к тому времени меня уже не удивляли ни дикие представления наших военных о мобилизационных возможностях вероятного противника, ни зачастую еще более дикие оценки этих возможностей со стороны некоторых их коллег из ВПК. Речь идет в первую очередь о верхушке ВПК, ибо те рядовые эксперты, с которыми мы сотрудничали при переоценке мощностей, отличались, как правило, трезвостью взглядов и знанием предмета.

Не удивляли они меня потому, что в то время, когда проводился «танковый» «круглый стол», я работал заместителем председателя Государственного Комитета РСФСР по обороне и безопасности, где отвечал за вопросы военной экономики и конверсии. На работу в Госкомитет (он был создан в июле 1990 г. и первоначально назывался Госкомитетом РСФСР по общественной безопасности и взаимодействию с Министерством обороны и КГБ СССР) я пришел в октябре 1990 г.

Не скрою, что до этого времени у меня еще сохранялись иллюзии, что абсурдные оценки Генштабом мобилизационных возможностей Запада не принимаются «наверху» всерьез. Ведь, служа в разведке, я, по понятным, надеюсь, причинам не имел доступа к какой-либо информации по нашей системе мобилизационной подготовки.

Однако работа в российском правительстве быстро эти иллюзии развеяла. Дело в том, что мне в соответствии со служебными обязанностями приходилось присутствовать при обсуждении проблем мобподготовки экономики на различных заседаниях, в том числе в Комитете обороны Верховного Совета СССР. Кроме того, ко мне переправлялись различные документы и обращения по вопросам мобподготовки, направлявшиеся Б.Ельцину. Чаще всего это были жалобы на недооценку правительством СССР вопросов мобподготовки. Особенно поразило меня обращение к Б.Ельцину одного высокопоставленного сотрудника министерства оборонной промышленности, посвященное мобподготовке боеприпасной промышленности, которое я получил в октябре 1990 г. Пожаловавшись на то, что ликвидируются мобмощности по производству боеприпасов на предприятиях гражданских отраслей, он подчеркивал, что, насколько ему известно из «компетентных источников», в США, в отличие от СССР, мобподготовка проводится «на высочайшем уровне». По его словам, только для производства боеприпасов в 10 автономных районах задействовано 98 государственных предприятий (из них 38 законсервированы) и 540 предприятий частных фирм. Созданные в США мобмощности превосходят, по мнению автора, имеющиеся в СССР по авиабомбам в 13 раз, неуправляемым реактивным снарядам (НУРС) — в 17 раз, по выстрелам к танковой и полевой ар-

тиллерии — более чем в 5 раз и т.д. Кроме того, США «имеют запасы боеприпасов на театре военных действий на 120 суток и на континенте — на 135 суток». При этом, подчеркивал автор письма, за невыполнение заказов ВПК и снижение мобготовности в США существуют строгие санкции, в том числе тюремное заключение. В заключение он просил Б.Ельцина рассмотреть возможность создания «необходимых организационных структур по мобподготовке при Верховном Совете России», так как совместное обращение министров оборонного комплекса к председателю правительства СССР Н.Рыжкову по вопросам мобподготовки в августе 1990 г. не возымело действия.

На самом деле в середине 80-х гг. во всей военной промышленности, а не только боеприпасной, оставалось лишь 86 государственных заводов (сейчас их число много меньше), в том числе 12 резервных (из них шесть боеприпасных, четыре по производству взрывчатых веществ и два военно-химических).

Запомнилось мне и заседание Комитета по обороне Верховного Совета СССР 19 апреля 1991 г., посвященное вопросам мобподготовки экономики. На нем выступил, в частности, Сослан Гучмазов, уже упоминавшийся мною выше. Он решил блеснуть своими знаниями об американской системе мобподготовки. По его словам,

мы систему США изучили не хуже, чем свою. Она в основном совпадает с нашей. США финансируют мобмощности так же, как и мы. У них при президенте есть помощник по мобподготовке, совет по мобподготовке и FEMA (три тысячи человек), отдел обороны и госбезопасности при президенте.

Ничего этого, кроме FEMA (Федерального агентства по действиям в чрезвычайных условиях), в США, конечно же, не было. Да и в FEMA вопросами мобподготовки занято было в то время не более двух десятков человек. Остальные занимались и занимаются сегодня примерно тем, за что у нас отвечает МЧС.

В заключение Гучмазов предложил создать при Совете безопасности специальную комиссию по вопросам мобподготовки экономики во главе с вице-президентом СССР, назначив ему в заместители премьер-министра.

Основным докладчиком на том заседании был зампред Госплана СССР Смыслов, всячески хваливший созданную в стране систему мобподготовки экономики. На вопрос депутата Александра Цалко, кто, собственно, написал в докладе, что существующая система мобподготовки себя оправдала, Смыслов ответил коротко и просто: «Это коллективное заключение». Поразил он меня и простотой своего подхода к вопросам финансирования мобподготовки. На заявление генерального директора «Уралмаша» И.Строганова, что он не будет поддерживать мобмощности по производству танков, так как правительство прекрати-

ло их финансирование, Смыслов тоже ответил без затей: «Если директор человек ответственный, то он должен найти средства за счет собственных фондов».

Короче говоря, наслушавшись подобных речей и начитавшись различных обращений к Б.Ельцину, я пришел к выводу, что единственный способ хоть как-то просветить советское и российское руководство о реальном положении с мобподготовкой на Западе — это наладить диалог по этому вопросу с самим Западом.

19 июля 1991 г. за подписью председателя нашего Госкомитета генерал-полковника Константина Кобеца была направлена подготовленная мною докладная записка президенту Б.Ельцину. Вот ее полный текст.

О НЕОБХОДИМОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ
ПО ОГРАНИЧЕНИЮ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКИ ЭКОНОМИКИ
И СОПОСТАВЛЕНИЮ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ
ГОСУДАРСТВ И БЛОКОВ

Как показало, в частности, обсуждение вопросов мобилизационной подготовки экономики в комитете Верховного Совета СССР по делам обороны и госбезопасности в апреле 1991 года, Центр планирует резкое расширение своих функций по мобподготовке экономики с приданием себе в этой области диктаторских полномочий.

С этой целью предлагается объединение существующих мобилизационных структур в единую сверхорганизацию во главе с вице-президентом СССР (председатель; заместитель — премьер-министр СССР), охватывающую органы экономической мобилизации на всех уровнях исполнительной власти. Соответствующее мобилизационное законодательство планируется внести на утверждение ВС СССР уже в ближайшие месяцы.

Необходимость ужесточения системы мобилизационной подготовки мотивируется следующим образом:

- отказом многих предприятий, особенно республиканского подчинения, от финансирования мобилизационных мероприятий за счет собственных средств;
- самовольным использованием предприятиями для собственных нужд мобилизационных запасов сырья, материалов и комплектующих;
- требованием военного руководства о расширении мобилизационных мощностей по выпуску военной техники в связи с сокращением наличных вооружений после Венских переговоров.

Главным обоснованием всей существующей системы мобилизационной подготовки в СССР является необходимость уравнивания якобы имеющихся в США и других странах Запада огромных резервных мощностей. Так, советский Генштаб утверждает, что США уже после шестимесячного мобилизационного развертывания могут произвести 50 тыс. танков, а страны Западной Европы — еще 25 тыс. танков в год. В действительности США, например, могут произвести не более 1 800 танков в год, и то не ранее, чем через два года после

начала мобилизации. Аналогичным образом (зачастую в десятки раз) Генштаб завышает мобилизационные мощности Запада и по большинству других традиционных видов вооружения (самолеты, артиллерийские системы, боеприпасы).

Подобное положение сложилось вследствие полной монополии Генштаба (через Главное разведывательное управление — ГРУ) на выдачу всей информации по военным потенциалам зарубежных стран. Эта информация на протяжении ряда десятилетий подгоняется под консервативные и все более удаляющиеся от действительности взгляды военно-политического руководства СССР на организацию обороны страны.

Какие-либо альтернативные источники информации по вопросам мобподготовки в СССР отсутствуют. Последнее научное подразделение вне ГРУ (в ИМЭМО АН СССР), занимавшееся подобной проблематикой, было упразднено в 1983 г.

Отсутствие в обществе и парламенте понимания проблем мобподготовки в сочетании с их особой засекреченностью делают вполне вероятным принятие Верховным Советом СССР предложений Центра о создании новых, по сути своей чрезвычайных, мобилизационных структур, способных стать серьезным препятствием на пути конверсии и проведения радикальной экономической реформы.

В этих условиях наиболее простым и быстрым способом определения реальных масштабов мобилизационной подготовки в СССР и странах Запада было бы вынесение проблем мобподготовки на международный уровень (например, по типу Венских переговоров о сокращении обычных вооружений). Сделать это тем более просто, что все законодательство по мобподготовке, ее организация и финансирование являются на Западе предметом открытого и широкого обсуждения. Контакты с ответственными представителями Пентагона и военных ведомств других стран Запада показали, что Запад готов предоставить СССР или России самые подробные данные по своим системам мобподготовки и имеющимся резервным мощностям по выпуску военной техники. Получение от Запада подобных данных привело бы к быстрому разоблачению фальсифицированных данных Генштаба, и, как следствие, к радикальному пересмотру существующей военной доктрины, опирающейся прежде всего на поддержание огромного потенциала по выпуску традиционных вооружений. А это, в свою очередь, открыло бы путь к реальной конверсии и демилитаризации экономики, которые тормозятся сегодня прежде всего нежеланием Генштаба отказаться от сохранения существующих непосильных для экономики резервных мощностей.

В связи с вышеизложенным было бы целесообразно, на наш взгляд, поставить вопросы сопоставления мобилизационных возможностей СССР и других стран в повестку дня политических переговоров руководства России со странами Запада, прежде всего США.

Спустя всего несколько дней после отправки письма президенту за подписью генерала К.Кобеца, он сам, а также я и другой его замести-

тель, генерал-майор Юрий Родионов получили письменные приглашения от американского военного атташе бригадного генерала Грегори Говэна на устраиваемый им 24 июля 1991 г. ужин в честь находившегося в то время в Москве с официальным визитом председателя Объединенного комитета начальников штабов США генерала Колина Пауэлла. Надо сказать, что до этого американский военный атташат избегал контактов с нашим Госкомитетом, ссылаясь на то, что его персонал был аккредитован при Минобороны СССР и не мог поэтому поддерживать официальные контакты с правительственными структурами РСФСР.

Это неожиданное приглашение убедило нас, что американцы постепенно отходят от своей односторонней ориентации на Михаила Горбачева и начинают всерьез интересоваться российскими политиками, в том числе и военными.

Исключительно дружественный и неформальный характер приема подкрепил эту нашу догадку. Ужин проходил на квартире военного атташе на территории посольства США. На нем присутствовали только генерал Пауэлл с супругой Альмой, генерал Говен с супругой, генералы Кобец, Родионов и я. Переводчиком был знаменитый ас перевода Питер Опанасенко, обычно сопровождающий президентов и госсекретарей США.

Генерал Пауэлл много шутил, даже пожаловался, что мы своей перестройкой и отказом от «холодной войны» испортили ему всю жизнь. Раньше он четко знал, кто его противник и что ему делать, а сейчас приходится переделывать все военное планирование. Деликатно заметил, что ему, как военному человеку, совершенно все равно, насчитывает ли Советская Армия 4 млн. или 2 млн. солдат, но что, по его мнению, самому Советскому Союзу было бы легче, если бы он имел два миллиона солдат.

Я решил воспользоваться случаем для проверки своих выводов и спросил генерала Пауэлла, знает ли он, что советский Генштаб считает, что США могут в случае войны выйти на уровень производства 50 тыс. танков в год после шести месяцев мобилизации.

Пауэлл был явно потрясен моим вопросом. Ударив себя по лбу, он воскликнул: «Невероятно! Это же безумие! Да мы и одной тысячи танков произвести не сможем!».

По поводу встречи с Пауэллом и его реакции на генштабовские оценки американских мобмощностей по танкам генерал Кобец также направил докладную Б.Ельцину.

Ответа на эти докладные записки мы не получили, что вполне понятно, если вспомнить обстановку того времени. Вскоре все более или менее успокоилось, однако в начале декабря 1991 г. мы получили от фактического главы нового кабинета министров Е.Гайдара проект постановления правительства о финансировании мобподготовки экономи-

ки, который буквально слово в слово повторял старые проекты Госплана СССР, лишь заменив в их тексте слово «СССР» на «РСФСР».

Считая, что это какие-то бюрократы подсунули новому неопытному главе правительства старый текст, мы написали от имени своего Госкомитета довольно резкий отзыв на него. И получили от Е.Гайдара не менее резкую отповедь. Привожу оба документа целиком.

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РСФСР
ПО ОБОРОННЫМ ВОПРОСАМ**

123247, Москва, Краснопресненская наб., дом 2.

16.12.91 N 934/3

на N МК-55; МК-152

Заместителю Председателя
Правительства РСФСР
ГАЙДАРУ Е.Т.

О проекте постановления Правительства РСФСР
"О финансировании мобилизационной подготовки народного хозяйства,
мероприятий гражданской обороны и работ по ликвидации последствий
чрезвычайных ситуаций на территории РСФСР"

По Вашему поручению в Госкомобороне рассмотрен проект постановления Правительства РСФСР "О финансировании мобилизационной подготовки народного хозяйства, мероприятий гражданской обороны и работ по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на территории РСФСР".

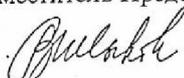
Данный проект содержит целый ряд серьезных недостатков. Наиболее очевидными из них являются:

1. Проект консервирует сложившуюся в СССР систему мобподготовки и гражданской обороны (ГО), совершенно не отвечающую современной обстановке.
2. Распыляя расходы по многочисленным хозяйственным структурам, проект... других хозяйственным структурам... деятельности предприятий и мобпо... образом в разрез с экономической политикой правительства.

Следует отметить, что во всех цивилизованных странах оплата подобной деятельности на предприятиях осуществляется за счет госбюджета.

В связи с вышеизложенным данный проект, на наш взгляд, не может быть предметом делового обсуждения.

Заместитель Председателя
генерал-майор авиации
 А.Цалко

Заместитель Председателя
 В.Шлыков

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РСФСР
ПО ОБОРОННЫМ ВОПРОСАМ

123247, Москва, Краснопресненская наб., дом 2.

16.12.91 № 934/3
на № мк-55; мк-М52

Заместителю Председателя
Правительства РСФСР
ГАЙДАРУ Е.Т.

О проекте постановления Правительства РСФСР
«О финансировании мобилизационной подготовки народного хозяйства,
мероприятий гражданской обороны и работ по ликвидации последствий
чрезвычайных ситуаций на территории РСФСР»

По Вашему поручению в Госкомобороне рассмотрен проект постановления Правительства РСФСР «О финансировании мобилизационной подготовки народного хозяйства, мероприятий гражданской обороны и работ по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на территории РСФСР». Данный проект содержит целый ряд серьезных недостатков. Наиболее очевидными из них являются:

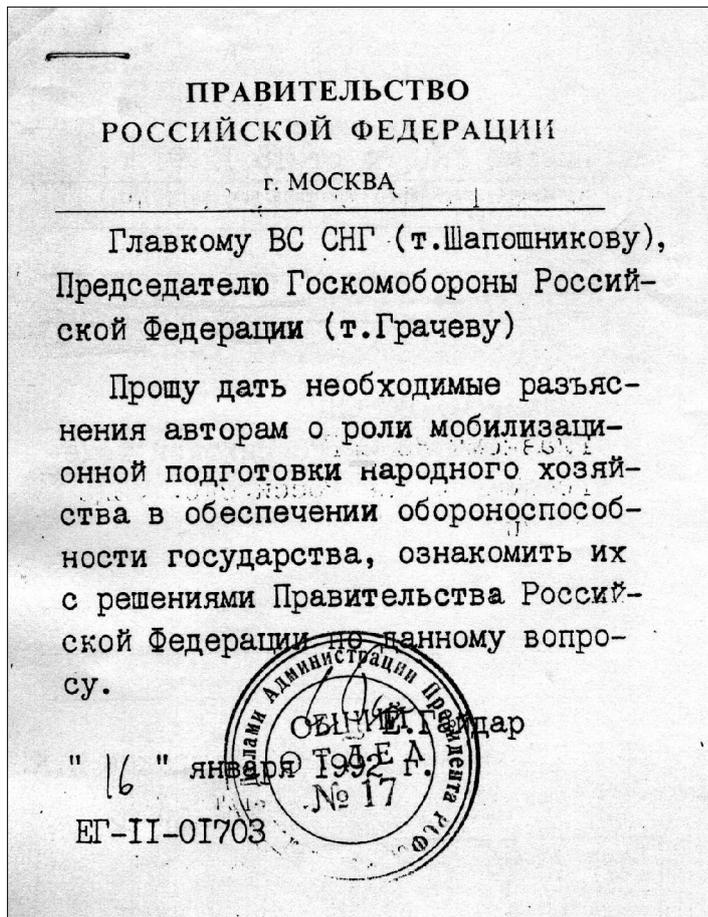
1. Проект консервирует сложившуюся в СССР систему мобподготовки и гражданской обороны (ГО), совершенно не отвечающую современной обстановке.
2. Распыляя расходы по многочисленным административным и хозяйственным структурам, проект скрывает подлинные размеры затрат на мобподготовку и ГО, носящие, по нашему убеждению, непосильный для России характер.
3. Проект относит расходы по содержанию региональных военно-мобилизационных органов, проведению республиканских, краевых, областных, городских учений по мобподготовке народного хозяйства и ГО на счет местных бюджетов. Тем самым проект подталкивает республики и регионы РСФСР на противостояние российскому руководству.
4. Проект ведет к подрыву экономической самостоятельности предприятий, так как возлагает на них содержание оплаты труда работников мобподразделений, проведение учений по мобподготовке и других мероприятий, не относящихся к хозяйственной деятельности предприятий, и идет, таким образом, вразрез с экономической политикой правительства.

Следует отметить, что во всех цивилизованных странах оплата подобной деятельности на предприятиях осуществляется за счет госбюджета.

В связи с вышеизложенным данный проект, на наш взгляд, не может быть предметом делового обсуждения.

Заместитель Председателя
генерал-майор авиации
А.Цалко

Заместитель Председателя
В.Шлыков

Напомню, что в то время маршал авиации Евгений Шапошников возглавлял вооруженные силы СНГ, а генерал-полковник Павел Грачев был (с сентября 1991 г. и вплоть до назначения министром обороны в мае 1992 г.) председателем нашего Госкомитета, переименованного к тому времени в Госкомитет РСФСР (впоследствии РФ) по оборонным вопросам. Естественно, что оба стали звонить нам и спрашивать, что, собственно, они должны нам разъяснить. Мы их успокоили, сказав, что все поняли сами.

21 марта 1992 г. по представлению Е.Гайдара президент Б.Ельцин подписал указ № 288 «О мобилизационной подготовке народного хозяй-

ства России», в котором потребовал от органов исполнительной власти, учреждений и предприятий (независимо от форм собственности и подчиненности) обеспечить сохранение ранее установленных заданий и накопленных материальных резервов.

А 17 октября 1995 г. распоряжением Президента РФ Гучмазов Сослан Григорьевич был назначен начальником управления стратегических оценок и прогнозов аппарата Совета Безопасности РФ.⁴⁵

В заключение не могу не привести выдержки из заметки «О мобилизационных мощностях» обозревателя журнала «Эксперт» Александра Привалова. Ссылаясь на «утечку» в газете «Ведомости» от 13 марта 2002 г., он пишет:

Оказывается, в начале года правительство чуть ли не впервые с момента распада СССР утвердило новый план использования мобилизационных мощностей, в соответствии с которым с 2003 года количество мобмощностей в промышленности должно уменьшиться «в несколько раз». По некоторым же позициям, как доверительно рассказал в начале марта в Ярославле экс-вице-премьер и министр промышленности И.И.Клебанов, новый мобплан меньше прежнего «в десятки раз». Привлеченный газетой для комментирования утечки «военный источник» охотно пояснил, что столь радикальное сокра-

⁴⁵ Российская газета, 17 октября 1995 г.

щение мобплана «означает, что Россия больше не готовится к длительной войне с использованием обычного оружия».

Комментарий, признаться, небогатый. Так что же, до самого начала текущего года мы, стало быть, готовились к длительной войне? Да ничего подобного! Вот рассказывал мне один предприниматель, как его знакомые из очень крупной международной фирмы купили где-то в Поволжье кондитерскую фабричку. Причем купили у частных лиц; стали то ли седьмыми, то ли восьмыми по счету ее хозяевами. И только взялись выпускать на ней какое-то там свое «райское наслаждение», как пришли люди в фуражках (наверняка из оргмобилизационного управления Генштаба — В.Ш.) и спросили: «А что это вы тут делаете? А как вы смеее занимать своей дрянью мобилизационные мощности? Неровен час война — где будем сухари сушить?» — еле бедные предприниматели отбились. Ведь это со стороны смешно, а по закону-то они подлежали уголовной ответственности... Значило ли появление мужиков в фуражках, что Поволжский военный округ — или кто бы то ни было вообще — всерьез намеревался печь на этой фабричке солдатские сухари? Мне почему-то не верится.

Мне верится, что немеренные мобмощности и мобрезервы сохранялись с советских времен не потому, что Россия «готовилась к большой войне» — какой войне? с кем? — а ровно потому, что ни один чиновник и ни одно ведомство не просто не знало, что и на сколько можно, а что и на сколько даже НУЖНО (выделено А.Приваловым — В.Ш.) сократить, но не знало и того, исходя из каких соображений эти вопросы когда-нибудь можно будет надеяться хотя бы отчасти решить (подчеркивание мое — В.Ш.). В результате уровень загрузки оборонных предприятий России в среднем не превышает 20% (а на заводах, выпускающих боеприпасы, так и вообще 7%). Государство, теоретически говоря, обязанное оплачивать предприятиям сохранность и содержание мобилизационных мощностей, практически этого не делает (посмотрите, например, какая сумма выделена на эти цели бюджетом-2002: 500 млн. рублей — это на всю страну!); все эти затраты ложатся на себестоимость и губят конкурентоспособность...

Еще хуже другое: если на каком-нибудь заводе менеджмент находит подходящую рыночную нишу, идти туда он не может. Один авиастроитель рассказывал мне: «У меня из шестисот двенадцати тысяч квадратных метров на заводе пятьсот занято мобмощностями. Только не говорите: мы глаза закроем, ты посокращай. Либо РАЗРЕШИТЕ (выделено А.Приваловым — В.Ш.) сократить — либо скажите, что все пятьсот тысяч государству нужны, и ты никогда их не сократишь, а если ты сократишь, чтобы достроить фюзеляжи для нужной тебе серии, то мы тебя посадим, потому что это закон». Конечно, не все столь щепетильны: многие, вероятно, и распродают мобрезервы, и занимают чем-то мобмощности — но уж зато в любую минуту могут ожидать визита людей в фуражках. Проку-то от мобмощностей, может, и никакого, но взяткоемкость-то у них очень даже неплохая.

Мне скажут, что я ломлюсь в открытые двери. Президент Путин еще осенью во всеуслышание говорил, что структура мобмощностей в ОПК непомерно раздута. Теперь вот прошла утечка, что мобмощности сокращаются «в разы», причем, как и в Америке, никто эту утечку не опровергает...

А потому, что ее и не стоит опровергать — она, если даже и правдива, то все равно лжива: реального облегчения она не несет никому. Нового мобплана никто еще не видел — и, пожалуй, не скоро увидят: как можно было понять, решения о том, ЧЬИ ИМЕННО (выделено А.Приваловым — В.Ш.) мобмощности в плане сохранены, а кому будет сказано «спасибо, свободны», пока не принято. Будет ли это решено хотя бы к тому самому 2003 году, к которому относится новый мобплан, тоже вилами по воде писано.⁴⁶

Этими словами А.Привалова, под каждым из которых я готов подписаться, можно было бы и закончить эти заметки, если бы речь в них шла только о мобмощностях. Но в заглавии этого выпуска «Военного вестника», как и предыдущего, стоит вопрос: «Что погубило Советский Союз?».

НЕОЖИДАННЫЕ ВЫВОДЫ

Мы выиграли четыре года войны, но проиграли 50 лет мира. Мы должны извлечь уроки из исторического опыта, чтобы не проиграть следующие 50 лет.

Андрей Илларионов⁴⁷

Первый и главный вывод состоит в том, что **экономический крах СССР был следствием в первую очередь его системы мобилизационной подготовки экономики.** Эта система, созданная И.Сталиным в конце 20-х — начале 30-х гг., при всех своих мутациях оказалась настолько живучей, что ее влияние и сейчас сказывается на развитии российской экономики сильнее, чем пресловутая «невидимая рука рынка» Адама Смита.

Чтобы понять эту систему, следует вспомнить, что рожденный в результате первой мировой и гражданской войн Советский Союз был готов с первых дней своего существования платить любую цену за свою военную безопасность. Так как неизбежность будущей, и при этом длительной, войны с «капиталистическим окружением» не подвергалась сомнению, то не удивительно, что экономика СССР очень быстро стала экономикой тотальной подготовки к войне. Начавшаяся в конце 20-х гг. индустриализация с самых первых шагов осуществлялась таким образом, чтобы вся промышленность, без разделения на гражданскую и военную, была в состоянии перейти к выпуску вооружения по

⁴⁶ Эксперт, № 11, 18 марта 2002 г. С. 8.

⁴⁷ «Почему победители в войне проиграли мир?» Сегодня, 2 июня 1995 г.

единому мобилизационному плану, тесно сопряженному с графиком мобилизационного развертывания Красной Армии.

Внешне, однако, Советский Союз отнюдь не выглядел сверхмилитаризованной страной. Это было связано с тем, что, в отличие от царской России, опиравшейся при оснащении своей армии преимущественно на специализированные государственные «казенные» заводы, не связанные технологически с находившейся в частной собственности гражданской промышленностью, советское руководство сделало ставку на оснащение Красной Армии таким вооружением (прежде всего авиацией и бронетанковой техникой), производство которого базировалось бы на использовании двойных (дуальных) технологий, пригодных для выпуска как военной, так и гражданской продукции.

Были построены огромные, самые современные для того времени тракторные и автомобильные заводы, а производимые на них тракторы и автомобили конструировались таким образом, чтобы их основные узлы и детали можно было использовать при выпуске танков и авиационной техники. Равным образом химические заводы и предприятия по выпуску удобрений ориентировались с самого начала на производство в случае необходимости взрывчатых и отравляющих веществ.

По подсчетам маршала М.Тухачевского, проведенным им в 1930 г., технологическая совместимость военной и гражданской техники позволяла в случае войны выпускать один самолет взамен трех автомобилей, один авиационный двигатель вместо двух автомобильных, один танк взамен двух тракторов и т.д. Учитывая, что по первому пятилетнему плану в 1933 г. предусматривался выпуск 350 тыс. автомобилей и 197 тыс. тракторов, СССР был способен, по мнению Тухачевского, производить на этой производственной базе 122,5 тысяч самолетов и 175 тыс. авиационных двигателей. Равным образом он считал, что запланированное на 1932-1933 гг. производство 197 тыс. тракторов позволит в случае войны довести производство танков до 100 тыс. машин в год.⁴⁸

И действительно, создав мощную и современную автотракторную промышленность, СССР, начиная с 1932 г. и до второй половины 30-х гг. (начала перевооружения Германии), производил больше танков и самолетов, чем остальные страны мира, вместе взятые. Мировое лидерство в выпуске военной техники маскирует, однако, тот факт, что основные усилия советского руководства в эти годы направлялись все же не на развертывание военного производства и ускоренное переоснащение армии на новую технику, а на развитие базовых отраслей экономики (металлургия, топливная промышленность, электроэнергетика и т.д.) как основы развертывания военного производства в случае войны.

⁴⁸ Л.Самуэльсон. Красный колосс. Становление советского военно-промышленного комплекса. 1921—1941 гг. Москва: АИРО-XX, 2001. Сс. 111-112.

Архивные документы свидетельствуют, что, санкционировав начавшийся процесс перевооружения армии, Сталин и Политбюро решительно отклоняли неоднократные требования Тухачевского и ряда других военных приступить к безотлагательному созданию массовой армии (около 250 дивизий) с десятками тысяч танков и боевых самолетов. Вместо этого приоритет был отдан развитию базовых, то есть формально гражданских отраслей промышленности как основы мобилизационного развертывания массового военного производства в будущем. Сталин даже обозвал Тухачевского за его предложения «красным милитаристом».

Разумеется, Сталин был не против ускоренного перевооружения Красной Армии. Просто он лучше, чем военные, понимал, что для того, чтобы произвести и содержать затребованное Тухачевским количество военной техники, необходимо огромное количество металла, топлива и т.д. А для развития базовых отраслей промышленности требуется гораздо больше средств и времени, чем на строительство сборочных автомобильных, тракторных и авиационных заводов, оборудование которых можно было в то время без особого труда закупить в США, переживавших тяжелейшую экономическую депрессию.

На самом деле все развитие базовых отраслей осуществлялось под углом зрения прежде всего военной, и лишь затем экономической целесообразности. Так, было принято решение о развертывании второй промышленной и сырьевой базы на Урале и в Сибири, а также хозяйственном освоении Севера, хотя в силу инфраструктурной неразвитости этих регионов капиталовложения в европейской части страны были бы экономически много эффективнее. Теми же военными соображениями было продиктовано и решение о сокращении в течение второй пятилетки военно-промышленных мощностей в Ленинграде ввиду его уязвимости в случае войны.

Закупая за рубежом в огромных количествах промышленное оборудование для создания современной индустрии, советское руководство одновременно целеустремленно и решительно принимало меры по достижению максимальной самодостаточности военного производства в случае войны. С этой целью были построены гигантские машиностроительные (например, «Уралмаш») и станкостроительные заводы. Правда, крупные закупки зарубежного оборудования продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны, однако их целью было не столько расширение текущего военного производства, сколько создание запасов уникального и дефицитного оборудования на случай войны.

Одновременно предпринимались огромные усилия по созданию независимой минерально-сырьевой базы. Это считалось особенно важной задачей ввиду того, что военная промышленность царской России в большой степени зависела от импорта многих материалов и металлов,

особенно цветных. Строились комбинаты типа Норильского, закладывались плантации искусственного каучука и т.д.

Для обеспечения перехода от гражданского производства к военному была создана разветвленная и строго централизованная система мобилизационной подготовки экономики. На всех уровнях советской власти и во всех органах экономического управления, вплоть до уровня каждого отдельного предприятия, были созданы специальные мобилизационные структуры, в которых уже к маю 1932 г. было занято 45 тыс. человек. Сама система централизованного планирования и партийного контроля сверху до низу идеально соответствовала интеграции гражданской и военной промышленности и была прекрасной школой для руководства экономикой в условиях мобилизации. Повышению эффективности мобилизационной подготовки способствовали и регулярные учения по переводу экономики на военное положение.

Приоритет мобилизационной подготовки промышленности перед текущим военным производством стал во второй пятилетке еще большим, чем в первой.

Так, по проекту пятилетнего плана производство боевых самолетов планировалось сократить с 3515 единиц в 1933 г. до 2000 ед. в 1937 г., танков — соответственно с 4220 до 2800 машин.⁴⁹

В то же время мобилизационные мощности по этим видам вооружения в соответствии с предложениями Госплана от июля-августа 1932 г. предусматривалось резко увеличить. Так, если мощности по выпуску танков планировались из расчета на выпуск, в случае мобилизации, 40400 танков в год в 1933 г. (включая 16 тыс. танкеток), то в 1937 г. они должны были возрасти до 90 тыс. машин (включая 20 тыс. танкеток). Мощности по боевым самолетам, по расчетам Госплана, должны были возрасти с 13100 ед. в 1933 г. до 46300 ед. в 1937 г. Создание же чисто военных предприятий с резервированием мощностей на случай войны многие специалисты Госплана считали расточительным омертвлением капитала.

Именно созданная в 30-х гг. система мобилизационной подготовки обеспечила победу СССР в годы второй мировой войны. Многократное превосходство над противником в танках и боевых самолетах, которое имели советские войска в начальный период войны, не спасло Красную Армию от сокрушительных поражений, а почти вся накопленная Советским Союзом за предвоенные годы военная техника была потеряна в первые же месяцы войны. На захваченной немцами к ноябрю 1941 г. территории СССР до войны добывалось 63% угля, производилось 58% стали и 60% алюминия. Находившиеся на этой территории перед войной 303 боеприпасных завода были или полностью потеряны, или эвакуированы на Восток. Производство стали в СССР с июня по декабрь

⁴⁹ Л.Самуэльсон. Красный колосс. Сс. 201, 202.

1941 г. сократилось в 3,1 раза, проката цветных металлов в 430 раз. За этот же период страна потеряла 41% своей железнодорожной сети.

В 1943 г. СССР производил только 8,5 млн. тонн стали (по сравнению с 18,3 млн. тонн в 1940 г.), в то время как германская промышленность в этом году выплавляла более 35 млн. тонн (включая захваченные в Европе металлургические заводы).

И, тем не менее, несмотря на колоссальный урон от немецкого вторжения, промышленность СССР смогла произвести намного больше вооружения, чем германская. Так, в 1941 г. СССР выпустил на 4 тысячи, а в 1942 г. на 10 тыс. самолетов больше, чем Германия. В 1941 г. производство танков в СССР составило 6590 машин против 3256 в Германии, а в 1942 г. — соответственно 24688 против 4098 танков.

Не удивительно, что победа в Великой Отечественной войне не только укрепила убежденность советского руководства в том, что советская плановая экономика является наиболее эффективной системой мобилизации ресурсов государства и общества на случай войны, но и в том, что высокая мобилизационная готовность страны важнее общих размеров ее экономики.

После второй мировой войны довоенная мобилизационная система, столь эффективно проявившая себя в годы войны, была воссоздана практически в неизменном виде. Многие военные предприятия вернулись к выпуску гражданской продукции, однако экономика в целом по-прежнему оставалась нацеленной на подготовку к войне.

При этом, как и в 30-е гг., основные усилия направлялись на развитие общеэкономической базы военных приготовлений. Об этом свидетельствовала знаменитая в свое время речь Сталина перед собранием избирателей 9 февраля 1946 г., на многие годы определившая развитие советской экономики. В ней он сказал:

Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей.

Ясно, что такое количество стали, нефти и угля Сталину было нужно не для мирного соревнования с капитализмом. Просто по опыту минувшей войны он знал, что производство оружия лимитируется прежде всего наличием сырья, топлива и металла. Сталин был, очевидно, уверен, что если СССР смог превзойти в производстве вооружений Германию, опирающуюся на промышленность всей континентальной Европы, имея на все про все 8 млн. тонн стали в год, то при ежегодной выплавке 60 млн. тонн стали СССР сможет сразиться в случае нужды со всем миром.

Естественно, что сокращавшееся после войны производство вооружений не могло поглотить быстро растущее производство сырья, металла, топлива и электроэнергии. Это позволяло правительству при

жестко регулируемой заработной плате не только практически бесплатно снабжать население теплом, газом, электричеством, взимать чисто символическую плату на всех видах городского транспорта, но и регулярно, начиная с 1947 г. и вплоть до 1953 г., снижать цены на потребительские товары и реально повышать жизненный уровень населения. Фактически Сталин вел дело к постепенному бесплатному распределению продуктов и товаров первой необходимости, исключая одновременно расточительное потребление в обществе.

Такая уникальная система «пушек и масла» позволяла в случае необходимости без особых дополнительных организационных мероприятий и затрат переключать это «избыточное» в условиях войны потребление и связанное с ним гражданское производство на нужды войны.

Совершенно очевидно, что капитализм с его рыночной экономикой не мог, не отказываясь от своей сущности, создать и поддерживать в мирное время подобную систему мобилизационной готовности.

Где-то на рубеже 70-х и 80-х гг. США практически полностью отказались от поддержания и финансирования мобилизационных мощностей в своей военной промышленности, и от всего, что с этим связано (запасов сырья, материалов, оборудования и т.п.). Это, однако, не означало недооценку ими важности мобилизационной подготовки экономики как таковой. Наоборот. Именно в это время США приступили к созданию принципиально новой системы мобилизации экономики на случай длительной безъядерной войны с СССР, курс на подготовку к которой они провозгласили в качестве официальной государственной политики в начале 80-х гг. Однако здесь нет возможности подробно останавливаться на этом вопросе. Отметим только, что новая американская система мобилизационной подготовки предполагала решительную деспециализацию военной промышленности и ее интеграцию с гражданским сектором экономики как основной базой мобилизационного развертывания на случай войны. Можно также добавить, что эта новая система не сулила СССР ничего хорошего в случае, если бы дело дошло до третьей мировой войны. Ибо к 80-м гг. советская мобилизационная система не только безнадежно устарела, но и основательно подорвала как экономику, так и обороноспособность страны в целом.

Военно-технический прогресс и усложнение военной техники, естественно, привели к возникновению специализированной военной промышленности и в СССР, и при этом даже ранее, чем в США. Такая техника, как танк Т-34 и новое поколение боевых самолетов, к созданию которой СССР приступил во второй половине 30-х гг., уже не могла собираться из автомобильных и тракторных деталей.

Начался процесс постепенного технологического и организационного обособления военного производства от остальной экономики. Уже в 1936 г. из Наркомата тяжелой промышленности, отвечавшего до этого как за военное, так и за гражданское производство, был выделен

Наркомат оборонной промышленности, на который среди других задач было возложено руководство мобилизационной подготовкой всей промышленности. В 1939 г. Наркомат оборонной промышленности был разделен в свою очередь на Наркомат авиационной промышленности, Наркомат судостроительной промышленности, Наркомат вооружения и Наркомат боеприпасов, в каждом из которых были созданы военно-мобилизационные отделы.

31 января 1938 г. была образована Военно-промышленная комиссия (ВПК) при Совнаркоме СССР, которая стала органом непосредственного руководства сначала Наркоматом оборонной промышленности, а затем и созданными на его основе специализированными наркоматами. Именно ВПК стала впоследствии, по большому счету несправедливо, персонифицированным выражением всего военно-промышленного комплекса СССР и символом милитаризации советской экономики.

После второй мировой войны появление ракетно-ядерного оружия, реактивной авиации и другой сложной военной техники потребовало невиданной ранее специализации военного производства. В этой области СССР быстро обогнал все западные страны, включая США. Апофеозом военно-научной и военно-производственной специализации стали невиданные на Западе «закрытые города», вся деятельность которых была связана с тем или иным обособленным направлением развития вооружения или его отдельных образцов.

Однако, в отличие от США, рост специализации военного производства никак не отразился на системе мобилизационной подготовки советской экономики. Просто стоящие перед ней задачи стали намного шире. Новые системы оружия требовали для своего производства уже не просто стали, нефти или алюминия, а совершенно новых, не использовавшихся ранее материалов, редкоземельных элементов, приборов и оборудования. Естественно, что задания на их производство ставились не только в целях удовлетворения потребностей текущего производства вооружения, но и с учетом создания мобилизационных мощностей на случай новой мировой войны.

Создавались мобилизационные мощности даже по производству межконтинентальных баллистических ракет, стратегических бомбардировщиков и атомных подводных лодок, чего американцы не делали никогда, считая эти виды вооружения малопригодными для мобилизационного развертывания ввиду чрезвычайно длительных сроков их производства.

Быстрые темпы военно-технического прогресса и появление все новых поколений вооружения делали мобилизационное планирование гораздо более сложным и менее прозрачным, чем ранее. Для своих расчетов мобилизационных мощностей Госплан СССР еще в 20-е гг. (кстати, впервые в мире) стал использовать так называемые межотраслевые балансы (МОБ) народного хозяйства. Для их наполнения требовались

многочисленные статистические данные, в основном на ежегодной и пятилетней основе. Однако коэффициенты МОБ отличаются большой инерционностью и с большим запозданием учитывают изменения в технологии производства. Обычно используемые коэффициенты имеют «возраст» не менее 10-15 лет, что чрезвычайно затрудняет определение мобилизационных потребностей в вооружении, для производства которого используются новейшие военные технологии и материалы. В результате советские мобпланы начали утрачивать свою обоснованность и реальность, и во все большей мере подгоняться под взгляды военной верхушки.

Однако окончательно систему мобилизационной подготовки экономики подорвали и довели в конце концов до окончательного краха (вместе со всей экономикой) непомерные требования Минобороны и Генштаба в отношении увеличения мобилизационных мощностей по производству традиционного вооружения (танков, самолетов, вертолетов, артиллерии, боеприпасов).

Возникла абсурдная ситуация. Советская экономика давно уже перевыполнила задание Сталина по производству стали, угля и нефти, которые он поставил в 1946 г. с тем, чтобы оградить СССР «от всяких случайностей». И тем не менее экономика испытывала дефицит во всех этих материалах и стремилась произвести их как можно больше. В то же самое время колхозные поля на территории всей страны были усыпаны многими миллионами тонн металлолома от сломанных тракторов, в то время как заводы все более ускоренными темпами увеличивали их производство. Промышленное оборудование и машины из года в год становились все более металлоемкими. Водители грузовых автомобилей сливали в канавы миллионы тонн горючего только для того, чтобы, избавившись от него, доказать, что они выполнили план по километражу и тем самым заработать несколько дополнительных рублей (их зарплата зависела от достигнутого километража, а последний должен был соответствовать количеству затраченного горючего). Вдоль железных дорог громоздились горы гибнущих под дождем удобрений, в то время как производительность сельского хозяйства непрерывно падала. Этот парадокс можно легко понять, если учитывать, что фабрики по производству удобрений строились и поддерживались в действующем состоянии в первую очередь в качестве резервной базы для боеприпасной промышленности. В отчаянии от всего этого многие экономисты приходили к выводу, что расточительство представляет собой неотъемлемую черту всякого централизованного планирования, и что единственным способом избавления от этого безумия являются либерализация цен и предоставление свободы для рыночной стихии.

При этом они не учитывали, что во время второй мировой войны советская промышленность действовала вполне эффективно и, возможно, даже менее расточительно, чем, к примеру, германская.

Причины невероятной затратности советской экономики становятся много понятнее, если принять во внимание мобилизационную систему СССР.

Хотя подлинные масштабы советских мобилизационных приготовлений к будущей войне до сих пор остаются тщательно охраняемой тайной, можно смело предположить, что они были близки к советским представлениям о приготовлениях США, с которыми Советский Союз стремился достичь паритета по всему диапазону военных усилий. Если взять оценки советским Генштабом американских мобилизационных возможностей за базу для расчетов, то, используя таблицы межотраслевого баланса, можно приблизительно оценить то количество металла, нефти, каучука и других материалов, которые Генштаб считал необходимыми для производства всего того вооружения, которое было предусмотрено мобилизационными планами Генштаба.

Я уверен, что полученные при этом гигантские цифры поразят воображение. И они объяснят многое из того, что происходило в советской экономике.

Во-первых, станет ясным, что оборонная промышленность выпускала в мирное время большое количество вооружения и военной техники просто для поддержания «теплой» производственной базы, позволявшей быстрее выйти на полную мощность в случае мобилизации.

Во-вторых, они объяснят подлинные причины постоянного роста гражданской продукции внутри оборонной промышленности. Удовлетворение потребительских нужд населения никогда не было решающим мотивом создания и развития гражданского сектора в рамках ВПК. Его существование объяснялось двумя основными целями: с одной стороны, он должен был служить готовым к немедленному использованию резервуаром дополнительной рабочей силы, оборудования и производственных площадей для ускорения мобилизации в случае войны, а, с другой стороны, он предназначался для субсидирования за счет своих прибылей производства вооружения и искусственного занижения стоимости военной продукции. Именно в этом кроется одна из причин мнимой дешевизны советского оружия.

В дефицитной советской экономике никого не беспокоили низкое качество и убогий внешний вид гражданских изделий, выпускавшихся оборонными предприятиями. Потребителю приходилось их покупать за неимением чего-либо лучшего. Естественно, что ВПК ревниво оберегал свою монополию на производство товаров длительного пользования (телевизоров, радиоприемников, холодильников, стиральных машин и т.д.), оправдывая свой монополизм необходимостью поддержания мобилизационной базы.

В-третьих, в интересах поддержания мобилизационной готовности многие предприятия были вынуждены поддерживать более высокий по сравнению с потребностями мирного времени уровень производства по

причинам технологического порядка, ибо многие производства (выплавка алюминия, производство кокса) требуют обеспечения непрерывного производственного цикла.

Наглядным примером служит алюминиевая промышленность. В настоящее время Россия ежегодно выплавляет более 3 млн. тонн алюминия, в то время как внутреннее потребление не превышает 200-300 тыс. тонн в год. Весь остальной алюминий идет на экспорт. СССР производил 4 млн. тонн алюминия в год, выделяя на экспорт лишь незначительную часть этого количества. Некоторая часть выплавляемого алюминия использовалась в военном производстве, однако основная его масса шла на производство низкокачественных изделий или просто в металлолом. Объяснялось это расточительством необходимостью поддержания алюминиевой промышленности в состоянии постоянной готовности для удовлетворения огромного скачка в использовании алюминия в военных целях в случае мобилизации.

По той же самой причине в СССР в излишнем количестве производились сталь, титан, магний и другие металлы, станки и даже транспортные средства.

Весьма сомнительно, что в последние десятилетия советское руководство понимало, что происходит в экономике и во сколько обходится поддержание высокого уровня мобилизационной готовности. Вполне очевидно, что оно отдавало себе отчет в том, что отсутствие развитого потребительского сектора вследствие хронической нехватки ресурсов на гражданские нужды имело негативные последствия для населения и сдерживало экономическое развитие. Поэтому время от времени разрабатывались амбициозные проекты удовлетворения потребностей гражданского населения (в сельском хозяйстве, жилищном строительстве, выпуске потребительских товаров и т. д.), на которые выделялись огромные финансовые средства (в 1989 г. субсидии сельскому хозяйству составили 90 миллиардов рублей, намного больше, чем официальные расходы на оборону).

Однако в реальной действительности громогласно объявляемые смены приоритетов развития (от группы «А» к группе «Б», если использовать лексику Госплана) в пользу потребительских товаров и услуг сводились к перераспределению «дутых» инвестиционных рублей, а не материальных и людских ресурсов. Другими словами, используя терминологию Ю.Яременко, эти большие финансовые потоки подкреплялись относительно низкокачественными материальными ресурсами.

Подобные новые цели устанавливались без отказа от старых (поддержание мобилизационных мощностей, разработка новых вооружений на базе высоких технологий, массовое производство нового, все более сложного вооружения). Они не отменяли принятую практику распределения ресурсов и не ликвидировали существующую систему приоритетов. А это означало, что в реальной жизни вся система управления

экономикой, как и прежде, ориентировалась на воспроизводство этих самых приоритетов.

Более того, подобные неуклюжие попытки повышения жизненного уровня населения приводили к ухудшению общей ситуации в стране, так как они вели к дополнительным неэффективным затратам материальных и людских ресурсов. Их следствием также был огромный рост незавершенных строительных объектов, число которых в последние годы существования СССР исчислялось сотнями тысяч. Таким образом, каждый новый год вел к росту реальных или мнимых дефицитов и связанной с ними скрытой инфляции.

Как и прежде, оборонный сектор сохранял приоритетный доступ ко всем качественным видам ресурсов — квалифицированной рабочей силе, лучшим ученым, новейшим технологиям, гарантированным поставкам других ресурсов по субсидированным ценам.

Исследования, проведенные Институтом народнохозяйственного прогнозирования Академии наук СССР в конце 80-х гг., свидетельствуют, что если бы вся продукция советского машиностроения была оценена по мировым рыночным ценам, то оказалось бы, что доля вооружения составила бы более 60% этой продукции, а доля товаров народного потребления не превысила 5%.

Эти цифры показывают, что уровень милитаризации советского машиностроения был феноменально высоким.

Однако, к сожалению, эти выводы Института народнохозяйственного прогнозирования были или проигнорированы большинством официальных лиц и экономистов, или некритически цитировались (и до сих пор цитируются) как доказательство того, что машиностроение расходовало на военное производство 60% физических ресурсов (то есть металла, энергии, рабочей силы, производственного оборудования и т.д.).

Совершенно ясно, что высокий уровень милитаризации машиностроительной промышленности объяснялся в первую очередь чрезвычайно низкой производительностью гражданского сектора этой отрасли. Это явилось следствием того, что в течение более чем полувека все лучшие технологии, материальные и людские ресурсы направлялись именно в военные и связанные с ними отрасли, в то время как гражданские производство и инфраструктура обрекались на частичную или полную неэффективность. Отсталость гражданского сектора была прямо пропорциональна тем ресурсам, которые отрывались от него в пользу производства военного. Такая экономика может обменивать свои продукты только на принудительной или некоммерческой основе через прямое распределение ресурсов по искусственно установленным ценам. Другими словами, подобная экономика может функционировать только в том случае, если она отвергает законы рыночной системы. Если такую экономику внезапно перевести на цены, соответствующие или приближающиеся к мировым, то вся система технологических связей внутри эконо-